

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1888.

№ 18.

СЕНТЯБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Слово по освященіи храма при Сумскомъ духовномъ училищѣ 8 сентября. Преосвященнаго Амвросія	353—359
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	360—397
Гимны Прудонція въ русскомъ переводѣ (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи Петра Цвѣткова	398—414
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи П. Линницкаго	223—248
О физиологическомъ методѣ въ психологіи (продолженіе). М. Остроумова.	249—266
Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія въ древней Греціи (продолженіе). И. Борсунскаго	267—272
III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Отъ Комитета для сбора пожертвованій бѣднымъ церквамъ и приходамъ Харьковской епархіи.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАВА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1888.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова и въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886 и 1887 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστις νοῦμεν

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Сентября 30 дня 1888 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павлова.*

СЛОВО

Преосвященнаго Амвросія Архієпископа Харьковскаго

по освященіи храма при Сумскомъ духовномъ училищѣ 8 сентября.

О значеніи храма въ дѣлѣ христіанскаго воспитанія.

*Вниду въ домъ Твой, поклонюся
ко храму святому Твоему въ страхъ
Твоемъ. (Пс. 5, 8).*

Христіанская мудрость издавна ввела въ обычай устроить особыя храмы при учебныхъ заведеніяхъ. Съ какою цѣлію?—Безъ сомнѣнія для того, чтобы поставить училища подъ ближайшее вліяніе храма, какъ важнѣйшаго и могущественнѣйшаго руководителя въ дѣлѣ христіанскаго воспитанія.

Въ послѣднее время мы привыкли возлагать въ дѣлѣ воспитанія всѣ надежды на обученіе, *на науку*. Но горькій опытъ съ каждымъ днемъ болѣе убѣждаетъ насъ въ безсиліи науки дать молодымъ поколѣніямъ тотъ добрый и надежный умственный и нравственный строй, который мы желали-бы видѣть въ будущихъ дѣятеляхъ на всѣхъ поприщахъ частной и общественной жизни. Мы не говоримъ уже о наукѣ свѣтской, которая по са-

тому существу своему не имѣеть надлежащихъ средствъ для нравственнаго развитія юношества. Но даже и наука христіанская, или такъ называемое преподаваніе Закона Божія, самое тщательное и разумное, не дастъ надлежащихъ плодовъ безъ святаго храма и благодатныхъ средствъ для дѣйствія на души воспитанниковъ, какими онъ обладаетъ.

Всякая наука имѣеть своимъ предметомъ развитіе разума и обогащеніе его познаніями. Точно такъ-же и наука христіанская главнымъ образомъ сообщаетъ уму истины божественнаго откровенія, правила христіанской нравственности, исторію Церкви и пр. Но и при лучшихъ дарованіяхъ законоучителей, при полной ихъ ревности къ своему дѣлу, они не могутъ сдѣлать ничего болѣе, какъ только заложить въ душахъ молодыхъ людей здравыя религіозныя понятія, благоговѣніе къ вѣрѣ и Церкви; но вліяніе ихъ на сердце учениковъ, которое должно быть главнымъ двигателемъ въ нравственной жизни, можетъ быть только косвенное, примѣнительное и приспособительное, и слѣдовательно не полное. Безъ проникновенія въ сердце силы и духа божественной истины, что можетъ сдѣлать только благодать Божія, всѣ познанія будутъ холодны, сухи; они будутъ свѣтить не солнечнымъ, а луннымъ свѣтомъ, не дающимъ надлежащей теплоты и жизни для нравственнаго развитія души человѣческой.

Что-же даетъ въ этомъ отношеніи храмъ? Чѣмъ восполняетъ онъ науку христіанскую? — Въ то время, когда учителя закладываютъ божественное ученіе въ умы воспитанниковъ, храмъ *полагаетъ это ученіе на ихъ сердце и проводитъ его въ сердце.* Это можно указать послѣдовательно, руководствуясь самымъ порядкомъ преподаванія Закона Божія.

Первый предметъ христіанской науки составляютъ

божественные догматы православной вѣры, — и прежде всего ученіе о Богѣ, нашемъ Творцѣ и Промыслителѣ. Но разсуждая о *Богѣ*, — и съ искреннею вѣрою, любовію и убѣжденіемъ, учитель можетъ говорить о Немъ по необходимости только какъ о существѣ умопредставляемомъ, и притомъ высочайшемъ, необъятномъ и непостижимомъ. Приближать Бога къ душѣ слушателя учитель можетъ не иначе, какъ только усиліями собственнаго ума для Его изображенія съ цѣлію поднять умъ воспитанника до возможно яснаго представленія Существа Божія. Но очевидно, что для этого слабы силы и учителя и ученика. Храмъ въ этомъ отношеніи дѣлаетъ неизмѣримо больше. Онъ ставитъ ученика *предъ Самимъ Богомъ*, или, какъ говоритъ псалмопѣвецъ, предъ Лицемъ Божиимъ (Пс. 43, 3). Здѣсь Самъ Богъ становится учителемъ и просвѣтителемъ, приближаясь и прикасаясь таинственно къ душѣ христіанскаго воспитанника, возрожденной благодатію Божіею, усыновленной Богу, слѣдовательно способной познать въ Богѣ своего Отца и принять отъ Него Самого, *видимаго для чистаго сердца* (Мат. 5, 8), радостотворный свѣтъ Его любви, и почувствовать сладость Его божественнаго гласа, *слышимаго* для тѣхъ, кого Онъ къ Себѣ призываетъ (Іоан. 10, 27). Счастливъ учитель, если успѣлъ своими уроками поставить учениковъ своихъ прямо, благоговѣйно и бодренно предъ Богомъ; этимъ онъ сдѣлалъ все, что былъ въ силахъ сдѣлать. Храмъ довершаетъ дѣло возношеніемъ, такъ сказать поднятіемъ къ Богу умовъ и сердецъ юношества. Здѣсь умильными молитвами и пѣснопѣніями, изображеніемъ Божія величія, любви и промышленія о всѣхъ тваряхъ небесныхъ и земныхъ, о людяхъ счастливыхъ и страждущихъ, о сиротахъ и вдовицахъ, о грѣшникахъ призываемыхъ къ покаянію и праведникахъ подвизающихся въ добродѣтели, сердца

молящихся призываются къ участию во всемірномъ прославленіи Вседержителя Бога и возвышаются до славословія съ Ангелами: *святъ, святъ, святъ Господь Саввоуз!*

Христіанская наука можетъ только разъяснять печальное событіе грѣхопаденія человѣка и глубину нашего нравственнаго растлѣнія съ цѣлію указать истинное значеніе нашей земной жизни и потребность выхода изъ этого бѣдственнаго состоянія человѣчества. Но храмъ дѣлаетъ больше: онъ *оплакиваетъ* наше бѣдствіе въ своихъ покаянныхъ молитвословіяхъ, вводитъ насъ въ сознаніе нашей собственной грѣховности и прививая къ нашему сердцу *печаль яже по Бози* (2 Кор. 7, 10), охлаждаетъ его по отношенію къ радостямъ земнымъ и пробуждаетъ въ немъ желаніе утѣшеній чистой совѣсти и мира душевнаго, даруемаго благодатію Божіею.

Христіанскій учитель можетъ и долженъ съ благоговѣніемъ разъяснять тайну искупленія человѣчества воплощеніемъ и крестною смертію Сына Божія и съ сердечною теплотою излагать жизнь и дѣла нашего Спасителя, но онъ никогда не будетъ въ силахъ сдѣлать то, что дѣлаетъ въ этомъ отношеніи храмъ. Храмъ наполненъ именемъ нашего Господа и его изображеніями въ трудѣ и страданіяхъ для нашего спасенія, въ Его божественныхъ совершенствахъ, въ чудесахъ Имъ совершонныхъ, и въ славѣ Его воскресенія. Здѣсь Церковь съ Нимъ страждетъ, обливаема слезами Его крестныя язвы, съ Нимъ радуется и торжествуетъ побѣду надъ смертію и адомъ. Здѣсь она вводитъ насъ во внутреннее общеніе и союзъ со Христомъ въ святѣйшемъ таинствѣ Тѣла и Крови Его и прививаетъ насъ къ нашему Искупителю, какъ вѣтви къ живой лозѣ (Іоан. 15, 1. 4), приучаетъ насъ любить Его всею душою, носить Его въ нашемъ сердцѣ, въ Немъ пола-

гать нашу силу, наши успѣхи, наши радости и надежды.

Христіанская наука излагаетъ исторію дивнаго промысленія Божія о спасеніи человѣчества отъ перваго благовѣстія о пришествіи въ міръ Искупителя нашего до сего дня, проходя изъ вѣка въ вѣкъ длинный рядъ великихъ событій и изображая свѣтлый сонмъ святыхъ и блаженныхъ дѣятелей на славномъ поприщѣ Церкви вселенской. Велика заслуга учителя, если онъ успѣлъ поселить въ душахъ воспитанниковъ любовь къ этой наукѣ предпочтительно предъ исторіею царствъ человѣческихъ и благоговѣніе къ святымъ Божиимъ, превышающее уваженіе къ героямъ и великимъ дѣятелямъ міра сего. Но и въ этомъ отношеніи только храмъ завершаетъ дѣло учителя. Здѣсь Церковь повѣствуетъ о тѣхъ-же событіяхъ, но не въ научной строгости, а въ священно-художественныхъ изображеніяхъ и пѣснопѣніяхъ, живописуя намъ славу Самого Бога, *дивнаго во святыхъ своихъ*. Но, главное,—здѣсь явственно и ощутительно говорится сердцу каждаго изъ насъ: „и ты призываешься въ общеніе съ этимъ святымъ обществомъ ублажаемыхъ подвижниковъ вѣры, и тебѣ открытъ этотъ путь къ вѣчной славѣ; присоединяйся къ этому священному шествію званыхъ въ Царствіе Божіе; иди твердо и неуклонно по пути спасенія“. Никакая школа не сообщитъ и не замѣнитъ этого таинственнаго и мощнаго влеченія души человѣческой къ небу и къ Богу, какое сообщаетъ храмъ.

Христіанская наука съ настойчивостію изъясняетъ силу заповѣдей Божіихъ и необходимость въ подвигахъ терпѣнія и самоотверженія для нравственнаго усовершенствованія, но она не идетъ далѣе словъ и увѣщаній, которыя легко утрачиваются изъ нашей памяти и сознанія. Напротивъ, храмъ не только указываетъ, но

и *даетъ опыты* этихъ трудовъ и подвиговъ, которые, какъ всякій опытъ, входятъ не въ память только, а въ навыкъ, т. е. въ нашу жизнь и дѣятельность. Здѣсь даются уроки терпѣливаго предстоянія предъ Богомъ въ молитвѣ, напряженныхъ усилій держать умъ и сердце въ бодренномъ состояніи, смиренныхъ колѣнопреклоненій и сердечныхъ изліяній размягченной души въ благодатныхъ слезахъ покаянія. Отсюда выносятся и въ домашнюю христіанскую жизнь убѣжденіе, что въ трудѣ духовномъ сокрыты некрадомыя радости; отсюда распространяется въ христіанскомъ обществѣ духъ благочестія и ревности къ благоустроенію жизни.

Наконецъ, храмъ въ учебномъ заведеніи есть охранитель въ душахъ воспитанниковъ *начала премудрости, — страха Божія*. Здѣсь наилучшее мѣсто для вечерней и утренней молитвы, возбуждаемой и окрыляемой самою святостію мѣста, какъ дома Божія. Сюда дѣтскія сердца должны быть постоянно обращаемы съ мольбою къ Отцу небесному о помощи въ трудахъ, о дарованіи успѣховъ въ ученіи, объ утѣшеніи въ собственныхъ ихъ возрасту скорбяхъ и печаляхъ. Отсюда исходитъ постоянное напоминаніе учащимъ и учащимся объ истинной цѣли воспитанія, — преуспѣяніи нравственномъ, о благоговѣйномъ поведеніи живущихъ, о чистотѣ помысловъ, объ осторожности въ словѣ, о благоприличіи во всѣхъ движеніяхъ и поступкахъ. Отсюда же исходитъ и Божіе благословеніе на всѣхъ здѣсь водворившихся и благочестно живущихъ.

Возблагодаримъ Господа Бога за великую Его милость ниспосланную намъ въ построеніи этого училища и въ сооруженіи этого святаго храма. Исповѣдуемъ предъ Нимъ — милосердымъ и смиренное сознаніе вѣрующихъ сердець: *аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудитася зиждущи*.

Здѣсь-же предъ Лицемъ Божиимъ, съ молитвеннымъ призываніемъ Его милости и благословенія принесемъ отъ имени Церкви Божіей и ея служителей сердечную благодарность добрымъ Сумскимъ гражданамъ, съ такою любовію у себя, на прекрасномъ мѣстѣ, приютившимъ наше начальное духовное училище. Утѣшительно было видѣть, благочестивые граждане, ваше живое сочувствіе къ нашему дѣлу и вашу усердную помощь въ сооруженіи этого дома и храма—и средствами и личнымъ трудомъ. Да воздастъ вамъ Господь здравіемъ, долгоденствіемъ, благопоспѣшеніемъ въ дѣлахъ вашихъ и дальнѣйшимъ процвѣтаніемъ вашего христолюбиваго града. Аминь.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Для атаки французскихъ позицій союзники располагали громадными силами, всего около 120,000 ч., но диспозиція, составленная княземъ Шварценбергомъ, построена была на совершенно фальшивыхъ основаніяхъ и не дала возможности воспользоваться скоро и рѣшительно этимъ подавляющимъ численнымъ превосходствомъ. Оказывается, что въ главной квартирѣ князя не имѣли точныхъ свѣдѣній ни о непріятелѣ, ни о мѣстѣ нахождения собственныхъ корпусовъ. Хотя маршалы Мармонъ и Мортъе уже занимали высоты подъ Парижемъ, но союзные стратеги, опустившіе ихъ совершенно изъ виду уже нѣсколько дней тому назадъ, полагали, что они только приближаются къ столицѣ Франціи со стороны Фонтенебло. Основываясь на этомъ фантастическомъ предположеніи, диспозиція князя Шварценберга рассчитывала завладѣть городомъ почти безъ всякаго сопротивленія и назначала для атаки Бельвильскихъ высотъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 16.

и для занятія всей мѣстности вдоль до Уркскаго канала отъ Пантена до самой городской ограды всего лишь одинъ корпусъ Раевского, около 19,000 ч. Въ резервъ за этими войсками поставлена была русско-прусская гвардія и гренадеры подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, но при этомъ предполагалось само собою, что гвардія и гренадеры будутъ оставаться все время внѣ линіи огня, что дѣло обойдется и безъ нихъ. Выдвигая противъ главной непріятельской позиціи такія незначительныя силы, диспозиція сосредоточила громадную массу войскъ подъ начальствомъ кронпринца виртембергскаго и генерала Гюлая на берегу Марны и предписывала этимъ отрядамъ заграждать съ одной стороны путь къ Парижу Мармону и Мортье, а съ другой повести атаку на Венсенскій лѣсъ, Шарантонъ и Венсенскій замокъ. Наконецъ, фельдмаршалу Блюхеру отправленъ былъ приказъ атаковать своими войсками Сень-Дени и Монмартръ, одновременно съ войсками Раевского, т. е. около пяти часовъ утра. Приказанія, отданныя кронпринцу и Блюхеру, не могли быть, однакоже, исполнены въ точности, такъ какъ войска этихъ генераловъ находились на зарѣ 30-го (18-го) марта вовсе не на тѣхъ пунктахъ, гдѣ предполагала ихъ диспозиція. При самомъ лучшемъ желаніи они не могли достигнуть непріятельскихъ позицій ранѣе полудня. Результатъ всѣхъ этихъ странныхъ распоряженій былъ въ высшей степени благопріятенъ для защитниковъ Парижа. Оказалось, что французамъ пришлось имѣть дѣло въ первые часы сраженія всего лишь съ 19,000 союзниковъ, другими словами, что на ихъ сторонѣ была не только крѣпкая позиція, но и численное превосходство ¹⁾.

Маршалъ Мармонъ сдѣлалъ впрочемъ, съ своей стороны, также чрезвычайно крупную ошибку. Расположивъ свои войска на высотахъ Бельвиля на линіи между Мотрейлемъ и Пре-Сентъ-Жерве, онъ опустилъ изъ виду занять своевре-

¹⁾ Диспозиція К. Шварценберга у Плото, *Der Krieg in Deutschland und Frankreich in d. Jahren 1813 und 1814*, т. III, стр. 404; разборъ диспозиціи у Бернгардт, т. IV, 2-я половина, стр. 345 и слѣд.

менно крѣпкій замокъ Роменвиль ¹⁾, расположенный на склонѣ высотъ, окруженный обширнымъ, огражденнымъ каменными стѣнами, и чрезвычайно удобнымъ для обороны, паркомъ. По странному стеченію обстоятельствъ, союзники также не заняли этого важнаго пункта, и теперь все зависѣло отъ того, какая сторона пойметъ ранѣе свою ошибку и успѣетъ предупредить противника. Герцогъ Евгенийъ вюртембергскій, войска котораго входили въ составъ колонны Раевского, явился и на этотъ разъ какъ при Кульмѣ прозорливѣйшимъ и отважнѣйшимъ изъ союзныхъ вождей. Евгению было предписано идти впередъ по долину Уресскаго капала, но онъ видѣлъ, что всѣ возвышенныя пункты надъ этою долиною, какъ-то Ла-Виллетъ и Пре-Сентъ-Жерве были заняты сильными непріятельскими отрядами и артиллеріею. Герцогъ тотчасъ-же понялъ, что, исполняя данное ему приказаніе, онъ попадетъ подъ перекрестный огонь и погубитъ безъ всякой пользы для дѣла свои войска. А между тѣмъ отъ вниманія герцога не укрылось, что Роменвиль съ его паркомъ и замкомъ не были заняты ни французами, ни союзниками. Значеніе этого пункта было очевидно и герцогъ, не теряя ни минуты времени, рѣшился вопреки своей инструкціи занять его своими войсками. Оставивъ дивизию

¹⁾ Мармонъ говоритъ объ этой своей ошибкѣ слѣдующее: „Я понялъ значеніе Роменвильской позиціи и зная, что Комнанъ, при своемъ отступленіи, покинулъ ее, не имѣлъ свѣдѣній о занятіи ея непріятелемъ. Ночью я отправилъ изъ Согнъ-Манде патруль, дабы удостовѣриться на счетъ этого важнаго обстоятельства. Офицеръ, командовавшій этимъ патрулемъ, донесъ мнѣ, не побывавъ даже въ Роменвилѣ, что тамъ непріятеля нѣтъ. Эта ошибка, настоящее преступленіе на войнѣ, имѣла, однако-же, одинъ благопріятный результатъ и была отчасти причиною продолжительности этой столь достопамятной по неравенству силъ защиты. Она имѣла то вліяніе, что побудила меня дѣйствовать наступательно и тѣмъ дала всей защитѣ совершенно иной характеръ. На основаніи этого ложнаго донесенія я отправился за часъ до восхожденія солнца изъ Шаронтона, дабы занять Роменвильскую позицію, захвативъ съ собою 1200 ч. пѣхоты, немного кавалеріи и пушекъ и т. д.“ Изъ сопоставленія извѣстій Мармона и принца Евгенія, у Гельдорфа, оказывается, что офицеръ, посланный Мармономъ, донесъ маршалу совершенно вѣрно, такъ какъ Роменвиль былъ занятъ войсками Евгенія только утромъ 30 марта. См. Hellaorf. Aus d. Leben d. Prinzen Eugen v. Württemberg, т. IV, стр. 53.

Пюшницкаго передъ деревнею Пантеномъ, Евгеній самъ сталъ во главѣ дивизіи Шаховскаго и быстрымъ шагомъ повелъ ее на Роменвиль. О своемъ рѣшеніи герцогъ увѣдомилъ генераловъ Барклая и Раевского въ слѣдующихъ словахъ, набросанныхъ карандашемъ на клочкѣ бумаги. „Роменвиль—настоящій ключъ всей позиціи,—его нельзя оставлять не занятымъ. Кровопролитный бой ожидаетъ второй корпусъ. Онъ жертвуетъ собою. Это уже не первый разъ. Я рассчитываю на скорую помощь“ ¹⁾).

Едва только войска Евгенія заняли Роменвиль и большую часть его парка, какъ со стороны Бельвиля показались сильныя непріятельскія колонны. То были три французскія дивизіи, предводимыя самымъ Мармономъ. Маршалъ понялъ свою оплошность и спѣшилъ теперь загладить ее. Внезапнымъ ударомъ рассчитывалъ онъ вытѣснить русскихъ изъ парка, но встрѣтилъ самое упорное и отчаянное сопротивление. Войска Евгенія оказались вполне достойными своей старой славы. Въ теченіи цѣлаго часа въ паркѣ кипѣлъ самый ожесточенный бой, но тщетно вводилъ маршалъ въ огонь все новыя и новыя батальоны, тщетно становился онъ впереди атакующихъ колоннъ, пытаясь одушевить ихъ своею личною отвагою. Солдаты Евгенія стояли какъ незыблемая скала и не уступали французамъ ни пяди земли. Неслыханное упорство непріятеля, его повторенныя и усиленныя атаки навели герцога на мысль, что онъ имѣетъ дѣло не съ слабыми отрядами дивизіи Компана, какъ предполагала эта диспозиція князя Шварценберга, а съ цѣлыми корпусами Мармона и Мортъе. Показанія плѣнныхъ не замедлили подтвердить эту мысль. Евгеній узналъ отъ нихъ, что маршалы заняли еще на ранней зарѣ всѣ высоты передъ Парижемъ;

¹⁾ Bomainville est la clef du terrain et doit être occupé. Un sanglant combat y attend le second corps. Il se de voue. Ce n'est pas la première fois. J'espère un prompt secours. Eugène.

Барклая отвѣчалъ герцогу такими словами: „съ благодарностью признаю Вашу рѣшимость. Гренадеры готовы поддержать васъ“.

Helldorf. Aus d. Leben. d. Prinzen Eugen v. Württemberg, T. 4, стр. 54.

немедленно далъ онъ знать союзному главнокомандующему о своемъ открытіи ¹⁾.

Между тѣмъ къ герцогу начали прибывать подкрѣпленія. Прежде всѣхъ подошли четыре баталіона егерей подъ командою генерала Властова. Одновременно съ ихъ прибытіемъ, генераль Пюшницкій попытался, слѣдуя указаніямъ Евгенія, обойти лѣвое крыло французовъ у Роменвиля. Одинъ баталіонъ Волынскаго полка взобрался незамѣтно на высоту и смѣло ударилъ въ тылъ войскамъ Мармона. Это смѣлое движеніе озадачило непріятели. Онъ прекратилъ свои атаки на Евгенія и обратился противъ новаго врага. Геройскіе волынцы, осыпанные со всѣхъ сторонъ картечью, тѣсными густыми колоннами пѣхоты, погибли почти до послѣдняго человѣка, но они сдѣлали свое дѣло ²⁾. Непритель не могъ уже возобновить атаки на Роменвиль, онъ принужденъ былъ ограничиться собственной защитою. На помощь къ Евгенію подоспѣла цѣлая гренадерская бригада Чоглокова, посланная генераломъ Барклаемъ. Мгновенно сраженіе приняло совершенно иной оборотъ. Всѣ войска Евгенія двинулись впередъ и ударили на французовъ въ штыки. Послѣ ожесточенной рукопашной свалки дивизіи Мармона обратили тылъ и искали спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ. Самъ маршалъ попалъ при этомъ въ страшную опасность. Какъ настоящій полководецъ, онъ сражался въ послѣднихъ рядахъ отступающей колонны. Русскіе тѣснили его со всѣхъ сторонъ. Около десятка солдатъ были заколоты вокругъ него штыками, ежеминутно грозили ему плѣнъ или смерть. Въ этотъ моментъ одинъ французскій баталіонъ, отрѣзанный русскими въ Ла-Брюерскомъ паркѣ, пытаюсь проложить се-

¹⁾ См. Lützow, Beiträge zur Kriegsgeschichte der Feldzüge 1813 и 1814., стр. 279. Не имѣя подъ рукою этой книги, я пользуюсь ссылкой на нее у Бернгарди, т. IV, 2-я пол., стр. 355.

²⁾ Атака волынцевъ предпринята была по личной инициативѣ командира ихъ, подполковника Юрковскаго. Изъ всего полка уцѣлѣло лишь нѣсколько сотъ человѣкъ, да и то, по большей части, раненыхъ. Подробности этого геройскаго подвига см. въ особенности у Гелльдорфа, Aus d. Leben d. Prinzen Eugen v. Württemberg, T. 4, стр. 59.

бѣ путь къ отступленію, атаковалъ съ тылу войска Евгенія и задержалъ на нѣсколько моментовъ ихъ движеніе впередъ. Мармонъ воспользовался этими минутами. Онъ успѣлъ отвести свои разбитыя войска на высоты Бельвиля и расположилъ ихъ здѣсь въ новой укрѣпленной позиціи ¹⁾.

Было уже 11 часовъ утра, когда побѣдоносныя войска Евгенія утвердились окончательно въ Роменвилѣ и Ла-Брюерѣ и заняли всѣ подступы къ Бельвильскимъ высотамъ. Мармонъ, имѣвшій пока дѣло лишь съ незначительною частью союзныхъ силъ, убѣдился въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія. Немедленно увѣдомилъ онъ короля Іосифа о безнадежномъ положеніи дѣлъ. „Я не могу“, писалъ онъ ему, „продлить оборону далѣе двухъ часовъ и предупредить несчастіе насильственнаго взятія Парижа“ ²⁾. Отправляя свою записку, Мармонъ не подозрѣвалъ, что онъ черезчуръ поторопился и что взятіе Парижа не было еще такъ близко, какъ казалось ему. Къ удивленію маршала, непріятель не только не преслѣдовалъ его, но даже совершенно пріостановилъ свои атаки. Прошло цѣлыхъ три часа, а союзныя колонны не двигались съ мѣста. Только одна артиллерія продолжала обмѣниваться выстрѣлами съ французскими орудіями. Мармонъ не въ состояніи былъ объяснить себѣ причины этого загадочнаго явленія, но онъ старался воспользоваться, по возможности, неожиданнымъ отдыхомъ, даннымъ ему непріателемъ. Ему удалось привести за это время въ порядокъ свои разстроенныя войска и распредѣлить ихъ возможно удобнѣе на занимаемыхъ имъ позиціяхъ.

Причина временнаго бездѣйствія союзниковъ была, впрочемъ, очень простая. Если рано утромъ союзный главнокомандующій полагалъ, что ему прійдется имѣть дѣло съ одною дивизіею Компана и рассчитывалъ занять почти безъ

¹⁾ Подробности этого эпизода см. въ мемуарахъ Мармона, т. VI, стр. 243—244. Маршалъ приписываетъ свое спасеніе исключительно полковнику Генгезеру, называя его при этомъ: *le plus brave soldat et le plus brave homme, que j'aie jamais connu*“.

²⁾ Мармонъ ни слова не говоритъ объ этой запискѣ въ своихъ мемуарахъ; мы знаемъ ее только изъ мемуаровъ короля Іосифа.

боя высоты, господствующія надъ Парижемъ, то теперь, получивъ свѣдѣнія, что онъ имѣетъ передъ собою корпуса Мармона и Мортъе, Шварценбергъ рѣшилъ приостановить атаки до тѣхъ поръ, пока пріймутъ участіе въ дѣлѣ войска Блюхера и кронпринца, и подавить затѣмъ непріятеля своими массами. Такого-же мнѣнія, какъ фельдмаршалъ, держался на этотъ разъ и генераль Барклай-де-Толи. И ему казалось, что не слѣдуетъ продолжать бой съ недостаточными силами и что гораздо лучше отложить рѣшительное нападеніе на непріятеля до прибытія силезской арміи и корпуса кронпринца ¹⁾).

Передовыя войска Блюхера появились передъ непріятельскими позиціями около 10 часовъ утра, но только къ полудню начали показываться на Сенъ-Денисской равнинѣ главныя массы силезской арміи. Іосифъ Бонапарте, находившійся въ это время на высотѣ Монмартра, могъ свободно наблюдать движеніе этихъ грозныхъ массъ. Онъ видѣлъ какъ одинъ сильный непріятельскій отрядъ обходилъ Монмартръ съ западной стороны и приближался къ деревнѣ Обервилъе, занятой застрѣльщиками Мортъе, тогда какъ два другіе непріятельскіе корпуса наступали съ востока, собираясь атаковать деревню Ла-Шапель. То были войска Ланжерона съ одной стороны, корпуса Іорка и Клейста, съ другой. Вся равнина сверкала оружіемъ. Облака пыли подымались къ верху подъ копытами многочисленной русско-прусской конницы. Самъ фельдмаршалъ Блюхеръ находился въ срединѣ наступающихъ колоннъ. Онъ не могъ сидѣть на конѣ вслѣдствіе своей болѣзни, но онъ не хотѣлъ разставаться съ своими солдатами въ эту торжественную и рѣшительную минуту. Сидя въ своей походной коляскѣ, руководилъ онъ движеніями колоннъ.

Іосифъ Бонапарте, никогда не отличавшійся особенною личною храбростью, распрощался съ послѣднею надеждою отстоять Парижъ въ виду этого зрѣлища. Эту надежду отнимала у него и коротенькая записка маршала Мармона,

¹⁾ Бернгарди, Т. IV, половинна 2-я, стр. 357—358.

полученная имъ въ этотъ самый моментъ. Не теряя ни минуты времени,—(ужасы штурма Парижа носились предъ его разстросненнымъ воображеніемъ),—сообщилъ онъ маршалу, что онъ уполномочиваетъ его вступить немедленно въ переговоры съ непріятелемъ о сдачѣ города. Написавъ письмо ¹⁾ Мармону, Іосифъ оставилъ свой наблюдательный постъ на Монмартрѣ и не останавливаясь въ Парижѣ, выѣхалъ въ слѣдъ за императрицею Маріею-Луизою. Бонапартисты поставили впоследствии этотъ торопливый отъѣздъ въ страшную вину королю Іосифу; они усматривали въ немъ главную причину капитуляціи Парижа и паденія наполеоновской династіи. Насколько вѣрны подобныя обвиненія, и кто былъ дѣйствительнымъ виновникомъ катастрофы,—на эти вопросы исторія дала уже давно свой безпристрастный отвѣтъ.

Маршалъ Мармонъ не торопился воспользоваться разрѣшеніемъ, полученнымъ имъ отъ короля Іосифа. Онъ самъ сожалѣлъ теперь о своей прежней поспѣшности и твердо намѣренъ былъ продлить оборону Парижа до послѣдней возможности. Около часу для всѣхъ союзныхъ колоннъ, предназначенныя принять участіе въ послѣдней рѣшительной атакѣ, приблизились, наконецъ, къ непріятельскимъ позиціямъ ²⁾. Войска кронпринца виртембергскаго вступили въ Венсенскій лѣсъ, взяли штурмомъ Сень-Мо и завладѣли, послѣ отчаяннаго сопротивленія французовъ, селеніемъ Шарптонъ. Съ другой стороны прусская гвардія не только завоевала всю деревню Цантенъ, но и оттѣспила непріятеля до мѣстечка Ле-Мезо-

¹⁾ Письмо было составлено въ такихъ выраженіяхъ: „Si M. le marechal duc de Raguse et M. le marechal duc de Treviso ne peuvent plus tenir, ils sont autorisés à entrer en pourparlers avec le prince de Schwarzenberg et l'empereur de Russie, qui sont devant eux. Ils se retireront sur la Loire. Joseph.“

²⁾ Объ этихъ послѣднихъ рѣшительныхъ событіяхъ, равно какъ и о всемъ сраженіи подъ Парижемъ, см. въ особенности: Aus dem Leben d. Prinzen Eugen von Württemberg, Т. IV, стр. 51—108; см. также Кохъ, Memoires pour servir à l'histoire de la campagne de 1814, Т. II, стр. 445—487; Мармонъ Memoires, Т. VI, 241—247, Тьеръ, Histoire du consulat et de l'empire Т. XVII, стр. 593—607; Шото, der Krieg in Deutschland und Frankreich in d. Jahren 1813—1814, Т. III, стр. 403—417; Беригарди, Т. IV, 2-я половинна стр. 345—365. Богдановичъ, Т. IV, стр. 488—500; Denkwürdigkeiten eines Lievländers, Т. II, 248—258 и мн. другія...

нетъ, причемъ попала въ ея руки большая батарея, выдвинутая непріателемъ на этотъ пунктъ. Между тѣмъ силезская армія съ своей стороны неудержимо подвигалась впередъ. Въ то время, какъ войска Ланжерона вытѣснили французовъ изъ Обервилье, а корпуса Йорка и Клейста повели атаку на Ла-Шапель, принцъ Вильгельмъ перевелъ свою бригаду черезъ Урскій каналъ и сблизился съ войсками главной арміи, занимавшими Пантенъ. Въ этотъ моментъ французы предприняли неожиданное наступленіе. Одна ихъ колонна перешла у Ла-Виллета по мосту черезъ Урскій каналъ и ударила на прусскую гвардію, другая, съ кавалеріею во главѣ, бросилась изъ Ла-Виллета на прусскую бригаду Кацлера. Обѣ колонны потерпѣли, однако-же, полную неудачу. Особенно печальная участь постигла французовъ, выступившихъ противъ Кацлера. Едва только вышли они въ открытое поле, какъ на нихъ бросились пять эскадроновъ прусскихъ гусаръ. Французы, ошеломленные внезапною атакою, не успѣли построиться въ карре. Ихъ конница бросилась въ рассыпную назадъ, а ихъ пѣхота была моментально стоптана и изрублена гусарами. Оставшіеся въ живыхъ спѣшили укрыться въ деревнѣ Ла-Виллетъ; 13 орудій достались въ добычу пруссакамъ. Принцъ Вильгельмъ рѣшился воспользоваться смятеніемъ непріателя. Войска его быстро двинулись впередъ, взяли штурмомъ Ла-Виллетъ и, преслѣдуя разбитаго непріателя, проникли до самой Пантенской заставы.

Около трехъ часовъ утра, русскія войска предприняли рѣшительную атаку Бельвильскихъ высотъ. И тутъ французы пытались задержать своихъ враговъ неожиданными контръ-атаками, но и тутъ ихъ плохо рассчитанные маневры только ускорили катастрофу. Уже дивизія Мезенцова выгнала французовъ почти безъ сопротивленія изъ деревни Баньоле, уже кавалерія Палена спустилась черезъ Монтрейль въ Венсенскую равнину, когда на встрѣчу наступающимъ русскимъ войскамъ выдвинулась сильная непріательская батарея изъ 28 орудій и попыталась открыть огонь. Но едва только первыя непріательскія орудія начали сниматься съ передковъ,

какъ на французовъ ударили два эскадрона чугуевскихъ уланъ. Въ одинъ моментъ уланы захватили всю батарею. Артиллерійская прислуга была частью перебита, частью захвачена въ плѣнъ. Жапдармы и національные гвардейцы, составлявшіе прикрытіе, бѣжали въ дикомъ безпорядкѣ къ городской заставѣ. Французская кавалерія спѣшила на помощь къ своимъ орудіямъ. Ей удалось спасти часть батарей, но 16 пушекъ остались въ рукахъ уланъ.

Этотъ эпизодъ ни мало не задержалъ наступленія русскихъ. Войска ихъ неудержимо подвигались впередъ во всѣхъ направленіяхъ. Дивизія Пюшницкаго взобралась изъ Пантена по крутымъ склонамъ къ деревнѣ Пре-Сентъ-Жерве и завладѣла ею безъ всякаго сопротивленія. Въ деревнѣ найдено было 17 орудій, брошенныхъ французами. Четыре баталіона русской гвардіи и небольшой отрядъ конницы взяли также безъ боя Бюттъ-де-Шамонъ, послѣднюю группу холмовъ, подымавшихся у самой городской ограды. Русскіе егеря ворвались въ улицы Бельвиля и послѣдняя попытка Мармона вытѣснить ихъ оттуда не удалась. Въ этотъ-же самый моментъ гренадерская дивизія Паскевича обошла правый флангъ французской позиціи и послѣ слабого сопротивленія противника завладѣла деревнею Шаронномъ ¹⁾.

Дѣло видимо клонилось къ развязкѣ. Громадное численное превосходство союзниковъ вступало въ свои права. Силы французовъ видимо истощались въ неравной, отчаянной борьбѣ. Войска Мармона стѣснены были въ узкомъ про странствѣ между Бельвилемъ, Менильмонтаномъ и владѣнцемъ Перъ-Ла-Шезъ. Съ трехъ сторонъ окружены они были непріятелями, а въ тылу ихъ зіяли глубокіе овраги, спускавшіеся непосредственно къ городской стѣнѣ. Войска принца Вильгельма и кронпринца виртембергскаго собирались уже ворваться въ самыя предмѣстія города. Со стороны Сентъ-Дени союзники выгнали уже французовъ изъ всѣхъ

¹⁾ Интересныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Паскевича мы находимъ въ только что вышедшей обширной монографіи, кв. Щербатова: Генераль—фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность, см. т. I, стр. 244—248.

ихъ позицій и войска Ланжерона собирались штурмовать Монмартръ. Отчаяніе и паника начали овладѣвать при такихъ обстоятельствахъ защитниками Парижа. Многіе солдаты побросали ружья и спѣшили укрыться за городскими заставами. Въ городѣ распространилась страшная тревога. Непріятельскія гранаты и ядра начали падать среди самыхъ населенныхъ улицъ. Жители, обезумѣвшіе отъ страха, то искали спасенія въ погребахъ и подвалахъ, то тысячами бѣжали изъ города въ сторону, незанятую непріателемъ.

Маршалъ Мармонъ понялъ, что наступилъ моментъ, когда онъ пріобрѣлъ полное нравственное право воспользоваться разрѣшеніемъ полученнымъ имъ нѣсколько часовъ тому назадъ. Уже съ самаго начала боя, маршалъ смотрѣлъ совершенно безнадежно на задачу, возложенную на него судьбою. Онъ хотѣлъ лишь спасти свою военную честь и эта честь была теперь спасена. Онъ исполнилъ свой долгъ и интересы челоуѣколюбія, интересы милліоннаго населенія Парижа должны были теперь вступить въ свои права. Никто не станетъ винить маршала, что онъ поставилъ въ эту минуту спасенія парижскаго населенія выше интересовъ и воли своего надменнаго повелителя. Правда, онъ былъ обязанъ Наполеону всѣмъ лично, но личная точка зрѣнія была неумѣстна въ тогдашнихъ обстоятельствахъ; да къ тому-же Мармонъ справедливо полагалъ, что продолжая далѣе сопротивленіе, онъ не въ состояніи былъ-бы удержать Парижъ даже до наступленія вечера, и что совершенное разрушеніе города было-бы единственнымъ результатомъ его упорства.

Было, правда, повидимому, еще одно средство отклонить на болѣе продолжительное время паденіе Парижа, и это средство, наглый обманъ, было пущено въ ходъ товарищемъ Мармона, маршаломъ Мортъе. Мортъе дѣйствовалъ, впрочемъ, въ этомъ случаѣ не самостоятельно, а по внушенію и приказанію самого Наполеона. Императоръ узналъ уже въ это время объ отчаянномъ положеніи Парижа и, не надѣясь поспѣть во-время на спасеніе своей столицы, остано-

вился на мысли задержать своихъ непріятелей безсовѣстною выдумкою, долженствовавшею внести, по его мнѣнію, разладъ въ среду союзниковъ. Въ полдень 30 марта адъютантъ его генераль Дежаяъ явился къ маршалу Мортье и передалъ ему тайное распоряженіе императора. Въ силу этого распоряженія, Мортье долженъ былъ отправить немедленно одного изъ своихъ офицеровъ съ конфиденціальнымъ письмомъ на имя князя Шварценберга. Въ этомъ письмѣ Наполеонъ увѣдомлялъ австрійскаго фельдмаршала, что онъ только что отправилъ собственноручное письмо къ императору Францу, что это письмо неизбежно повлечетъ за собою заключеніе мира и что въ виду этого необходимо тотчасъ-же прекратить непріязненные дѣйствія и положить тѣмъ предѣлъ бесполезному кровопролитію. Мортье повиновался. Тотчасъ-же отправилъ онъ парламентаря къ Шварценбергу и, опираясь на письмо Наполеона, предложилъ князю заключить двадцати четырехъ часовое перемиріе, подъ условіемъ, чтобы обѣ стороны удержали занимаемыя ими позиціи.

Грубый обманъ не удался, однакоже, совершенно. Князь Шварценбергъ отлично понималъ, что заключеніе перемирія находится вовсе не въ его власти, онъ сомнѣвался, чтобы Наполеонъ говорилъ правду въ своемъ письмѣ, и что самое важное, онъ зналъ отлично, что императоръ Францъ не можетъ и не захочетъ вступить въ отдѣльные переговоры съ своимъ зятемъ. Имѣя все это въ виду, князь сообщилъ полученное имъ странное предложеніе обоимъ союзнымъ государямъ и парламентарь маршала Мортье долженъ былъ возвратиться съ отрицательнымъ отвѣтомъ.

По всей вѣроятности, маршаль Мармонъ былъ посвященъ въ эту интригу, хотя и не принималъ въ ней никакого прямого участія. Когда-же интрига не удалась и всѣ средства защиты были истощены, то онъ рѣшился предложить непріятелю капитуляцію Парижа. Въ три съ четвертью часа Мармонъ отправилъ трехъ парламентаревъ въ главную квартиру союзниковъ, но лишь одинъ изъ нихъ, адъютантъ генерала Лагранжа, успѣлъ проникнуть черезъ линію огня. Два дру-

гіе офицера, потерявъ своихъ лошадей и трубачей, принуждены были возвратиться обратно ¹⁾).

Великодушный императоръ Александръ уже съ самаго начала боя нетерпѣливо ожидалъ мирныхъ предложеній непріятеля. Онъ былъ твердо намѣренъ довести дѣло до конца, но его человѣколюбивое сердце болѣзненно сжималось при мысли объ участи, ожидавшей населеніе Парижа въ томъ случаѣ, если городъ будетъ взятъ штурмомъ. Когда рано утромъ приведенъ былъ въ главную квартиру французскій офицеръ, выдававшій себя за парламентаря, императоръ позвалъ къ себѣ одного изъ своихъ флигель-адъютантовъ, М. Ѡ. Орлова, и обратился къ нему съ такими словами.

„Отправляйтесь немедленно съ непріятельскимъ офицеромъ. Я даю вамъ право остановить огонь вездѣ, гдѣ вы сочтете это нужнымъ. И для того, чтобы предупредить и

¹⁾ Важнѣйшія свѣдѣнія о капитуляціи Парижа заключаются съ одной стороны въ мемуарахъ Мармона, а съ другой, въ рассказѣ М. Ѡ. Орлова, одного изъ очевидцевъ и главныхъ дѣятелей событія. Свидѣтельства Мармона отличаются довольно краткимъ, но въ тоже время безусловно достовернымъ характеромъ. Мармонъ рассказываетъ, правда, далеко не все и о многомъ умалчиваетъ съ намѣреніемъ, но все рассказываемое имъ вполне достоверно и подтверждается иными свидѣтельствами.

Свидѣтельство Орлова отличается не только правдивостью, но и обилуетъ массою живыхъ въ высшей степени интересныхъ подробностей. Принимая самое дѣятельное участіе въ переговорахъ о сдачѣ Парижа, Орловъ, благодаря счастливой случайности, находился въ качествѣ заложника въ Парижѣ, въ тѣ самые часы, когда рѣшалась участь столицы. Въ салонѣ Мармона онъ имѣлъ возможность наблюдать высшее французское общество въ моментъ катастрофы. Находясь въ качествѣ флигель-адъютанта при особѣ императора Александра I, пользуясь личнымъ расположеніемъ и довѣріемъ государя, хорошо знакомый со всѣми главными дѣятелями, какъ съ нашей такъ и съ непріятельской стороны, высокообразованный, храбрый воинъ и тонкій дипломатъ, замѣчательный наблюдатель Орловъ начерталъ намъ полную картину капитуляціи Парижа, картину, каждая черта которой дышетъ жизненною правдою. М. Ѡ. Орловъ написалъ свой рассказъ въ окончательной формѣ много лѣтъ спустя послѣ событія, по всей вѣроятности, въ серединѣ 30-хъ годовъ, хотя въ основѣ его лежали, безъ всякаго сомнѣнія, точныя и подробныя замѣтки, набросанныя тотчасъ-же послѣ событія; въ печати-же онъ явился уже послѣ смерти автора, послѣдовавшей въ 1842 г. Помѣщенный въ альманахѣ В. А. Владиславлева, „Утренняя Заря“, очеркъ Орлова былъ изданъ вновь въ „Русской Старинѣ“ за 1877 г., т. XX, стр. 635—662.

отвратить всѣ бѣдствія, облакою васъ властью,—не подвергаясь никакой отвѣтственности, прекращать самыя рѣшительныя атаки, даже обѣщающія полную побѣду. Парижъ, лишенный своихъ разсѣянныхъ защитниковъ и своего великаго мужа, не будетъ въ состояніи противиться. Я твердо убѣжденъ въ этомъ. Богу, Который даровалъ мнѣ могущество и побѣду, угодно, чтобы я воспользовался тѣмъ и другимъ только для дарованія мира и спокойствія Европѣ. Если мы можемъ пріобрѣсть этотъ миръ, не сражаясь, тѣмъ лучше; если-же нѣтъ, то уступимъ необходимости, станемъ сражаться, потому что волей или неволей, съ бою или параднымъ маршемъ, на развалинахъ, или во дворцахъ, но Европа должна нынѣ-же почевать въ Парижѣ“¹⁾.

Такъ говорилъ императоръ Александръ и его слова произвели неизгладимое впечатлѣніе на М. Ѡ. Орлова. Въ одномъ и томъ-же лицѣ онъ видѣлъ необычайное сочетаніе непобѣдимаго героя и кроткаго смиреннаго христианина. „Величаво и важно говорилъ императоръ всякій разъ, когда ему приходилось защищать общеевропейскія выгоды, но былъ снисходителенъ и кротокъ, какъ скоро дѣло шло о немъ самомъ и его собственной славѣ. На дѣлѣ участь міра зависѣла отъ него, а онъ называлъ себя только орудіемъ Провидѣнія. Политическій разговоръ его носилъ отпечатокъ этихъ двухъ душевныхъ расположеній; съ увѣренностью въ побѣдѣ онъ соединялъ заботливость почти отеческую о жребіи побѣжденнаго врага“.

Первая попытка завязать переговоры о сдачѣ Парижа, однако-же, не удалась. Мнимый парламентаръ оказался военно-плѣннымъ и обманщикомъ. Подѣхавъ съ Орловымъ къ французской цѣпи, онъ скрылся въ рядахъ своихъ, и русскій уполномоченный принужденъ былъ возвратиться обратно подъ сильнѣйшимъ огнемъ обѣихъ сторонъ, рискуя каждый

¹⁾ „Эти вѣчно памятные слова Александра не сбылись однако-же въ буквальномъ смыслѣ слова. На этотъ разъ, замѣчаетъ Орловъ, мнѣ суждено было представлять Европу, ночующую въ Парижѣ: торжественное вшествіе союзниковъ послѣдовало не прежде какъ на другой день“. Орловъ, стр. 636.

моментъ своею жизнью ¹⁾. Теперь когда явился настоящій парламентарь, М. Ѡ. Орловъ вновь отправился къ непріятелю. Первый человекъ, котораго онъ встрѣтилъ въ передней цѣпи французскихъ стрѣлковъ, былъ маршалъ Мармонъ. Онъ стоялъ со шпагою въ рукѣ, движеніями и голосомъ ободряя солдатъ своихъ къ отчаянной защитѣ. Замѣтивъ русскаго офицера, маршалъ обратился къ нему съ такими словами:

— „Я герцогъ Рагузскій; вы кто?“

— „Полковникъ Орловъ, флигель-адъютантъ Его Величества Императора Всероссійскаго, который желаетъ спасти Парижъ для Франціи и для міра“.

— „Это также мое желаніе и единственная надежда, безъ того всѣмъ намъ оставалось-бы только умереть здѣсь“.

— „Условія ваши?“

— „Огонь остановится; французскія войска войдутъ за укрѣпленныя заставы; тотчасъ назначить комиссію для переговоровъ о сдачѣ Парижа“.

— „Согласенъ, я буду съ герцогомъ Тревизскимъ (Мортъе) ждать васъ у Паптенской заставы“.

— „И такъ къ дѣлу; прекратимъ не мѣшкалая огонь по всей линіи. Добавлю только, что и Монмартская высота должна быть очищена французскими войсками“.

— Мармонъ подумалъ съ минуту: „Это справедливо, отвѣтилъ онъ, она внѣ укрѣпленныхъ заставъ“ ²⁾.

Орловъ поспѣшилъ обратно къ государю. Офицеры, разосланные имъ и маршаломъ во всѣ стороны, развозили повсюду приказъ прекратить огонь. Противники стояли въ двухъ стахъ шагахъ другъ отъ друга. Вдоль всей французской линіи раздавались громкіе крики: да здравствуетъ Императоръ. Казалось, что эти храбрецы, не сломленные несчастіемъ, ожидали только сигнала къ возобновленію боя. Въ рядахъ союзниковъ господствовало сильнѣйшее возбужденіе, вызванное горячимъ боемъ. Нѣкоторые солдаты упорно продолжали

¹⁾ Подробности объ этой первой попыткѣ см. у Орлова, стр. 636.

²⁾ Орловъ, стр. 636—637.

стрѣлять, не смотря на приказанія офицеровъ и громовой трескъ барабановъ, бившихъ отбой ¹⁾).

Орловъ нашелъ государя и короля прусскаго въ средѣ наступающихъ союзныхъ войскъ. Съ видимымъ удовольствіемъ выслушалъ императоръ докладъ своего адъютанта. Великая цѣль была, повидимому, достигнута, оставалось уладить лишь однѣ формальности. Немедленно назначена была комиссія для переговоровъ съ маршалами о сдачѣ Парижа. Въ составъ ея вошли: графъ Нессельроде, М. Ѡ. Орловъ и адъютантъ князя Шварценберга полковникъ Парръ. Комиссія направилась къ Пантенской заставѣ. Мармонъ встрѣтилъ ее здѣсь со всѣмъ своимъ штабомъ. Огонь прекратился уже повсемѣстно. Французскія войска вступили въ городъ и расположились вдоль длинныхъ рядовъ палисадовъ. Только со стороны Монмартра, куда не успѣла еще достигнуть вѣсть о перемиріи раздавались пушечные выстрѣлы. Мармонъ предложилъ комиссарамъ проѣхать къ Ла-Виллетской заставѣ ²⁾, гдѣ находился Мортъе. Здѣсь, въ небольшомъ трак-

¹⁾ „Барабаны ударили сборъ; офицеры разѣзжали по рядамъ и только небольшое количество самыхъ отчаянныхъ солдатъ упорно продолжали стрѣлять въ непріятеля. Никогда не забуду комическаго неудовольствія одного русскаго гренадера, котораго я не допустилъ выстрѣлить, приказавъ ему возвратиться къ его ротѣ. Онъ взглянулъ на меня съ видомъ упрека и сказалъ умоляющимъ голосомъ, указывая рукою на французскаго стрѣлка, котораго вѣроятно почиталъ личнымъ врагомъ своимъ: „Ваше высокоблагородіе, позвольте мнѣ только этого подстрѣлить?“ Разумѣется, я не далъ свободы его мщенію или гнѣву, и онъ, возвратясь въ ряды, ворчалъ противъ того, что называлъ моею непонятной несправедливостью“. Русская Старина 1877 г. Т. XX, стр. 638.

²⁾ Во время этой поѣздки Орловъ сдѣлалъ интересныя наблюденія: „проѣзжая по линіи палисадовъ къ Ла-Виллетской заставѣ, я имѣлъ случай замѣтить, что происходило въ этой части города: войска французскія заняли въ порядкѣ и съ быстротою свои слабыя укрѣпленія; солдаты стояли вдоль палисадовъ, опираясь на ружья. Было устроено нѣсколько исходящихъ угловъ для фланкированія длинныхъ куртинъ, почти совершенно открытыхъ. Новые мундиръ, которыхъ мы не встрѣчали на полѣ сраженія, свидѣтельствовали о присутствіи національной гвардіи. Впрочемъ, позади войскъ народу было мало или почти не было; не слышно было криковъ, не видно ни малѣйшаго движенія, никакихъ необыкновенныхъ приготовленій; однимъ словомъ, это была защита спокойная, обдуманная, устроенная въ чисто военномъ смыслѣ, безъ сильнаго энтузіазма со стороны народа, безъ революціонныхъ импровизацій со стороны начальниковъ. Намъ очень было важно собрать всѣ эти успокоительные признаки“. Орловъ, стр. 639.

тирѣ начались переговоры. Бесѣду велъ, впрочемъ, одинъ герцогъ Рагузскій; Мортъе слушалъ молча и только по временамъ вставлялъ свои замѣчанія.

Сраженіе подъ Парижемъ окончилось совершеннымъ пораженіемъ французской арміи; она была выбита изъ всѣхъ своихъ укрѣпленныхъ позицій, потеряла почти половину людей и оставила въ рукахъ побѣдителей большую часть своей артиллеріи, около 80 орудій ¹⁾. Основываясь на этихъ тяжеловѣсныхъ обстоятельствахъ и имѣя въ виду конечную цѣль войны, Нессельроде предложилъ маршаламъ сдать Парижъ со всѣмъ его гарнизономъ, но Мармонъ и Мортъе съ жаромъ возстали противъ такого, постыднаго, по ихъ мнѣнію, требованія. Они напоминали о прежнихъ своихъ заслугахъ, перечисляли сраженія, въ которыхъ покрыли они себя славою и объявили рѣшительно, что они скорѣе погребутъ себя подъ развалинами Парижа, нежели подпишутъ подобную капитуляцію. Тщетно старались оправдать союзные комиссары свое требованіе, тщетно напоминали они маршаламъ о спасеніи Парижа, о громадной отвѣтственности, которую берутъ они на себя, напрасно доказывали они, что только сдача Парижа со всѣми войсками можетъ сломить упорство Наполеона и заставить его подписать миръ. Маршалы упорно стояли на своемъ. Они уклонялись отъ всякихъ политическихъ разсужденій, они не хотѣли говорить о будущемъ, они стояли только за незапятнанное сохраненіе своей военной чести ²⁾. Въ самый разгаръ спора, выстрѣлы, все время слышавшіеся со стороны Монмартра, вдругъ участились и слились въ одинъ потрясающій гулъ. Трескъ ружейной пере-

¹⁾ Потери французовъ въ битвѣ подъ Парижемъ доходили до 9,500 челов. Союзники потеряли 8155 ч.; изъ этого числа на долю русскихъ приходилось 6,000, а пруссаковъ 2,000; потери-же другихъ союзныхъ войскъ были совершенно ничтожны.

²⁾ Мармонъ не говоритъ въ своихъ мемуарахъ ни слова объ этомъ долгомъ препирательствѣ. Если вѣрить высокопѣрному маршалу, то все дѣло ограничивалось со стороны французскихъ маршаловъ одними жестами негодованія и презрѣнія. „A une insultante proposition de mettre bas les armes, nous répondimes par un geste d'indignation et de mépris“. Marmon, Memoires, T. VI, стр. 248.

стрѣлки явственно донесся до слуха. Союзные комиссары видимо были смущены этою неожиданностью; тревога и недоверіе выразилось на лицахъ маршаловъ. Но вскорѣ шумъ битвы умолкъ и отъ посланныхъ офицеровъ получено было извѣстіе, что перемиріе было установлено и на этой части поля битвы.

Приказаніе прекратить огонь пришло въ главную квартиру Блюхера, когда войска Ланжерона бросились по его приказанію на штурмъ Монмартра. Войска бѣжали на гору подъ сильнѣйшимъ огнемъ французовъ и было немыслимо останавливать ихъ въ этотъ моментъ. Блюхеръ не думалъ объ этомъ. Онъ приказалъ прекратить огонь только тогда, когда русскіе сбросили французовъ съ высотъ Монмартра и захватили всю бывшую на нихъ артиллерію. 80 орудій обращены были на Парижъ, готовыя изрыгнуть смерть и разрушеніе на столицу „революціи“. Фельдмаршалъ и весь его штабъ собрались на горѣ и, молча, смотрѣли на распростертый у ногъ ихъ великолѣпный городъ. Всѣ пожирали глазами величественную картину, у всѣхъ вырывались невольныя восклицанія изумленія. Но старый вождь былъ полонъ иными думами. „Накажи меня Богъ!“ ворчалъ онъ сердито, „но я охотнѣе направилъ-бы на гнѣздо мои пушки, нежели мою зрительную трубку“ ¹⁾.

Извѣстіе о паденіи Монмартра не произвело никакого впечатлѣнія на маршаловъ ²⁾. По прежнему, они отвергали съ негодованіемъ предложеніе союзниковъ и графъ Нессельроде рѣшился, наконецъ, отправиться за новыми инструкціями къ государямъ. Вмѣстѣ съ союзными комиссарами поѣхалъ и французскій генералъ Лалуантъ. Императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ находились на Шомонскомъ

¹⁾ „Gott straf mir! ich möchte lieber meine Geschütze als mein Perspectiv auf das Nest richten“. Scherr, Blücher, seine Zeit und sein Leben. T. III, стр. 377.

²⁾ М. Ѡ. Орловъ замѣчаетъ по этому поводу: „Это обстоятельство, не предвидѣнное ни съ той, ни съ другой стороны, могло-бы поколебать мужество мнѣ испытанное, чѣмъ то, какимъ отличались оба маршала, я, доведя до отчаянія, принудить къ принятію предложенія нашихъ. Но они продолжали упорствовать“... Русская Старина, Т. XX, стр. 640.

холмѣ, наблюдая оттуда панораму Парижа. При монархахъ находились: князь Шварценбергъ, Барклай-де-Толи и свита. Легко себѣ представить съ какими чувствами взирали побѣдители на распростертую у ногъ ихъ, беззащитную, отданную во власть ихъ столицу ихъ страшнаго врага, владыки полуміра. Императоръ Александръ сіялъ отъ радости. Съ любопытствомъ всматривался онъ въ толпы народа, высыпавшія на улицы и бульвары Парижа. Замѣтивъ въ толпѣ множество наряженныхъ женщинъ, императоръ съ улыбкою указалъ на нихъ королю. И въ самомъ дѣлѣ было чему улыбнуться! „По-истинѣ замѣчательное зрѣлище“, говоритъ очевидецъ „представляли эти пестро разукрашенные и тщательно одѣтыя дамы. Переговоры еще продолжались и могли окончиться разрывомъ. Тогда должны были загремѣть вновь пушки и затрещать ружья, тогда могли наступить всѣ ужасы, которые могъ причинить побѣдоносный непріятель взятому городу. А эти женщины выползли на улицы съ своими зонтиками и вѣерами, чтобы поглазѣть и показать себя, какъ будто дѣло вовсе не касалось ихъ, какъ будто имъ не грозила ни малѣйшая опасность!“¹⁾

Бесѣда монарховъ съ возвратившимися комиссарами продолжалась не долго; государи согласились не настаивать на сдачѣ войска, но они потребовали, чтобы маршалы отступили по той дорогѣ, которая будетъ указана имъ союзниками. Было уже семь часовъ вечера, когда Пессельроде и его товарищи возвратились въ трактиръ у Ла-Виллетской заставы. Выслушавъ ультиматумъ союзниковъ и тихо переговоривъ между собою въ углу комнаты, Мармонъ и Мортъе объявили, что Парижъ не окруженъ и не можетъ быть окруженъ, что на дѣлѣ всѣ дороги открыты для ихъ отступленія, но что они желаютъ, чтобы комиссары объяснили имъ точнѣе свое предложеніе и указали дорогу, по которой назначено будетъ отступать французской арміи. Графъ Нессельроде отвѣтилъ, что союзные государи назначаютъ для отступленія Бретанскую дорогу. Мармонъ съ живостію возразилъ, что онъ

¹⁾ Scherr, Blücher, seine Zeit und sein Leben, T. 3, стр. 378.

не можетъ согласиться на подобное условіе, что настоящій путь его отступленія для него открытъ и очевиденъ, что защищая Парижъ шагъ за шагомъ, онъ можетъ быть отброшенъ не иначе, какъ на Сентъ-Жерменское предмѣстіе, гдѣ онъ можетъ, перейдя черезъ Сену, отретироваться по дорогѣ на Фонтенебло. Маршалъ закончилъ свои возраженія такими словами:

„Господа! жребій оружія благопріятствовалъ вамъ; нѣтъ сомнѣнія, что вы побѣдили; я предвижу, что слѣдствія этой побѣды будутъ неисчислимы. Будьте вмѣстѣ и великодушны и благоразумны, не простирайте вашихъ требованій до крайности. Совѣты великодушія бываютъ часто лучше совѣтовъ силы“¹⁾.

Какъ ни краснорѣчиво говорилъ маршалъ, но союзные комиссары, связанные своими инструкціями, не могли согласиться съ нимъ. Поднялись новые споры, а между тѣмъ время проходило и наступило уже восемь часовъ вечера. Не трудно было сообразить, что всѣ выгоды положенія были на сторонѣ маршаловъ. Уже темнота начиналась и невысказанно было штурмовать Парижъ среди мрака ночи. Волею или неволею приходилось отложить нападеніе на городъ до утра, а за это время маршалы могли спокойно уйти изъ Парижа и избрать любой путь отступленія. Да они и готовились сдѣлать это. Мортъе удалился изъ комнаты, объявивъ, что его ждутъ неотложныя дѣла и что онъ предоставляетъ вести переговоры одному Мармону. Не трудно было догадаться, какого рода были эти дѣла, несомнѣнно было, что маршалъ отправился отдать приказъ войскамъ начать немедленно отступленіе.

Орловъ первый вѣрно оцѣнилъ и взвѣсилъ и общее положеніе дѣлъ, и намѣренія маршаловъ. Онъ посоветовалъ Нес-

¹⁾ Орловъ, Русская Старина, Т. XX, стр. 641—42.

Мармонъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ. „A la proposition de prendre la route de Bretagne en sortant de Paris, nous répondimes que nous irions ou nous voudrions, sans recevoir une loi qu'on ne pouvait nous contraindre d'accepter“. Marmon, Memoires, T. 6, стр. 248.

сельроде возвратиться еще разъ къ государямъ и испросить у нихъ новыхъ инструкцій. Самъ онъ изъявилъ готовность остаться заложникомъ у непріятеля въ ручательство того, что нападеніе на Парижъ не будетъ начато до тѣхъ поръ, пока онъ не переступитъ обратно черезъ русскіе аванпосты. Нессельроде согласился съ мнѣніемъ Орлова, а Мармонъ съ своей стороны поспѣшилъ изъявить свое одобреніе. Была уже глубокая темнота, когда Нессельроде и Парръ отправились въ союзный лагерь, а герцога Рагузскій и его заложникъ поѣхали въ Парижъ.

„Мы ѣхали верхомъ и медленно“, рассказываетъ Орловъ, „въ глубочайшей тишинѣ и темнотѣ. Слышенъ былъ только раздававшійся топотъ лошадей нашихъ, и изрѣдка нѣсколько лицъ, волнуемыхъ тревожнымъ любопытствомъ, являлось въ окнахъ, которыя быстро открывались и опять закрывались. Улицы были пусты; казалось, безчисленное населеніе Парижа бѣжало изъ него; но оно находилось только въ оцѣпенѣніи. Сами мы, у кого въ рукахъ находилась участь такого множества людей, походили на тихій патруль, объѣзжавшій улицы оставленнаго города. Каждый изъ насъ погруженъ былъ въ свои мысли и мнѣ не приходитъ на память, чтобы сказано было въ продолженіи этого переѣзда хоть одно слово, которое стоило-бы сохранить“¹⁾. Такъ достигли одинокіе путники отеля герцога Рагузскаго. Странный контрастъ представлялъ этотъ домъ съ только что пройденными пустыми, какъ-бы вымершими улицами. Онъ весь былъ за-

¹⁾ „Только разъ маршалъ Мармонъ подозвалъ къ себѣ одного изъ адъютантовъ и тихимъ голосомъ отдалъ ему какой-то приказъ. Адъютантъ отправился и черезъ нѣсколько минутъ мы услышали въ сосѣдней улицѣ шумъ причиняемый отрядомъ, идущимъ съ пушками. Этотъ шумъ не прекращался во все продолженіе переѣзда нашего; его направленіе совершенно утвердило меня въ первой мысли моей, что оба маршала, не желая подвергнуть Парижъ бѣдствію, которое неминуемо навлекло-бы на него сопротивленіе, несогласное съ ихъ силами, не желая также увидѣть себя вынужденными къ эксцентрической ретирадѣ, которая могла-бы ихъ лишити возможности соединиться съ Наполеономъ, рѣшились, съ общаго согласія, выйти изъ города на ихъ естественную коммуникацію. Впослѣдствіи я узналъ, что предположеніе мое совершенно оправдалось событіемъ“. Русская Старина, 1877 г. Т. XX, стр. 643—44.

литъ сверху до низу огнями. У подъѣзда стояло множество экипажей; толпы любопытныхъ виднѣлись на тротуарахъ. Едва только маршалъ и его спутникъ поднялись по лѣстницѣ и вступили въ ярко освѣщенные гостинныя, какъ на встрѣчу имъ хлынула со всѣхъ сторонъ самая разнообразная публика. Тутъ были и военные въ самыхъ разнообразныхъ мундирахъ и штатскіе въ мундирахъ и штатскіе во фракахъ, не доставало однѣхъ дамъ. Все общество видимо давно уже ожидало прибытія маршала. Взоры всѣхъ обратились на него и на сопровождавшаго его русскаго офицера. Но Мармонъ видимо не находилъ удобнымъ удовлетворять общему любопытству. Поручивъ Орлова внимательности своихъ адъютантовъ, онъ прошелъ прямо въ кабинетъ, куда послѣдовали за нимъ лишь немногія, очевидно избранныя особы.

Толпа разсѣялась по заламъ и разбилась на нѣсколько группъ, въ каждой изъ нихъ шелъ самый оживленный, иногда даже шумный разговоръ. Орловъ попалъ въ общество военныхъ, хорошо знакомое ему еще со временъ Тильзита. Ему казалось, что онъ видитъ знакомыя лица, слышитъ хорошо извѣстныя ему фразы и обороты, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подмѣчалъ во всѣхъ манерахъ и во всемъ тонѣ своихъ собесѣдниковъ нѣчто особенное, несвойственное имъ въ прежнее время, въ счастливое время побѣдъ и славы. Онъ замѣтилъ, что наши непріатели утратили свое моральное равновѣсіе; что ихъ веселость и общительность уступили мѣсто холодной, вынужденной вѣжливости; что они сдѣлались раздражительнѣе и щекотливѣе. Французы, казалось, забыли, что они имѣютъ дѣло съ гостемъ и заложникомъ. Бѣдкія шутки, колкія эпиграммы сыпались со всѣхъ сторонъ на русскаго офицера, но Орловъ, владѣвшій въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, ловкій, находчивый, не остался въ долгу передъ своими собесѣдниками.

— „Много-ли въ вашемъ лагерѣ казаковъ?“ спросилъ его одинъ офицеръ, „что касается до меня, то мнѣ показалось сегодня, что на насъ нападаетъ цѣлая армія казаковъ, такъ войска ваши сражались вразсыпную“.

— „Это было дѣйствіе вашей прекрасной защиты“, отвѣчалъ ему Орловъ, а вы знаете, что русскіе равно не боятся битвы свалочной, какъ и стройнаго сраженія“.

— „Знаете-ли вы, гдѣ императоръ Наполеонъ?“ вмѣшался въ разговоръ другой офицеръ; „онъ ночуетъ нынче въ Мо“.

— „Какъ!“ воскликнулъ Орловъ съ притворнымъ удивленіемъ, „у генерала Сакена, который, сколько мнѣ извѣстно, не выходилъ съ тремя корпусами своими“.

— „А у васъ еще три корпуса въ Мо!“ подхватилъ третій офицеръ, „нечего сказать, прекрасная побѣда раздавить 50,000 храбрыхъ соединенными силами цѣлой Европы“.

— „Послушайте“, возразилъ ему находчивый Орловъ, „не сердитесь на насъ слишкомъ за нашу вѣжливость. Мы хотѣли во что-бы то ни стало отблагодарить васъ за посѣщеніе, которымъ вы удостоили насъ точно въ томъ-же сопровожденіи“.

Разговоръ продолжался, однако-же, не долго въ такомъ тонѣ. Французы вскорѣ убѣдились, что ни въ мысляхъ, ни въ выраженіяхъ ихъ собесѣдника не было въ сущности ничего оскорбительнаго для ихъ самолюбія. Врожденная вѣжливость, невольное чувство уваженія къ честному и прямому врагу взяли верхъ надъ порывами безсильной злобы. Прошелъ какой-нибудь часъ и французскіе офицеры бесѣдовали уже дружески и откровенно съ Орловымъ. „Военные и другіе анекдоты лились рѣкою и много разъ съ обѣихъ сторонъ позабывали суровость обстоятельствъ и взаимныхъ отношеній“. Французы начали превозносить мужество и рыцарскій духъ русскихъ; они подтверждали свои мнѣнія ссылками на событія минувшихъ войнъ. Орловъ отвѣчалъ имъ такими-же любезностями и сыпалъ съ своей стороны примѣрами и анекдотами ¹⁾. Французы могли относиться съ

¹⁾ По поводу этого разговора Орловъ проводитъ любопытную параллель между французами и русскими. Между прочимъ онъ замѣчаетъ: „Впрочемъ, между обѣими націями не существуетъ никакого тождества; самые недостатки ихъ существенно различны. Главный недостатокъ русскаго есть лѣнь, элементъ бесплодный, дѣйствіе котораго уничтожаетъ у насъ нерѣдко усилія ума, возвращая способности наши къ жизни только при температурѣ крайней необхо-

похвалою, впрочемъ, только къ однимъ русскимъ; объ остальныхъ націяхъ они не могли говорить хладнокровно. Въ ихъ глазахъ только одни русскіе являлись достойными врагами великой націи. „Что такое австріецъ“, вопрошали они, „ничто иное какъ презрѣнный, коварный врагъ, желающій воспользоваться чужими побѣдами. А пруссакъ? это мятежникъ, побѣжденный столько разъ, котораго слѣдуетъ наказать. Нечего и говорить объ англичанинѣ. Это существо вѣроломное, способное вызвать лишь одно чувство ненависти“. И всѣ эти измѣненія оканчивались постоянно одною и тою-же фразою. „Ахъ зачѣмъ Наполеонъ отступилъ отъ своей эрфуртской политики, т. е. отъ союза съ Россіею“.

— „Если-бы оба императора“, воскликнулъ одинъ изъ офицеровъ, „остались друзьями, то они раздѣлили-бы между собою міръ“.

— „Но“, возразилъ другой, „и весь міръ былъ тѣсенъ для Наполеона“. Это слово, произнесенное впрочемъ въ полголоса, было самое смѣлое и правдивое изъ сказанныхъ въ этотъ вечеръ.

Между тѣмъ залы маршала не пустѣли. Все новыя и новыя, повидимому, высокопоставленныя лица появлялись въ отель и проходили въ кабинетъ Мармона ¹⁾. Лишь одно изъ

дмости. Главный недостатокъ француза, напротивъ, есть бурная дѣятельность, непрерывно увлекающая его въ преувеличеніе. Что можетъ быть общаго между этими двумя организаціями, изъ которыхъ, одна тревожная, пламенная, пускаетъ непрерывно во весь опоръ всѣ соотечественныя суетности по пути къ успѣху, а другая, сосредоточенная, терпѣливая, возвращается къ жизни, силѣ и движенію только повторенными толчками крайней нужды?“

Въ числѣ анекдотовъ, рассказанныхъ тогда французами, Орловъ приводитъ слѣдующій. „Одинъ изъ офицеровъ рассказалъ мнѣ, что, возвращаясь во время заключенія тильзитскаго мира къ арміи, онъ встрѣтилъ въ какомъ-то нѣмецкомъ трактирѣ множество французскихъ солдатъ, которые шли назадъ во Францію. Онъ спрашивалъ у нихъ объ арміи и между прочимъ о храбрости русскихъ. „О! о!—сказалъ одинъ старый французскій гренадеръ, знайте, государь мой, что когда сто французскихъ гренадеръ и сто русскихъ встрѣтятся между собою, такъ только живые ступаютъ по тѣламъ убитыхъ“. Любезность вызвала любезность, и Орловъ въ свою очередь рассказалъ французамъ извѣстный анекдотъ о князѣ Багратионѣ въ Бородинскомъ сраженіи. Орловъ, Русская Старина, т. XX, 1877 г. стр. 646—647.

¹⁾ Въ кабинетъ маршала проходили тогда дѣйствительно очень многіе оригинальные визитеры. Объ одномъ изъ нихъ самъ Мармонъ сообщаетъ слѣдую-

нихъ невольно остановило на себѣ вниманіе русскаго офицера. Лице это поражало наблюдателя своею некрасивою, но въ высшей степени тонкою, интеллигентною фізіономіею. Желтоватая сѣровидная блѣдность гармонировала въ немъ какъ нельзя болѣе съ спокойнымъ, ледянымъ безстрастіемъ выраженія. Напряженное вниманіе всѣхъ присутствующихъ сосредоточилось на этомъ человѣкѣ. Казалось, всѣ ожидали услышать отъ него разрѣшеніе всѣхъ волнующихъ ихъ вопросовъ. Да это и не было удивительно. Человѣкъ этотъ былъ никто иной, какъ князь Талейранъ, великій мастеръ дипломатической интриги, когда-то довѣренный министръ Наполеона, теперь его злѣйшій и опаснѣйшій врагъ. Онъ прошелъ прямо въ кабинетъ маршала и оставался тамъ довольно долго. Когда онъ наконецъ вышелъ, то его окружила цѣлая толпа любопытныхъ, но лишь немногіе успѣли ухватить на лету нѣсколько сказанныхъ имъ словъ. Вокругъ этихъ счастливицевъ образовались тотчасъ-же цѣлыя группы. Орловъ былъ забытъ; онъ оставался почти одинъ въ своемъ углу. Талейранъ какъ будто ожидалъ этой минуты. Быстрыми шагами подошелъ онъ къ русскому офицеру. „Милостивый государь, сказалъ онъ ему, возьмите на себя трудъ повергнуть къ стопамъ государя вашего выраженія глубочайшаго почтенія, которое питаетъ къ особѣ его величества князь Беневентскій“.—

щее: „Въ этотъ вечеръ у меня собралось большое количество моихъ друзей. Разговоръ шелъ о безнадежномъ положеніи дѣлъ. Всѣ, казалось, соглашались, что единственное спасеніе заключается въ низложеніи Наполеона. Говорили о Бурбонахъ. Энергичнѣе всѣхъ высказывался въ ихъ пользу г. Лафитъ, и его голосъ произвелъ на меня наибольшее впечатлѣніе. Онъ открыто объявлялъ себя ихъ сторонникомъ, и когда я началъ возражать ему, то онъ прервалъ меня такими словами: „О! г. маршалъ, чего намъ опасаться съ писанными гарантіями, съ политическимъ порядкомъ, устанавливающимъ наши права“. Когда я слышалъ, что подобное мнѣніе высказываетъ человѣкъ изъ рядовъ буржуазіи, простой банкиръ, то мнѣ показалось, что въ его словахъ слышится голосъ всего города Парижа. Спустя нѣсколько мѣслцевъ Лафитъ превратился въ яраго врага Бурбоновъ“. Впрочемъ Лафитъ, по замѣчанію Мармона, былъ человѣкъ пустой, тщеславный, неспособный къ какому-бы то ни было благородному чувству. Это свойство, замѣтимъ мы съ своей стороны, нисколько не помѣшало либеральному банкиру играть видную роль какъ при реставраціи Бурбоновъ, такъ и при ихъ сверженіи въ іюльскую революцію. *Memoires de Marmon*, T. VI, стр. 249—250.

Орловъ сразу понялъ, что въ этой фразѣ инициатора Бурбонской реставраціи заключалась цѣлая программа. „Князь“, отвѣчалъ онъ въ полголоса Талейрану, „будьте увѣрены, что я непременно повергну къ стопамъ его величества этотъ бланкъ“. Легкая, почти незамѣтная улыбка скользнула по лицу Талейрана. Видимо довольный, что его тонкій намекъ былъ понятъ, какъ слѣдуетъ, онъ тотчасъ-же отошелъ въ сторону, не подавая виду, что онъ понялъ отвѣтъ Орлова и не прибавляя ни слова къ своей, повидимому, чисто оффиціальной, но въ то-же время столь многозначительной (фразѣ ¹⁾).

Французы, находившіеся случайно вблизи, подслушали слова Талейрана, хотя и не могли слышать отвѣта Орлова. Нѣкоторые изъ нихъ были пастолько наивны, или хотѣли казаться таковыми, что не могли понять смысла рѣчей князя Беневентскаго. „Ужъ не сошелъ-ли Талейранъ съ ума?“ говорили они, смѣясь между собою, „что значитъ этотъ бланкъ, который онъ препровождаетъ къ русскому императору?“ ²⁾. Понятно, что люди болѣе дальновидные легко могли уяснить себѣ значеніе этого бланка. Талейранъ только что вышелъ изъ кабинета Мармона и фраза, брошенная имъ Орлову, была прямымъ послѣдствіемъ бесѣды его съ маршаломъ.

„При таковыхъ обстоятельствахъ“, рассказываетъ Мармонъ въ своихъ запискахъ, „явился ко мнѣ человекъ во всѣхъ отношеніяхъ выдающійся, побуждаемый къ тому различными мотивами. То былъ Талейранъ. Онъ пожелалъ видѣть меня наединѣ и я принялъ его въ моей столовой. Онъ началъ, чтобы завязать разговоръ съ вопроса, считаю-ли я сообщенія свободными; онъ спросилъ меня далѣе: не появились-ли казаки на лѣвомъ берегу Сены. За тѣмъ онъ началъ распространяться объ общественныхъ бѣдствіяхъ. Я соглашался съ нимъ, но не проронилъ ни слова на счетъ средствъ, которыми можно-бы было положить имъ предѣлъ. Онъ искалъ случая сдѣлать мнѣ важное сообщеніе, но хотя я предчувствовалъ приближеніе необычайныхъ событій, но онъ не могъ

¹⁾ Орловъ, Русская Старина, Т. XX. годъ 1877, стр. 648.

²⁾ Орловъ, Русская Старина, 1877. Т. XX, стр. 648.

убѣдить меня содѣйствовать имъ. Я желалъ выполнять лишь мое призваніе, предоставляя времени и силѣ вещей рѣшеніе, предназначенное Провидѣніемъ. Князь Талейранъ, потерпѣвъ неудачу въ своей попыткѣ, оставилъ меня“¹⁾).

Неудача не была, однакоже, такъ полна, какъ старается увѣрить насъ Мармонъ. Изъ осторожнаго и сдержаннаго поведенія маршала Талейранъ могъ сдѣлать выводъ благоприятный для своихъ плановъ. Онъ убѣдился, что Мармонъ тяготится, подобно другимъ маршаламъ, этою безнадежною войною, что его преданность императору далека отъ всякаго энтузіазма и даже твердости, что при случаѣ и давленіи обстоятельствъ онъ покинетъ знамя своего властелина, и никогда не будетъ отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ потерянное дѣло. Этого было вполне достаточно для князя Беневентскаго. Тылъ его былъ обезпеченъ; онъ чувствовалъ подъ ногами своими твердую почву. Наполеоновскіе маршалы и войска не беспокоили его болѣе. Ему надо было склонить теперь на свою сторону вѣнценоснаго вождя соединенной Европы; и онъ смѣло и ловко приступилъ къ исполненію этого замысла.

Сенсація, произведенная появленіемъ князя Беневентскаго и его таинственною фразою, вскорѣ уступила мѣсто инымъ впечатлѣніямъ. Въ отель появился адъютантъ императора Наполеона, генералъ Жирарденъ. Онъ только что прибылъ въ Парижъ съ чрезвычайно важными сообщеніями и повелѣніями своего властелина. Наполеонъ увѣдомлялъ войска и парижанъ о своемъ близкомъ прибытіи въ столицу. То былъ уже второй вѣстникъ; первый, генералъ Дежанъ пріѣхалъ лишь нѣсколько часовъ тому назадъ. Оба генерала

¹⁾ „Il me parla ensuite longuement des malheurs publics. L'en convius avec lui, mais sans dire un mot sur le remède à employer. Il cherchait l'occasion de me faire une ouverture; mais quoique je pressentisse d'étranges événements, il ne pouvait pas me convenir d'y concourir: et de lors, un secret m'eut été à charge. Je voulais faire loyalement mon métier, et attendre du temps et de la force des choses la solution que la Providence y apporterait. Le prince de Talleyrand, ayant échoué dans sa tentative „se retira“. Marmon, Memoires, т. VI, стр. 250.

должны были употребить всѣ усилія, чтобы задержать паденіе Парижа до прибытія Наполеона и его арміи. Они должны были пустить въ ходъ всѣ средства: увѣщаніе, угрозы, даже обманъ. Особенно широки были въ этомъ отношеніи полномочія Жирандена, подробно формулированныя, по указаніямъ Наполеона, маршаломъ Бертье. Жиранденъ долженъ былъ объявить прежде всего о мирѣ съ Австріею, заключенномъ будто-бы Наполеономъ, и попытаться внести тѣмъ раздоръ въ среду союзниковъ. Этимъ наглымъ обманомъ Наполеонъ рассчитывалъ также ободрить парижанъ. Жиранденъ долженъ былъ взволновать населеніе Парижа, убѣдить гражданъ подняться съ оружіемъ въ рукахъ на защиту своихъ домовъ, своихъ женъ и дѣтей. Тщетное, смѣшное начинаніе! Наполеонъ въ теченіи всего своего владычества сплился превратить французовъ въ покорныхъ рабовъ и бездушныхъ автоматовъ. Онъ не допускалъ ни малѣйшаго проявленія самодѣятельности, онъ третиговалъ ваціональную гвардію, онъ смотрѣлъ на всякій энтузіазмъ, какъ на пустую или преступную идеологію; онъ говорилъ, что ему не нужны граждане, а только вѣрныя подданные, исправные плательщики податей и хорошіе рекруты. А теперь онъ вдругъ заговорилъ о патріотическомъ энтузіазмѣ, о гражданскомъ долгѣ ¹⁾ и, вопреки всему своему прошлому, началъ искать спасенія въ той самой массѣ, которая до сихъ поръ была въ его глазахъ лишь матерьяломъ для пополненія его казны и его арміи.

Давая подобныя порученія Жирандену, императоръ, по всей вѣроятности, самъ не ожидалъ отъ нихъ никакого успѣха. Онъ видно плохо надѣялся на энтузіазмъ парижанъ и волнуемый противоположными чувствами, доведенный до отчаянія, готовъ былъ самъ обречь на гибель и уничтоже-

¹⁾ Мы видѣли, что Наполеонъ вспомнилъ о гражданахъ, патріотизмѣ и энтузіазмѣ и т. д. какъ разъ съ того момента, когда военное счастье, улыбавшееся ему нѣсколько разъ даже въ теченіи роковой для него кампаніи 1814 г., окончательно отвернулось отъ него послѣ битвы при Лаонѣ. Уже съ тѣхъ поръ Наполеонъ началъ бросать вокругъ себя либеральными и даже революционными фразами. Но само собою понятно, что „обращеніе это“ было неискреннее.

ніе столицу Франціи съ ея миллионнымъ населеніемъ. Жи-
рардену отданъ былъ словесный приказъ, истощивъ все дру-
гія средства, взорвать Гренельскій пороховой магазинъ и
погребсти подъ развалинами столицы друзей и враговъ.

Жирарденъ прибылъ въ Парижъ вечеромъ 30 (18) марта
и тотчасъ-же убѣдился, что онъ опоздалъ, что дѣло его вла-
стелина въ Парижѣ проиграно окончательно. Капитуляція
была уже почти заключена, войска Мармона и Мортъе уже
начинали покидать свои позиціи и даже очищать самый го-
родъ. Для возбужденія народнаго энтузіазма не было ни вре-
мени, ни возможности. Даже въ рабочихъ кварталахъ Па-
рижа господствовала полная тишина, тогда какъ состоятель-
ная часть населенія столицы съ удовольствіемъ ожидала
вступленія союзниковъ, считая его, не безъ основанія, кон-
цемъ войны. Жирарденъ попробовалъ было предпринять кое-
что для исполненія своей миссіи, но наталкивался повсюду
или на полную апатію, или на открытое сопротивленіе. Его
увѣдомили, что генераль Лапуантъ пытался уже остановить
союзниковъ ложнымъ извѣстіемъ о заключеніи отдѣльнаго
мира съ Австріею; но что никто, въ непріятельскомъ лаге-
рѣ, не исключая самого Шварценберга, не повѣрилъ этой
наглой выдумкѣ ¹⁾. Тщетно требовалъ Жирарденъ отъ пол-
ковника Лескура взорвать пороховой магазинъ въ самый
моментъ вступленія союзниковъ въ Парижъ; благородный
Лескуръ наотрѣзъ отказался исполнять варварское прика-
заніе, пока не получитъ отъ Наполеона письмомъ несом-
нѣннаго и положительнаго повелѣнія ²⁾.

¹⁾ „Онъ былъ предупрежденъ въ переговорахъ съ союзниками генераломъ
Лапуантомъ, а предположеніе отдѣльнаго мира съ Австріею было средство дав-
но ужъ устарѣлое, говоритъ М. О. Орловъ. Попытка Лапуанта была предпринята,
по приказанію маршала Мортъе, подвинутому въ свою очередь на этотъ шагъ
категорическими повелѣніями Наполеона, привезенными генераломъ Дежаномъ.
Мармонъ зналъ безъ всякаго сомнѣнія объ этихъ переговорахъ, хотя и не при-
нималъ въ нихъ прямого участія“.

²⁾ „Долго сомнѣвались въ истинѣ этого варварскаго приказа. Къ несчастію,
я могу засвидѣтельствовать о дѣйствительномъ существованіи его; въ послѣд-
ствіи я очень коротко былъ знакомъ съ полковникомъ Лескуромъ, тѣмъ самымъ,
который съ благородною твердостью отказался отъ повиновенія г. Жирардену,

Потерпѣвъ полную неудачу во всѣхъ своихъ попыткахъ, Жирарденъ явился поздно вечеромъ въ отель Мармона. Его появленіе, для многихъ внезапное, произвело сильное движеніе въ многочисленной публикѣ, наполнявшей залы маршала. „Всѣ почувствовали какъ-бы предвкусіе присутствія великаго человѣка; у всѣхъ лица сдѣлались болѣе важны, и каждый, кто за минуту передъ тѣмъ подписалъ-бы impetto отдѣльный миръ, принялъ гордую, воинственную осанку. Разговоръ превратился въ шопотъ на ушко, и тѣ, которые было подошли ко мнѣ, удалились, потерялись въ толпѣ“.

Было уже 11 часовъ вечера, когда по распоряженію маршала въ большой залъ сервированъ былъ столъ для всѣхъ

пока не получить на письмѣ отъ государя своего несомнѣннаго и положительнаго повелѣнія. И такъ нельзя отрицать факта, свидѣтельствуемаго самою явностію довѣренностей, которыя дѣлались тогда. Фитиль, при помощи котораго должно было совершиться бѣдствіе, еще, такъ сказать, горѣлъ въ рукахъ у Лескура, когда я извѣстился о всѣхъ подробностяхъ этого неудавшагося предпріятія“. Далѣе у автора слѣдуютъ весьма оригинальныя сужденія о Наполеонѣ, доказывающія очевидно, что и Орловъ, подобно тысячамъ другихъ современниковъ, находился всецѣло подъ обаяніемъ колоссальной личности Наполеона. Между прочимъ Орловъ старается убѣдить насъ, что Наполеонъ вовсе не былъ кровожаденъ по своей натурѣ; что сердце его въ дружескихъ бесѣдахъ открывалось для самыхъ нѣжныхъ ощущеній, что онъ тысячу разъ доказалъ (?) въ продолженіи государственной своей жизни, что оффиціальная его жестокость (?) была не столько природная, какъ притворная. Изъ дальнѣйшихъ разсужденій Орлова мы узнаемъ, что Наполеонъ приносилъ въ жертву все своему честолюбію и совершалъ самыя страшныя дѣла ради осуществленія своей несбыточной идеи всесвѣтвой монархіи. Орловъ, впрочемъ, ясно сознавалъ демоническую натуру Наполеона и смотрѣлъ на его послѣднюю борьбу, „какъ на борьбу съ самимъ Провидѣніемъ“. „Въ свою очередь“, говоритъ онъ, и Парижъ необходимо долженствовалъ быть бытъ принесенъ въ жертву,—и былъ-бы. Въ минуту моральнаго и нервнаго раздраженія, Наполеонъ далъ роковой приказъ, и, давая его, думалъ, можетъ быть, дать послѣднее, ужасное сраженіе, уже не людямъ, а самому Провидѣнію. Преступный мятежъ генія противъ непреложной воли небесъ! Горестное и жестокое отчаяніе издыхающей гордости, которая находитъ себѣ наказаніе въ самой немощности ненавистныхъ успій своихъ. Провидѣніе приняло вызовъ человѣка, сильнаго по превосходству; оно горько посмѣялось ему, лишивъ его возможности совершить разрушеніе Парижа, и искорѣ вынудило подписать собственный приговоръ уничтоженія и отрепенія отъ трона. Таковъ верховный законъ, управляющій слабыми силами нашими: великому жребію, — великія заблужденія“. Орловъ, Русская Старина, томъ XX, стр. 649—650.

присутствовавшихъ. Орлову пришлось сидѣть за столомъ бокъ о бокъ съ Жирарденомъ. Русскій парламентаръ давно уже былъ знакомъ съ наполеоновскимъ генераломъ. Онъ видѣлся съ Жирарденомъ и бесѣдовалъ съ нимъ въ 1812 г. въ Вильнѣ у князя Невшательскаго. Онъ произвелъ на него тогда впечатлѣніе очень умнаго, развязнаго, свѣтскаго человѣка, умѣвшаго говорить очень много и очень красно. Но на этотъ разъ Жирарденъ былъ, видимо, не въ духѣ. Онъ былъ страшно взволнованъ, раздраженъ и очевидно искалъ человѣка, на котораго онъ могъ-бы излить свою злобу. Русскій адъютантъ, пріѣхавшій къ тому-же закончить переговоры о капитуляціи Парижа, показался ему самымъ подходящимъ субъектомъ. „Онъ имѣлъ нужду“, говоритъ Орловъ, „излить на кого нибудь все свое негодованіе, и естественно сдѣлалъ мнѣ честь, выбравъ меня въ свои страдательные собесѣдники. Общій столъ передъ слушателями, принимающими участіе въ разговорѣ, представляетъ для человѣка, который заранѣе рѣшился вести войну на словахъ, всегда особенное удобство. Тамъ бокъ о бокъ съ противникомъ, онъ поставляетъ его въ невозможность избѣгнуть ударовъ, отказаться отъ сраженія, приготовиться къ нему или отдалить его, язвительные слова достигаютъ по своему назначенію со всею жестокостью ихъ первоначальной злобы. Положеніе Орлова было крайне затруднительное. Онъ только что пріобрѣлъ среди этого общества своего рода популярность, и онъ не хотѣлъ утратить ее какимъ-нибудь неосторожнымъ выраженіемъ. Ему нужно было необыкновенное хладнокровіе, благоразуміе и скромность, чтобы не проиграть въ глазахъ многочисленной и раздражительной публики, окружавшей ихъ. И Орловъ, обладавшій всѣми этими качествами, съ честью вышелъ изъ испытанія. Ловко и деликатно отпарировалъ онъ личные нападки и колкости Жирардена и сумѣлъ перевести разговоръ на почву общественныхъ и политическихъ разсужденій. Какъ только дѣло дошло до этихъ серьезныхъ матерій, то Жирарденъ „заключился въ совершеннѣйшемъ скептицизмѣ“. Онъ началъ сомнѣваться во всемъ и въ силахъ союзниковъ, и въ ихъ успѣхахъ, и въ намѣреніяхъ. Само собою понятно, что

Орлову не стоило большого труда развеять все эти сомнѣнія. Онъ могъ говорить съ полною и твердою увѣренностью и о громадномъ численномъ превосходствѣ союзниковъ, и о несомнѣнности ихъ успѣховъ, и о великодушныхъ намѣреніяхъ своего государя. Жирарденъ перешелъ къ частностямъ. Онъ началъ говорить о побѣдѣ, одержанной Наполеономъ надъ отдѣльнымъ корпусомъ Винцингероде, но Орловъ спокойно замѣтилъ, что это аррьергардное дѣло не можетъ быть даже называемо сраженіемъ, что оно во всякомъ случаѣ не окажетъ ни малѣйшаго вліянія на ходъ большихъ операцій кампаніи. Жирарденъ и его секунданты начали превозносить тѣ неистощимые ресурсы, которые найдетъ Наполеонъ въ своемъ несравненномъ военномъ геніи. Орловъ, преклоняясь передъ геніемъ императора, замѣтилъ, что если Наполеонъ стоилъ одинъ въ началѣ этой кампаніи 500,000 солдатъ то теперь его стоимость равняется лишь 50,000. Жирарденъ началъ толковать о соединеніи Наполеона съ Ожеро и Сультомъ; Орловъ выставилъ съ своей стороны Бернадота, Бубну и Веллингтона. Опровергнутый на военномъ поприщѣ, Жирарденъ сталъ распространяться о намѣреніяхъ союзниковъ. Онъ дошелъ до того, что обвинялъ союзныхъ государей въ намѣреніи раздѣлить Францію. Орловъ опровергалъ подобное обвиненіе, ссылаясь на хорошо извѣстный всѣмъ благородный, высокій, безкорыстный образъ мыслей императора Александра. Онъ напомнилъ французамъ, что императору Александру будетъ принадлежать рѣшающій голосъ въ опредѣленіи участи Франціи ¹⁾. Онъ приглашалъ

¹⁾ Положеніе, занимаемое Россією во главѣ коалиціи, характеръ ея государя и его громадно, рѣшающее вліяніе, облегчали Орлову, какъ нельзя болѣе, его полемику съ Жирарденомъ. „По счастливому и рѣдкому случаю“, говоритъ онъ, „одно и тоже доказательство послужило мнѣ къ убѣжденію и въ силу, и въ умѣренности союзниковъ. Это доказательство заключалось именно въ зрѣлищѣ тѣснаго и вмѣстѣ страшнаго союза, при которомъ успѣли собрать столько разнородныхъ элементовъ, силавить въ одну массу столько различныхъ армій, слить въ одно желаніе столько различныхъ желаній и подлинно, ни одна изъ прежнихъ коалицій не представляла такихъ огромныхъ силъ, такого дружескаго согласія, потому что ни одна не опиралась на такихъ общихъ европейскихъ основаній, и все, безъ исключенія, похъ предлогомъ блага общаго, скрывали

своихъ собесѣдниковъ не внимать тщетнымъ обольщеніямъ, принести въ жертву свои мечты о славѣ и владычествѣ, будущности, исполненной счастія и спокойствія, предпочесть систему равновѣсія и союзовъ наступательному воинственному уединенію, предоставить Франціи снова занять подобающее ей мѣсто и санъ въ общемъ возсозданіи европейскаго зданія, которое безъ ея содѣйствія не будетъ имѣть ни прочности, ни блеска, ни основанія, ни верха: „Слова мои“, говоритъ онъ, „не остались безъ дѣйствія. Я имѣлъ удовольствіе замѣтить это по удвоившимся вѣжливостямъ и внимательности, съ которою мои слушатели тѣснились вокругъ меня. Все доказывало мнѣ, что мое посланіе морально было приведено къ исполненію. Предшественникъ воплощенной кротости, я направлялъ всѣ мои усилія только къ одной цѣли, именно, чтобы предуготовить парижанъ къ вступленію Александра, окруженнаго милосердіемъ, могуществомъ и величіемъ... Путь теперь былъ проложенъ; осталось ему только явиться“.

Было уже очень поздно, когда собесѣдники поднялись изъ за стола. Орловъ, утомленный неслыханными событіями, небывалыми впечатлѣніями этого дня, забрался въ уголъ залы и впалъ невольно въ легкую дремоту. Вокругъ него продолжали двигаться и говорить, и отдѣльныя громко сказанныя слова нерѣдко поражали его слухъ. Но ему не приходилось слышать ничего неприятнаго. Французы видимо перешли въ

виды корысти частной. Здѣсь, напротивъ, всѣ виды эгоистическіе, исключительныя всѣ замыслы честолюбія частнаго и отдѣльнаго—терялись въ общемъ стремленіи къ благу всего челоуѣчества. Здѣсь дѣло шло не о границахъ, не о пріобрѣтеніяхъ, не о завоеваніяхъ. Чего требовала Пруссія? 10,000,000 жителей. Австрія?—обезначенія своихъ областей (Австрія требовала гораздо большаго, сдвали не больше всѣхъ). Англія—уничтоженія континентальной системы и освобожденія торговли. Второстепенныя государства?—неприкосновенности ихъ владѣній. А Россія?—ничего для себя самой и всего для міра. Это благородное высокое безкорыстіе обезпечивало императору Александру верховное распоряженіе и главный голосъ во всѣхъ европейскихъ дѣлахъ. И только, эта, почти слѣпая довѣренность къ императору Александру, эта вѣра полная и безграничная всѣхъ въ одного извлекла изъ общаго политическаго хаоса два огромные результаты: всеобщій миръ и неприкосновенность государствъ“. Орловъ, Русская Старина, Т. XX, стр. 652—653.

благодушное настроеніе. „Вотъ сонъ побѣдителя“, сказалъ кто-то, проходя мимо его.—„И честнаго человѣка“, добавилъ другой. Эти простыя слова тронули Орлова до глубины души.

Но время проходило и дѣла не подвигались впередъ. Орловъ начиналъ уже беспокоиться ¹⁾, когда его извѣстили о пріѣздѣ графа Парра. Графъ привезъ съ собою письмо отъ Нессельроде, уполномочивавшее привести къ концу переговоры о капитуляціи Парижа.

Письмо гласило такъ: „государь императоръ, по соглашенію съ фельдмаршаломъ княземъ Шварценбергомъ, находитъ болѣе выгоднымъ для союзныхъ армій не настаивать на томъ условіи, которое прежде было предлагаемо для очищенія Парижа, но союзники предоставляютъ себѣ право преслѣдовать французскую армію, по дорогѣ, которую изберетъ она для своего отступленія. И такъ, вы уполномочиваетесь вмѣстѣ съ господиномъ полковникомъ графомъ Парромъ заключить конвенцію относительно сдачи и занятія Парижа, на тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мы согласились до отъѣзда моего съ господами герцогами Рагузскимъ и Тревизскимъ“ ²⁾.

Орловъ и Парръ, прочитавши письмо, послали сказать герцогу Рагузскому, что они готовы составить и подписать актъ капитуляціи Парижа. Мармонъ явился немедленно на ихъ приглашеніе. Всѣ трое усѣлись въ гостинной около стола, вокругъ нихъ толпились многочисленныя группы гостей. Орловъ взялъ листъ простой почтовой бумаги и принялся сочинять статьи капитуляціи. Графъ Парръ, облокотившись на плечо Орлова, слѣдилъ глазами за письмомъ и по мѣрѣ написанія статей, изъявлялъ на нихъ свое согласіе. Черезъ четверть часа все было кончено и Орловъ подалъ маршалу

¹⁾ „Послѣ отъѣзда комиссаровъ всѣ сношенія между обѣими главными квартирами прекратились, и я рѣшительно ничего не зналъ о намѣреніяхъ нашего кабинета. Я былъ простой заложникъ, не имѣлъ никакого officialнаго характера и не могъ ничего предпринять, ничего рѣшить“. Орловъ. Тамъ же, стр. 653.

²⁾ Текстъ письма у Орлова, стр. 654.

проектъ капитуляціи. Онъ заключалъ въ себѣ слѣдующія 8 статей ¹⁾:

1) Французскія войска, состояція подъ начальствомъ маршаловъ герцоговъ Рагузскаго и Тревизскаго, очистятъ городъ Парижъ 19 (31-го) марта въ 7 часовъ утра.

2) Они возьмутъ съ собою всю артиллерію и тяжести, принадлежащія къ этимъ двумъ корпусамъ.

3) Военныя дѣйствія должны начаться вновь не прежде, какъ спустя два часа по очищеніи города, т. е. 19 (31) марта въ девять часовъ утра.

4) Всѣ военные арсеналы, заведенія и магазины будутъ оставлены въ томъ состояніи, въ какомъ находились до заключенія настоящей капитуляціи.

5) Національная гвардія пѣшая и конная совершенно отдѣляется отъ линейныхъ войскъ; она будетъ сохранена, обезоружена или распущена по усмотрѣнію союзниковъ.

6) Городскіе жандармы раздѣляютъ вполне участь національной гвардіи.

7) Раненые и мародеры, которые найдутся въ городѣ послѣ девяти часовъ, останутся военно плѣнными.

8) Городъ Парижъ предается на великодушіе союзныхъ государей.

Мармонъ началъ читать бумагу съ видимымъ безпокойствомъ. Казалось, что онъ опасался встрѣтить въ условіяхъ союзныхъ уполномоченныхъ поводы къ новымъ недоразумѣніямъ и спорамъ. Но вскорѣ лице его прояснилось. Онъ прочелъ проэктъ вслухъ ясно и отчетливо. Онъ какъ будто требовалъ отъ многочисленной, окружавшей его публики, одобренія или замѣчаній; но въ залѣ царствовала гробовая тишина, никто не сказалъ ни слова. Маршалъ отдалъ бумагу Орлову и объявилъ, что не имѣя ничего сказать противъ трактата ни со стороны содержанія, ни со стороны формы, онъ изъявляетъ на него свое полное согласіе. Вслѣдъ затѣмъ онъ приказалъ, бывшимъ около него, полковникамъ Фавье и Дюсису подписать вмѣстѣ съ союзными уполномо-

¹⁾ Текстъ статей капитуляціи у Орлова, стр. 654—655.

ченными проэктъ капитуляціи. Подписи были сдѣланы тотчасъ-же и Орловъ, взявъ съ собою оригиналъ капитуляціи, тутъ-же снялъ съ него копію и вручилъ ее герцогу Рагузскому ¹⁾.

Оставалось назначить депутацію отъ города Парижа, которая должна была выйти на встрѣчу побѣдоноснымъ союзнымъ государямъ. Орловъ замѣтилъ маршалу, что ограничиваясь чисто военною стороною дѣла, онъ съ намѣреніемъ умолчалъ о гражданскихъ дѣлахъ Парижа, для того, чтобы дать начальству города время и способъ обсудить эти дѣла имъ самимъ передъ союзными государями, которые съ своей стороны будутъ имѣть случай показать жителямъ Парижа на первомъ-же шагѣ свои великодушныя намѣренія. Орловъ добавилъ, что депутація можетъ свободно заявить о своихъ желаніяхъ, за исполненіе которыхъ онъ ручается напередъ, что довѣренность равно приноситъ честь и тѣмъ, кому она оказывается и тому, кто ее оказываетъ, что, наконецъ, онъ принялъ на себя составить осьмую статью капитуляціи ²⁾, въ которой помѣщено повелѣніе его величества избавить городъ Парижъ отъ униженія передать ключи свои въ какой-нибудь иностранный музей. Мармонъ видимо былъ тронутъ этимъ послѣднимъ заявленіемъ; онъ молча подалъ руку Орлову. Вслѣдъ затѣмъ въ залѣ произошло большое движеніе. Приступлено было къ избранію депутаціи ³⁾.

День уже занимался, когда депутація была избрана и готова отправиться. Орловъ сѣлъ на свою лошадь и поѣхалъ въ Бонди, гдѣ находилась главная квартира Александра. Путь пролегалъ черезъ биваки союзныхъ войскъ. Повсюду пылали громадныя костры. Солдаты уже видимо отдохнули. Почти никто не спалъ. Всѣ чистили ружья, приводили въ

¹⁾ Всѣ эти подробности у Орлова. Мармонъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ о капитуляціи Парижа очень кратко.

²⁾ По счету это должна была быть девятая статья.

³⁾ Въ составъ депутаціи вошли слѣдующія лица: префекты Шаброль и Пакье, нѣсколько членовъ городского совѣта и три офицера національной гвардіи.

порядокъ свои мундиры и аммуницію. Лица всѣхъ сіяли въ виду приближенія послѣдняго торжественнаго момента страшной многолѣтней борьбы. Прибывъ въ Бонди, Орловъ ввелъ депутатовъ въ большую залу замка и велѣлъ уведомить о ихъ прибытіи графа Нессельроде. Самъ Орловъ направился прямо къ государю, который заранѣе распорядился позвать его тотчасъ-же по прибытіи. Александръ принялъ своего флигель-адъютанта, лежа въ постели.

— „Ну“, сказалъ онъ входящему Орлову, „что вы привезли новаго?“

— „Вотъ капитуляція Парижа“, отвѣчалъ тотъ.

Императоръ взялъ бумагу, прочелъ ее, сложилъ и, положивъ подъ подушку, сказалъ:

— „Поцѣлуйте меня; поздравляю васъ, что вы соединили имя ваше съ этимъ великимъ событіемъ“.

Онъ заставилъ Орлова подробно рассказать о вечерѣ, проведенномъ имъ въ Парижѣ и обнаружилъ живѣйшее удивленіе, когда услышалъ рассказъ о Талейранѣ. „Теперь это пока еще анекдотъ“, замѣтилъ онъ, „но можетъ сдѣлаться исторіею“. Вслѣдъ затѣмъ императоръ отпустилъ Орлова¹⁾.

Великая драма закончилась. Сдача Парижа обозначала собою конецъ войны. Паденіе Наполеона совершилось, хотя онъ самъ еще ничего не зналъ въ этотъ моментъ о состоявшемся надъ нимъ приговорѣ судьбы. Самоувѣренность, доведшая Наполеона въ этотъ періодъ его жизни до полного ослѣпленія, достигла своего апогея, въ тотъ моментъ, когда онъ началъ свое рискованное движеніе на сообщенія союзниковъ и тѣмъ самымъ открылъ непріятелямъ своимъ путь къ Парижу.

Наполеонъ ожидалъ въ первые дни своего похода самыхъ благопріятныхъ для себя послѣдствій. Онъ старался увѣрить себя и другихъ, что союзники не отважатся идти на Парижъ, а непременно послѣдуютъ за нимъ. 24-го марта Наполеонъ достигъ Дулевана, тогда какъ различные отряды его войскъ дошли до Бриенни и Мутье-ендера, а Мак-

¹⁾ Орловъ, Русская Старина, т. XX, стр. 656.

дональдъ, шедшій позади всѣхъ, занялъ Сенъ-Дизье. Наполеонъ, занятый въ это время всецѣло своими военными предпріятіями, былъ пораженъ крайне непріятно, когда въ главную квартиру его явился внезапно Коленкуръ. Удивленіе императора перешло въ смущеніе и страхъ, когда онъ узналъ отъ герцога Виченцкаго о закрытіи патильонскаго конгресса. Такой неожиданный инцидентъ совершенно не входилъ въ его расчеты. Если онъ и не думалъ о заключеніи мира, то за то продолженіе переговоровъ было для него въ высшей степени необходимо. Онъ нуждался въ переговорахъ, уже въ виду одного общественнаго мнѣнія Франціи, принимавшаго съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тревожный характеръ. Переговоры нужны были ему и потому, что благодаря имъ, онъ могъ рассчитывать въ случаѣ крайности заключить миръ, или остановить успѣхи союзниковъ, или, наконецъ, посвятить при удобномъ случаѣ вражду между ними. Теперь всѣ эти возможности разомъ закрывались для него, а рѣшительный тонъ послѣдняго заявленія союзныхъ уполномоченныхъ, равно какъ и письма Меттерниха, представленныя Наполеону Коленкуромъ, не оставляли сомнѣнія въ томъ, что союзники будутъ стремиться теперь къ низложенію его самого.

В. Хадлеръ.

(Продолженіе будетъ).

ГИМНЫ ПРУДЕНЦІЯ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

(Продолженіе *).

Х.

Страданіе мученика Романа.

1. Романъ, мужественный псповѣдникъ Христа Бога! Двигни благосклонно некраснорѣчивый языкъ (мой), внуши изящную пѣснь (миѣ), совершенному младенцу (въ этомъ), даруй, дабы я воспѣлъ твои преславныя подвиги, ибо ты самъ знаешь, что и нѣмые могутъ говорить краснорѣчиво.

6. Свирѣпый мучитель исторгъ у тебя плектръ неба и горла ¹⁾ и, однако, не принудилъ къ молчанію уста, которыми ты исповѣдалъ Бога. Голось, свидѣтельствующій истину, не можетъ быть заглушенъ, если даже пресѣчены (обычныя) пути (его).

11. Наша рѣчь, когда пзувѣченъ языкъ, становится прерывающею и нескладною; но если ты небесною россою оросишь духъ ²⁾ и духовнымъ млекою освѣжишь сердце, то безпрепятственно будетъ звучать голось, даже испорченный.

16. Евангелпствъ написалъ ³⁾, что Мессія далъ такое наставле-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 17.

¹⁾ Т. е. языкъ; ср. стих. 896 и слѣд.

²⁾ Въ подлинникѣ: зі superno rore respergas jesur. Ср. 33 примѣчаніе къ третьему повседневному гимну.

³⁾ Матѣ. X, 19—20; ср. Марк. XIII, 11; Лук. XII, 11.

ніе апостоламъ: „когда будете возвѣщать (Мое) евангеліе не забываетесь о словахъ; Я (вамъ) неприготовленнымъ внушу то, что „должно быть сказано“.

21. Я самъ—нѣмъ; но моимъ языкомъ блистательно проглаголетъ Владыка краснорѣчія—Христосъ; Онъ изъяснитъ, какія бури воздвигъ демонъ при конечномъ (своемъ) дуновеніи ⁴⁾, уже обуздываемый, проявляя большій ядъ въ послѣднемъ неистовомъ усплнн.

26. Такъ змѣя, раненная остриемъ копья, грызетъ желѣзо ⁵⁾, и, разсвирѣпѣвъ еще сильнѣе отъ боли, держитъ (его), сотрясая, въ сомкнутыхъ крѣпко зубахъ; но вонзившееся копье проникаетъ еще глубже и не чувствуетъ угрызенія, (для него) недѣйствительнаго.

31. Римскою имперіею правилъ Галсрій, (человѣкъ), какъ повѣствуетъ древность, немилосердый, жестокой, грубой, неумолимый; далеко, во всѣ концы міра разослалъ онъ повелѣніе: пусть отвергнется Христа всякій, кто хочетъ жить.

36. Это гласитъ устами царя оный змій, который, выходя изъ гробницъ мертвецовъ, восклицаетъ: „Сынъ Вышняго! зачѣмъ Ты разрушаешь мое царство, пришедши ранѣе времени: пощади „или повели мнѣ войти въ свиней“ ⁶⁾.

41. Усердный исполнитель онаго повелѣнія, префектъ Асклепіадъ ⁷⁾, даетъ приказъ воинамъ—исторгать членовъ христіанскаго общества даже изъ святилицъ ⁸⁾ и заключать въ узмы, если не отвергнуть ученіе Назарянское ⁹⁾.

⁴⁾ Разумѣется гоненіе на христіанъ при Діоклеціанѣ и Галеріи, — послѣднее, но, вмѣстѣ, самое лютое. Ср. стих. 36 и слѣд.; ср. еще Per. II, 505 и V, 83—84, гдѣ, также, представляется, что демоны подстрекали къ гоненіямъ на христіанъ.

⁵⁾ Т. е. копье, которымъ была ранена.

⁶⁾ Матѣ. VIII, 29—31; Марк. V, 2—13. Ср. Cath. IX, 52—57.

⁷⁾ Асклепіадъ былъ при Галеріи префектомъ Сиріи.

⁸⁾ Въ подлинникѣ (по тексту Дресселя) это мѣсто читается такъ:

ire mandat milites
ecclesiasten usque de sacrariis
raptare plebem mancipandam vinculis.

⁹⁾ Ср. Per. V, 25, гдѣ префектъ Даціанъ примѣняетъ къ христіанамъ названіе: Nazareni.

46. Вскорѣ задумываетъ (онъ) вторгнуться въ самый храмъ и разрушить святое святыхъ; готовится вооруженная сила для того, чтобы до основанія ниспровергнуть алтарный жертвенникъ ¹⁰⁾ и даже самый входъ провратить въ развалины.

51. Когда это неожиданно сдѣлалось извѣстнымъ, Романъ, мужъ превосходной доблести, предваряетъ (христіанъ), возвѣщаетъ, что идутъ (ко храму) вооруженные, увѣщаетъ робкихъ, дабы они были готовы и не уступали бурѣ ¹¹⁾.

56. Единодушнымъ пребываетъ общество христіанское, — безстрашный сонмъ матерей, мужей, отроковъ, дѣвицъ; твердо и непоколебимо у всѣхъ рѣшеніе: защищать вѣру или охотно умереть.

61. Не допущенные (въ храмъ) воины доносятъ префекту, что толпа (христіанъ) оказываетъ сопротивленіе, что предводительствуетъ ею Романъ, что всѣ (въ этой толпѣ) исполнены дерзостнаго упорства, сами безстрашно подставляютъ (свои) выи, дабы умереть славною смертію.

66. Тогда дается приказъ, дабы немедленно былъ схваченъ Романъ и одинъ, какъ предводитель и подстрекатель всѣхъ, отвѣтствовалъ за буйствующую толпу. Тотъ идетъ, не сопротивляясь, и требуетъ, дабы онъ былъ связанъ, и самъ складываетъ на спинѣ руки.

71. Желая вѣнца, (мученикъ) почти предупреждаетъ свирѣпыхъ исполнителей велѣній префекта и добровольно подставляетъ голыя ребра для терзанія двузубыми когтями; потомъ онъ входитъ на высокій трибуналъ и самъ тащитъ мучителя (къ мѣсту мученія) среди изумленныхъ глашатаевъ.

76. Къ предстоящему мученику тираннъ ¹²⁾ начинаетъ слѣдующую рѣчь: „постыдное чудовище, нечестивецъ, отверженецъ общества! ты, городской фокусникъ и возмутитель легкомысленной толпы, подстрекаешь не повиноваться законамъ невѣжественную чернь,

¹⁰⁾ Въ подлинникѣ: altaris agam. См. примѣч. 24 къ VII повседневному гимну.

¹¹⁾ Т. е. гоненію. Ср. Per. IV, 82.

¹²⁾ Разумѣется префектъ Асклепиадъ.

81. „Которая, по своей грубости, возмнила достославнымъ со-
„вершено пустое и утверждаетъ, что будетъ бессмертна, если,
„подобно гигантамъ, объявить войну богамъ и, побѣжденная,
„будетъ погублена пламенемъ горъ ¹³⁾).

86. „Презрѣнный! Ты приготовилъ это зрѣлище жестокаго из-
„біенія гражданъ, ибо они, какъ безбожники и послѣдователи
„новаго ученія, должны быть казнены вмѣстѣ съ тобою, своимъ
„предводителемъ; ты — вина (ихъ) смерти, ты — знаменосецъ
„(имѣющихъ постигнуть ихъ) золь.

91. „Справедливо, дабы то, что ты, безстыдный подстрекатель,
„заставилъ многихъ терпѣть, обратилось на тебя самого и дабы
„ты первый подвергся смерти въ отмыщеніе за тѣ казни, какія
„скоро послѣдуютъ; неси же и ты самъ то, что увѣщевались
„тобою нести (другіе)“.

96. На эти слова дерзновенно отвѣтствуетъ тотъ: „охотно со-
„глашаюсь, префектъ! не уклонюсь даже отъ того, дабы въ жер-
„тву за вѣрный народъ принесенъ одинъ я, достойный, воистин-
„ну, понести все, что повелитъ ваша жестокость.

101. „Входить же въ святой домъ нашего спасенія не позво-
„лительно слугамъ идоловъ и демоновъ, дабы не было осквернено
„чистое мѣсто молитвы; и я вѣрую въ Духъ Святомъ, что тебѣ
„никогда не будетъ дано коснуться священнаго порога,

106. „Развѣ только ты, сдѣлавшись нашимъ, заслужишь быть
„принятымъ въ наше общество, что да устроитъ Отецъ (нашъ)
„Богъ!“ Раздраженный сими словами Асклепиадъ повелѣлъ, дабы
тѣло мученика было для терзанія повѣшено на столбѣ ¹⁴⁾ и вы-
тягиваемо крючьями и веревками ¹⁵⁾.

111. Соприсутствующие внушаютъ неистовствующему (префек-

¹³⁾ Гиганты, по греко-римской мифологіи, возстали противъ боговъ Олимпій-
цевъ, но были раздавлены горами, сокрушенными молніей Юпитера.

¹⁴⁾ Въ подлинникѣ: *esculeo... pendere (jussurat)*. *Esculeus* или *equuleus* назы-
вался снарядъ изъ дерева, сдѣланный на подобіе коня (*equus*): на этомъ сна-
рядѣ осужденные были терзаемы когтями и мучимы другими способами (Аревалъ).

¹⁵⁾ Рѣчь о веревкахъ, которыя привязывались къ крючьямъ столба (*equuleus*)
и которыми вытягиваемы были суставы осужденнаго на эту муку (Аревалъ).

ту), что мученикъ ¹⁶⁾— славнаго и древняго рода и, по своимъ заслугамъ, первый гражданинъ. (Тогда) повелѣваетъ (префектъ) удалить древо мукъ ¹⁷⁾, дабы знатный мужъ не былъ преданъ плебейской казни.

116. „Пусть—говорить—тѣло (мученика) подвергнуто будетъ „біенію, пусть вслухнется отъ ударовъ свинцомъ ¹⁸⁾; каждое лице „наказывается соотвѣтственно (его состоянію и значенію); между „простолюдиномъ и знатнымъ большая разница и родъ мукъ „опредѣляется значеніемъ виновныхъ“.

121. И вотъ мученикъ осыпанъ свинцовымъ градомъ; воздвигнутый же послѣ біенія, во время котораго онъ воспѣвалъ гимнъ, начинаетъ говорить такъ: „не кровь родителей и не декретъ сената сдѣлали меня благороднымъ; облагороживаетъ мужей достославное ученіе Христа.

126. „Если ты прослѣдишь въ порядкѣ родословія, отъ кого „мы происходимъ первоначально, то (найдешь, что) мы происходимъ отъ Отца (нашего) Бога ¹⁹⁾. Кто служитъ Ему, тотъ истинно „благороденъ; кто противится Отцу (своему), тотъ—выродокъ.

131. „Къ чести по происхожденію присоединяется потомъ новая „честь; великій блескъ, какъ бы блескъ сана, прибавляется „(тогда), когда доблестнаго свидѣтеля Имени, которое должно быть „засвидѣтельствовано, отмѣчаютъ глубокія раны отъ меча и огня „и когда славная смерть слѣдуетъ за лютыми мучками.

136. „Не будь, превратно судя о вещахъ, милостивъ ко мнѣ и „не щади меня изъ снисхожденія: язви члены мои, дабы я сдѣлался „благороденъ: если я украшусь сими отличіями, то я ни „во что вмѣняю родъ отца и матери.

141. „А чѣмъ считаешь ты эти ваши высшія почести? Развѣ „не быстро мимо проходятъ связки прутьевъ, сѣкиры, курульное

¹⁶⁾ Т. е. мученикъ Романъ.

¹⁷⁾ Разумѣется стоялъ (esculeus или equuleus).

¹⁸⁾ Рѣчь о бичѣ, веревки или ремни котораго имѣли шарики изъ свинца или другаго металла (Дрессель). Ср. стих. 121—123.

¹⁹⁾ Въ подлинникѣ: Dei parentis esse ab ore coepimus. Ср. Дѣян. XVII, 28.—29.

„кресло, расшитыя тоги, лекторы, трибуналы ²⁰⁾ и многое мно-
 „жество иныхъ отличій, которыми вы надмѣваетесь и которыми
 „скоро перестаете надмѣваться? ²¹⁾).

146. „Когда вы вступаете въ консульское званіе, то—стыдно
 „сказать—кормите цыплятъ мукою ²²⁾, какъ дѣлаютъ обыкновен-
 „но рабы; орломъ, сдѣланнымъ изъ слоновой кости, надмѣвается
 „носящій его ²³⁾; наполняетъ гордостію пмѣющая образъ птицы
 „кость животнаго.

151. „Вы падаете ницъ при жертвенникахъ у подножія статуй,
 „повергаетесь предъ рѣзнымъ дубовымъ пнемъ: что можетъ быть
 „для васъ унизительнѣе этого? Я знаю, что при священнодѣй-
 „ствіяхъ Идской Матери предъ колесницею ея обнажаютъ ноги
 „даже благороднѣйшіе граждане.

156. „Въ то время, какъ на колесницѣ везется для омовенія
 „черный камень, одѣтый серебрянымъ изображеніемъ женской го-
 „ловы, вы босые идете до самой рѣки Альмо ²⁴⁾.

161. „А какое гнусное торжество представляетъ бѣганье лу-
 „перковъ?... ²⁵⁾ Оно, подлинно, есть свидѣтельство вашего не-
 „благородства. Развѣ не самый презрѣнный изъ рабовъ тотъ, кто
 „бѣгаетъ обнаженный по всеѣмъ улицамъ, нанося смѣшныя удары
 „(встрѣчающимся) дѣвцамъ?...

²⁰⁾ Перечисляются внѣшнія почетныя отличія разныхъ сановниковъ древня-
 го Рима.

²¹⁾ Именно по сложениіи почетной должности.

²²⁾ Рѣчь о гаданіяхъ по корму цыплятъ, каковыя гаданія предшествовали
 вступленію сановниковъ въ должность.

²³⁾ Разумѣется жезлъ триумфаторовъ или консуловъ, сдѣланный изъ слоно-
 вой кости и имѣвшій на верхнемъ концѣ изображеніе орла.

²⁴⁾ Имѣется въ виду чествованіе въ Римѣ богини Цибелы или Идской Ма-
 тери, символомъ которой былъ черный камень, на который надѣвалось сере-
 бряное изображеніе женской головы. Богиня эта въ пятый день весенняго тор-
 жества въ честь ея была, дѣйствительно, въ торжественной процессіи отвози-
 ма къ рѣчкѣ Альмо (недалеко отъ Рима) для омовенія. Что знатные люди,
 находившіеся въ этой процессіи, снимали обувь,—объ этомъ говорятъ одинъ
 Пруденцій.

²⁵⁾ Луперками назывались въ древнемъ Римѣ жрецы бога Пана или Лупер-
 ка. Въ праздникъ луперкалій они, почти нагіе, бѣгали по городу и ударили рем-
 нями изъ козней кожи встрѣчавшихся имъ женщинъ.

166. „Римъ, столица міра! Мнѣ жалко, что такія у тебя свя-
„тыни, такіе императоры, такіе нравы! Разсмотримъ, если угод-
„но тебѣ, префектъ, ваши таинства: тебѣ необходимо—хочешь ли
„ты, или не хочешь—выслушать, какую мерзость вы читаете.

171. „Не страшитъ (меня) это безуміе, которымъ ты надмѣ-
„ваешься, (не страшитъ), что ты, съ высоко поднятымъ лицомъ,
„гнѣвный, ужасающій, грозный муками лютой смерти; если же-
„лаешь меня преклонить чѣмъ либо, то сражайся со мною дово-
„дами разума, а не яростию.

176. „Ты повелѣваешь, дабы я, оставивши святыню (Бога) Отца
„и Христа (Его), чтилъ, вмѣстѣ съ тобою, великое множество му-
„жей и женъ ²⁶), боговъ и богинь и рожденныхъ ими дѣтей, вну-
„ковъ, правнуковъ и все ихъ гнусное потомство ²⁷).

201. „Но какъ я буду чествовать (даже) великаго (твоего) Юпи-
„тера? Вѣдь, если бы его судить по вашимъ законамъ, то онъ

²⁶) Въ подлинникѣ: mille feminas ac mares. Очевидно, здѣсь употреблено круглое число; ср. въ ст. 144: trecenta insignia.

²⁷) Слѣдующіе стихи 181—200 въ подлинникѣ читаются такъ:

Nubunt puellae, saepe luduntur dolis,
amasionum comprimuntur frandibus,
incesta fervent: furta moechorum calent,
fallit maritus, odit uxor pellicem,
deos catenae conligant adulteros.

Ostende, quaeso, quas ad aras praecipis,
vervece caeso fumet ut caespes mens?
Delphosne pergam? sed vetat palaestrici
conrupta ephēbi fama, quem vester deus
effeminavit gymnadis licentia.

Mox flevit impuratus occisum gravi
disco et dicavit florulentum succubam.
Conductus idem pavit alienum pecus,
furem deinde perdit passus gregis
segnis bubulcus tela et ipsa perdidit.

An ad Cybebes ibo lucum pineum?
puer sed obstat Gallus ob libidinem
per triste vulnus perque sectum dedecus
ab impudicae tutus amplexu deae,
par multa Matri sacra plorandus spado.

„запутался бы въ петляхъ грознаго закона Юліева ²⁸⁾, (равно) не
 „избѣгъ бы и кары суроваго закона Скантинія ²⁹⁾; въ качествѣ
 „судьи, и ты призналъ бы его достойнымъ темницы.

206. „Почему считаешь ты виновника золотого вѣка достой-
 „нымъ чествованія? ³⁰⁾. Вѣдь ты самъ не отрицаешь, что онъ
 „бѣжалъ и скрывался, страхась гибели. Если бы Юпитеръ услы-
 „халъ, что онъ живетъ счастливо, то, конечно, наказалъ бы со-
 „участниковъ въ укрывательствѣ.

211. „Почему должны быть совершаемы, какъ ты думаешь, свя-
 „щеннодѣйствія при жертвенникахъ боговъ, находящихся въ раз-
 „дорѣ? Вѣдь оскорбленная доблесть Марса вознегодуетъ, если бу-
 „детъ чествуемъ Лемносецъ ³¹⁾; вѣдь подвергнется гнѣву Юноны
 „каждый, кто Геркулеса, какъ бога, почтитъ статуей или капи-
 „щемъ ³²⁾.

216. „Ты говоришь, что это—измышленія поэтовъ. Но и они
 „сами, вмѣстѣ съ тобою, преданы таковымъ таинствамъ и чтутъ
 „то, что описываютъ. (Далѣе), зачѣмъ ты съ такою охотою чи-
 „таешь объ этомъ беззаконіи? зачѣмъ въ театрѣ все это, на тво-
 „ихъ глазахъ, встрѣчается рукоплесканіями?

221. „На сценѣ появляется лебедь-Юпитеръ ³³⁾; нантомимистъ
 „представляетъ Громовержца въ образѣ быка ³⁴⁾; ты же, верхов-
 „ный понтификъ ³⁵⁾, сидишь и, смотря на это, смѣешься и не
 „уничтожаешь отрицаніемъ, хотя (этимъ) порочится имя столь
 „великаго божества.

²⁸⁾ Законъ Юліевъ (lex Julia de adulteriis) былъ изданъ Августомъ.

²⁹⁾ Разумѣется законъ Скантинія противъ распутниковъ (lex Scantinia de nefanda venere), изданный въ 527 году.

³⁰⁾ Разумѣется богъ Сатурнъ, скрывавшійся отъ преслѣдованій сына своего Юпитера и нашедшій убожище въ Италіи.

³¹⁾ Т. е. богъ Вулканъ. Ср. Ovidii: Metam. IV, 171 и слѣд.

³²⁾ Геркулесъ былъ ненавидимъ Юноною, какъ сынъ Юпитера и Алкмены.

³³⁾ Имѣется въ виду рассказъ объ Юпитерѣ и Ледѣ.

³⁴⁾ Слова эти относятся къ исторіи Европы, похищенной Юпитеромъ.

³⁵⁾ Здѣсь обращеніе не къ префекту Асклепаду въ частности, который не былъ великимъ понтификомъ, а къ великимъ понтификамъ вообще. Подобный оборотъ видимъ въ ст. 162: cum Luperci curritis.

226. „Зачѣмъ ты, будучи жрецомъ, раздражаешься смѣхомъ, „когда Юпитеръ представляетъ себя мужемъ Алкмены? ³⁶⁾ На „сценѣ распутница, распалая страстью, оплакиваетъ раненнаго Адониса, и тебя не возмущаютъ непотребства чтимой (тобой) Киприды? ³⁷⁾

231. „Да и изъ самыхъ статуй открывається истина, (именно), „когда на бронзѣ обозначаются слѣды преступленій (боговъ). Что „означаетъ постоянно присоединяемое къ изображенію Юпитера „изображеніе птицы—исполнительницы его велѣній? ³⁸⁾ Подлинно, эта птица есть быстрый, вооруженный пособникъ въ распутствѣ, принесшій тиранну ³⁹⁾ предметъ его непотребной „страсти ⁴⁰⁾.

236. „(Вотъ) Церера ⁴¹⁾ въ непоясанной одеждѣ несетъ впереди „себя факель. Зачѣмъ это, когда никто изъ боговъ не похитилъ „(ея) дѣвицу ⁴²⁾, которую мать бодрственно ищетъ, блуждая среди „ночи? (Вотъ) мы видимъ, что Тиринейецъ ⁴³⁾ вертитъ веретена: „зачѣмъ это, если онъ не былъ игрушкою для своей возлюбленной? ⁴⁴⁾

241. „Зачѣмъ я буду указывать на чудовищныя сельскія бо- „жества—на Фавновъ, Пріаповъ ⁴⁵⁾, свирѣльщиковъ ⁴⁶⁾, нимфъ, „плавающихъ въ водахъ и, подобно мягушкамъ, живущихъ въ

³⁶⁾ Имѣется въ виду исторія Юпитера и Алкмены—матери Геркулеса. Ср. примѣч. 32.

³⁷⁾ Киприда одно изъ названій Венеры. Ср. Ovidii: Met. X, 708 и сл.

³⁸⁾ Именно орла.

³⁹⁾ Названіе „тиранна“ усвоено здѣсь Юпитеру вмѣсто названія „властитель“.

⁴⁰⁾ Т. е. Ганимеда.

⁴¹⁾ Церера, по греко-римской мифологіи, богиня земледѣлія; она изображалась несущею факель.

⁴²⁾ Разумѣется Прозерпина, похищенная Плутономъ.

⁴³⁾ Тиринейцемъ названъ здѣсь Геркулесъ, потому что онъ былъ сынъ Алкмены, царицы Тиринея.

⁴⁴⁾ Разумѣется Омфала, царица Лидіи, которой, по опредѣленію Дельфійскаго оракула, долженъ былъ служить Геркулесъ и которая заставила его прясть шерсть.

⁴⁵⁾ Фавиъ—божество стадъ въ древнемъ Римѣ, а Пріапъ—божество садовъ.

⁴⁶⁾ Рѣчь о богѣ Панѣ, который считался изобрѣтателемъ пастушеской свирѣли.

„глубинѣ озеръ, на божественныя существа, обитающія въ ни-
„куда не годныхъ морскихъ поросляхъ?..

246. „Къ почитанію ли сего призываешь ты меня, добрый
„судія (мой)? Можешь ли ты, если разсудокъ въ тебѣ здравъ,
„считать святымъ что либо таковое? Неужели не разрываются
„отъ смѣха твои легкія при видѣ тѣхъ глупостей, которыя из-
„мышляютъ въ бреду пьяныя старухи?

251. „Или, если всякая таинственная пустошь, гдѣ бы она ни
„находилась, должна быть почитаема нами, то ты самъ первый
„начни: почитай вмѣстѣ все священное, что только есть на зем-
„лѣ—боговъ Латинскихъ и боговъ Египетскихъ, тѣхъ, которымъ
„приноситъ жертвы Римъ, и тѣхъ, предъ которыми преклоняется
„Канопъ ⁴⁷⁾.

256. „Ты чтешь Венеру? чтя и обезьяну ⁴⁸⁾. Угодна тебѣ свя-
„щенная змѣя Эскулапія? ⁴⁹⁾ Почему же не угодны крокодилъ,
„ибисъ и собака? Придвинь священный жертвенникъ для порея,
„чествуй горькій лукъ и ѣдкій чеснокъ ⁵⁰⁾.

261. „Дымные лары ⁵¹⁾ умилоствивляются (отъ тебя) ладаномъ,
„а священные овощи отвергаются. Отчего же усвоится ббльшая
„божественность очагамъ, чѣмъ тому, что произошло въ воздѣ-
„ланныхъ садахъ? Если есть божественное начало въ тѣхъ (оча-
„гахъ), то есть и въ пореѣ.

266. „Но—(говорять)—прекрасны бронзовыя изображенія (бо-
„говъ). Могу ли я чего либо добраго желать мастерскимъ Греціи,
„которыя создали боговъ неразумнымъ поколѣніямъ? Щипцы Ми-
„рона, молотъ Поликлета ⁵²⁾,-- вотъ источникъ начало и причина
„вашихъ небожителей.

⁴⁷⁾ Канопъ—городъ въ Египтѣ.

⁴⁸⁾ Разумѣется хвостатая обезьяна (*sercorithescus*), о божескомъ чествованіи которой въ Египтѣ говоритъ сатирикъ Ювеналъ (XV, 4).

⁴⁹⁾ Въ храмѣ Эскулапія на островѣ Тиберинѣ (въ Римѣ) помѣщалась священная змѣя, въ которой видѣли генія сего бога (Эскулапія).

⁵⁰⁾ О чествованіи въ Египтѣ крокодила, ибиса и собаки (Анубиса), а также лука и порея говоритъ тотъ же Ювеналъ (XV, 2—9).

⁵¹⁾ Лары—божества семей—названы здѣсь дымными потому, что помѣщались вблизи очага и подвергались копоти. Ср. Cath. XII, 197.

⁵²⁾ Миронъ и Поликлеть—знаменитые ваятели въ древней Греціи.

271. „Искусство, дѣятельный сѣятель заблужденій, придавая „пзгибы твердой ⁵³⁾ бородѣ Юпитера, изящно обтачивая слегка „пзвивающіеся волосы (на головѣ) и коримбъ ⁵⁴⁾ Либера, снабжая „свирѣпыми змїями грудь Миневры ⁵⁵⁾).

276. „Вложило черный страхъ робкимъ, такъ что они стали „боятся молніи, изваянной изъ бронзы, какъ бы (дѣйствитель- „ной) молніи Громовержца ⁵⁶⁾, трепетать яда шипящей Гор- „гоны ⁵⁷⁾, думать, что юноша ⁵⁸⁾, послѣ триумфовъ въ Индіи, „можетъ, упившись, поразить тирсомъ ⁵⁹⁾).

281. „Затѣмъ, видя Діану ⁶⁰⁾ подпоясанной, боятся лука (сей) „дѣвы—охотницы; если плавкая масса представила лице Герку- „леса морщинистымъ и строгимъ, то думаютъ, что онъ грозитъ „дубиной нечествующимъ его.

286. „А какой страхъ объемлетъ сердца робкихъ, когда (искус- „ство) тонко изобразитъ гнѣвъ Юноны? ⁶¹⁾ Если она, смотря въ „сторону, отвращаетъ лице отъ приносимой жертвы, то мнится, „что камень ⁶²⁾ представляетъ дѣйствительную угрозу.

291. „Я удивляюсь, что не чествуется вами самъ Менторъ, „равно не имѣетъ, ни храма, ни жертвенниковъ Фидій, — (эти)

⁵³⁾ По причинѣ твердости матеріала—металла или камня.

⁵⁴⁾ Коримбомъ (согумбус) назывался вѣнокъ изъ листьевъ и ягодъ плюща, который древніе носили при различныхъ случаяхъ, по который, въ особен-ности, усвоился искусствомъ Либера (Вакху) и его спутникамъ.

⁵⁵⁾ Рѣчь идетъ собственно о панцирѣ Минервы, на передней сторонѣ котораго была изваяваема голова Медузы съ змѣевидными волосами.

⁵⁶⁾ Т. е. Юпитера.

⁵⁷⁾ Горгоны—существа, имѣющія, по греко-римской мифологїи, силу превра-щать смотрящихъ на нихъ въ камень. Медуза, изображеніе которой находилось въ панцирѣ Минервы, была одна изъ Горгонъ.

⁵⁸⁾ Разумѣется Либерь (или Вакхъ), которому поэты и художники усвоили непреходящую юность.

⁵⁹⁾ Тирсъ (thyrsus)—жезль, обвитый плющемъ или виноградными вѣтвями, который носили Вакхъ и вакханки.

⁶⁰⁾ Діана, богиня охоты, была представляема часто искусствомъ, какъ охотница, съ лукомъ и стрѣлами.

⁶¹⁾ Гнѣвность и неукротимый нравъ Юноны достаточно извѣстны изъ греко-римской мифологїи.

⁶²⁾ Т. е. изображеніе богини Юноны, сдѣланное изъ камня.

„создатели боговъ и (какъ бы) отцы вашихъ божествъ ⁶³). Вѣдь,
 „если бы они менѣе дѣятельно работали при горнахъ, то не
 „было бы никакихъ изваяній Юпитера.

296. „Не краснѣешь (отъ стыда) ты, неразумный и погрязшій
 „въ грубости (человѣкъ), что постоянно губилъ столько снѣдей,
 „безразсудно принесенныхъ тобою въ жертву таковымъ боже-
 „ствамъ, которымъ дали бытіе лохани, тазы, ковши, кружки,
 „сломанные и расплавленные сосуды?

301. „Я, впрочемъ, прощаю это невѣжественнымъ прости-
 „цамъ, ибо ихъ пугаетъ разноцвѣтная шерсть, (повѣшенная)
 „на деревѣ ⁶⁴) и часто обманываетъ шарлатанъ; ибо имъ все
 „свято, чего бояться научили въ (своей) болтовнѣ беззубыя
 „старухи.

306. „Я удивляюсь, что вы — образованные и ученые мужи,
 „которые руководятся зрѣло обдуманномъ началомъ жизни, —
 „не вѣдаете существенныхъ особенностей божескаго и человѣ-
 „ческаго, (не вѣдаете), какая Сила сотворила все и управляетъ
 „всѣмъ сотвореннымъ.

311. „(Сила эта есть) Богъ Вѣчный, Которому нѣтъ цѣны; Онъ
 „не объемлется ни мыслию, ни зрѣніемъ; превосходитъ всякое
 „человѣческое разумѣніе, недоступенъ взору (нашему), напол-
 „няетъ и переполняетъ (находящееся) внѣ и внутри.

316. „Не имѣвшій времени уже до начала міра, Онъ Одинъ
 „обладаетъ бытіемъ настоящимъ и прошедшимъ ⁶⁵); Онъ есть
 „Истинный Свѣтъ и Виновникъ Истиннаго Свѣта; будучи Самъ
 „Свѣтъ, Онъ проявилъ Свой Свѣтъ; (сіе) рожденное отъ Свѣта
 „Сіяніе есть Сынъ.

321. „Отецъ и Сынъ имѣютъ Единую Силу; отъ Единаго Свѣта
 „происшедшее Единое Сіяніе возблистало полнымъ свѣтомъ; Мо-

⁶³; Менторъ—знаменитый чеканщикъ, а Фидій—знаменитый скульпторъ и
 ваятель въ древней Греціи.

⁶⁴) Рѣчь о чествованіи въ Римѣ, особенно въ древнія времена, священныхъ
 деревьевъ, нерѣдко увѣшиваемыхъ лентами.

⁶⁵) Въ подлинникѣ: esse et fuisse semper unus obtinet.

„гущъ, простой по природѣ, Единый Богъ и Единая Сила (Его)
„создала все существующее:

326. „Небо, землю, морскую пучину, шары, управляющіе днемъ
„и ночью ⁶⁶⁾, вѣтры, бури, молніи, дожди, облака, созвѣздія ⁶⁷⁾,
„вечернія звѣзды, жаръ, снѣга, иней, металлы, рѣки,

331. „Крутизны, равнины, горныя долины, звѣрей, птицъ, пре-
„смыкающихся, рыбъ, рабочей скотъ, домашнихъ животныхъ, цвѣ-
„ты, кустарники, растенія, травы, деревья, какъ тѣ, которыя
„распространяютъ благоуханіе, такъ и тѣ, которыя служатъ въ
„пищу.

336. „Создалъ (все) это Богъ безъ труда и не при помощи
„искусства, но однимъ велѣніемъ (Своего) могущества: Онъ пове-
„лѣлъ произойти, и произошло то, чего не было прежде; весь
„многообразный міръ Онъ сотворилъ Словомъ, ибо въ Словѣ всегда
„была сила Отчая ⁶⁸⁾.

341. „Самъ Онъ вамъ извѣстенъ; узнайте теперь образъ и спо-
„собъ почитанія Его, (узнайте), какой (у Него) храмъ, какіе дары
„Онъ заповѣдалъ посвящать (Ему), какихъ Онъ требуетъ молитвъ,
„какихъ желаетъ священниковъ, какой нектаръ ⁶⁹⁾ повелѣваетъ
„приносить Ему въ ономъ храмѣ.

346. „Онъ Самъ создалъ Себѣ храмъ въ душѣ человѣка ⁷⁰⁾,—
„(храмъ) живой, свѣтлый, чувствующій, духовный, не уничто-
„жимый и не разрушимый, прекрасный, изящный, возвышенный,
„разнообразно украшенный.

351. „Въ этомъ священномъ храмѣ (Онъ) есть священникъ, а
„входъ (въ оный) охраняетъ двѣ Вѣры; имѣя волосы, перевя-
„занные царственною повязкою ⁷¹⁾, она требуетъ, чтобы прино-

⁶⁶⁾ Разумѣются, очевидно, соляце и луна. Ср. Быт. 1, 16.

⁶⁷⁾ Въ подлинникѣ: septentriones (созвѣздія Большой и Малой Медвѣдцы); частное употреблено здѣсь вмѣсто общаго.

⁶⁸⁾ Ср. Cath. IX, 13—15.

⁶⁹⁾ Ср. примѣч. 13 къ одиннадцатому повседневному гимну.

⁷⁰⁾ Кор. VI, 19: *или не въсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть, еіо же имате отъ Бога*; ср. Дѣян. XVII, 24; 1 Петр. 1 1, 5.

⁷¹⁾ Ср. Prudentii: Psych. 37. 716, гдѣ Вѣра названа прямо „царицею“ (regina).

„симы были жертвы Христу и Отцу такія, какія, какъ ей извѣстно, (Ему) угодны,—(жертвы) простыя, чистыя ⁷²⁾;

356. „Стыдливость чела, невинность сердца, покой мира, чистота тѣла, страхъ къ Богу, руководство вѣденія, трезвое пощение, бодрственная надежда, никогда не отказывающая щедрость.

361. „Отъ сихъ жертвъ поднимается благоуханіе, превосходящее благоуханіе бальзама, ладана, крока, ароматовъ Персіи, и (поднимаясь), восходитъ до самого неба и услаждаетъ умплотивленнаго Бога.

366. Всякій, кто воспрещаетъ это ученіе, будучи ему враждебенъ, (тотъ) воспрещаетъ жить добродѣтельно и поступать свято, воспрещаетъ силѣ ума устремляться горѣ, клонитъ къ землѣ остроту нашей огненной природы и ставитъ препоны истинной мудрости.

371. „О погрязшая въ тинѣ слѣпота язычниковъ! о, плотскія сердца! о, грубое заблужденіе! о, темный родъ людей, преданный трупу ⁷³⁾, всегда смотрящій на то, что (находится) внизу и никогда на то, что (находится) вверху.

376. „Не величайшее ли неистовство и не крайнее ли безуміе,—считать богами тѣхъ, которые происходятъ отъ браковъ, искать духовнаго въ земномъ, чествовать на алтаряхъ предметы матеріальныя, считать создателемъ то, что создано,

381. „Покланяться обтесанному идию ⁷⁴⁾, орошать свиною кровью ⁷⁵⁾ камни, покрытые надписями, святить жертвенники мясомъ быковъ, цѣловать урны съ прахомъ мертвецовъ ⁷⁶⁾, хотя извѣстно, что люди были тѣ, которые (такъ) чествуются?

⁷²⁾ Въ подлинникѣ: candidatas (victimas). Выраженіемъ этимъ обозначается характеръ этихъ безкровныхъ жертвъ въ противоположность кровавымъ жертвамъ язычества.

⁷³⁾ Т. е. тому, что умираетъ, подвергается гніенію и разрушенію.

⁷⁴⁾ Разумѣются деревянныя статуи боговъ, каковыя чтились и при императорахъ.

⁷⁵⁾ Свиныи въ древнемъ Римѣ приносились въ жертву Церерѣ, а равно нѣкоторымъ другимъ божествамъ. Ср. ст. 918.

⁷⁶⁾ Въ древнемъ языческомъ мірѣ цѣловали не только статуи боговъ, но и гробницы усопшихъ людей, потому что похороненные признавались за божественныя существа. По Аревалю, здѣсь разумѣются обоготворенные императоры.

386. „Перестань, мірской судія, требовать отъ мужей доблестныхъ и свободныхъ такого непотребства. Нѣтъ, ничего выше любви къ истинѣ: для чествующихъ Вѣчнаго Бога ничто не страшно; не покорить ихъ и самая смерть“.

391. Доселѣ, при словахъ мученика, Асклепиадъ разгорался внутренно коварнымъ гнѣвомъ; глубоко раздражался онъ, но хранилъ упорное молчаніе и скрывалъ желчь въ тайникахъ сердца; наконецъ, (въ слѣдующихъ словахъ) извергается (имъ) скрываемое доселѣ неистовство:

396. „О, Юпитерь! что я слышу отъ сего? ⁷⁷⁾ Онъ стоитъ среди жертвенниковъ и изображеній боговъ и даже—я долженъ признаться въ этомъ—среди форума, а я молчу; и вотъ сей презрѣнный оканчиваетъ рѣчь, понося священное скверными (своими) устами.

401. „О святыя узаконенія предковъ! о древніе нравы! нашъ вѣкъ посягаетъ на то, что установлено царями Помпиліями ⁷⁸⁾ ради общественнаго блага. Что это за новое заблужденіе, которое породило этихъ софистовъ ⁷⁹⁾, утверждающихъ, что не должны быть почитаемы боги?

406. „Теперь (только), когда уже смѣнилась тысяча консуловъ отъ основанія Рима,—я не буду говорить о Несторахъ ⁸⁰⁾,—появляется у насъ христіанское ученіе. (Но) тѣ, что вновь появляются, никогда не существовало. Хочешь знать о началѣ вещей, (то) посовѣтуйся съ Пиррою ⁸¹⁾.

411. „Гдѣ былъ этотъ вашъ Богъ тогда, когда Ромуль, отрокъ Марсовъ, при покровительствѣ боговъ, созидаль семихолмную

⁷⁷⁾ Т. е. мученика.

⁷⁸⁾ Разумѣется царь Нума Помпилій, организаторъ религіознаго культа въ древнемъ Римѣ, и ему подобныя цари—законодатели.

⁷⁹⁾ Софистами названы здѣсь христіане, можетъ быть, потому, что, подобно древнимъ греческимъ софистамъ, возставали противъ чествованія боговъ политеизма.

⁸⁰⁾ Т. е. о героическихъ и не вполнѣ достовѣрныхъ временахъ. Несторъ—одинъ изъ греческихъ героевъ, участвовавшихъ въ троянской войнѣ.

⁸¹⁾ Пирра—прародительница рода человѣческаго, по греко-римской мифологіи. Ср. Ovidii: Met. I, 395 и слѣд.

„твердыню? ⁸²⁾ Своимъ могуществомъ Римъ, основанный въ добрый часъ, обязанъ Юпитеру Подкрѣпителю и прочимъ богамъ.

416. „Искони было свято и (намъ) отъ предковъ заповѣдано: „умилостивлять ради триумфовъ императоровъ святилица (боговъ), дабы покровительствуемое войско усугубляло славу (императоровъ), а предводители (его), по покореніи враговъ, обудывали успокоенный міръ законами.

421. „Итакъ, кто бы ты ни былъ, негоднѣйшій, или приговорясь, вмѣстѣ съ нами, по заповѣданному, помолиться богамъ ради здравія императора, или—что необходимо долженъ терпѣть врагъ общества—прими вазнь; презирать храмы, значить, ни во что ставить императора“.

426. Тогда тотъ ⁸³⁾ говоритъ: „Никогда я не буду о здравіи императора и о величайшихъ и доблестнѣйшихъ войскахъ (его) молиться иначе, какъ (прося), чтобы они вѣрно воинствовали ⁸⁴⁾ и чтобы крещеніемъ Христовымъ сдѣлались вновь чадами Отца (Небеснаго) и дабы пріяли съ неба Утѣшителя,

431. „Чтобы отвергли тьму идольскую, чтобы узрѣли оный свѣтъ вѣчной надежды, не воспріемлемый плотскимъ взоромъ и не проникающій сквозь окна тѣлесныя ⁸⁵⁾, но сіяющій внутренно чистымъ душамъ.

436. „Грубое око плоти видитъ (лишь) грубое, тлѣнное зрѣть (лишь) то, что разрушается; видѣть же духовное способна лишь „духовная сила; только одна огненная природа (ея) пріемлетъ блистающую силу огненнѣйшаго Божества ⁸⁶⁾.

⁸²⁾ Т. е. городъ Римъ.

⁸³⁾ Т. е. мученикъ Романъ.

⁸⁴⁾ Ближайшимъ образомъ слова эти относятся къ той вѣрности званію, которую обязуются соблюдать воины, и которую возбуждать стараются полководцы въ особенности предъ битвами. Но можно, также, думать, что здѣсь имѣется въ виду исполненіе того, чего требуетъ вѣра Христова (*fides Christiana*), вслѣдствіе которой христіане посягъ имя вѣрующихъ (*fideles*; ср. *Per. 11, 448; V, 334*).

⁸⁵⁾ Т. е. глаза.

⁸⁶⁾ Выраженіе „огненная природа“ (*fervens natura*) указываетъ на духовность души человѣческой, а выраженіе „огненнѣйшаго божества“ (*ferventissimae divinitatis*) на духовную сущность Божества.

441. „Желаю, чтобы этотъ свѣтъ узналъ императоръ твой и
„мой, если онъ захочетъ быть моимъ; ибо противясь христіан-
„скому имени, онъ не будетъ моимъ; повѣрь: я никогда не стану
„служить повелѣвающему злодѣянію“.

446. „Слуги! что же вы стоите?“—съ воплемъ говоритъ судія—
„что же вы стоите, что же бездѣйствуютъ руки ваши, которыя
„должны отмщать? что же вы не терзаете тѣло (сего), не нано-
„сите ранъ? что же вы не открываете сокрытую внутри душу
„(сего), изъ которой вырываются столь нечестивыя рѣчи противъ
„императора?

П. Цвѣтковъ.

(Продолженіе будетъ).

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

XLI.

Какой смыслъ заключается въ томъ положеніи Платона, что для приобрѣтенія твердаго знанія чувственный опытъ недостаточенъ?—О значеніи искусственныхъ способовъ измѣренія разныхъ величинъ.—Понятіе Платона о матеріи.—Какъ происходитъ и чѣмъ условливается познаніе по теоріи Лааса?—Отрицательный характеръ сенсуализма.—Соотносительность двухъ элементовъ нашего сознанія: *я* и *не я*.—Какъ согласить вѣру въ бытіе внѣшняго міра съ относительностію, свойственною нашему познанію?—Происхожденіе этой вѣры по теоріи Лааса и критика этой теоріи.—Главный мотивъ позитивизма—стремленіе устранить метафизику.—Возможно-ли ограничиться констатированіемъ фактовъ нашего сознанія, какъ того требуетъ позитивизмъ?—Сенсуализмъ и позитивизмъ.—Можно-ли признать вѣрнымъ взглядъ Лааса на платонизмъ?

Что опытъ представляетъ повсюду многочисленныя и разнообразныя примѣры измѣнчивости вещей, это безспорно. Но слѣдуетъ-ли полагать на этомъ основаніи вмѣстѣ съ Платономъ, что чувственный опытъ не можетъ намъ дать прочнаго и вполнѣ надежнаго знанія и что такое знаніе возможно лишь при существованіи идей высоко стоящихъ надъ течучестью вещей и неподверженныхъ никакимъ перемѣнамъ? „Какъ ни измѣнчивы и безсвязны первичныя грубыя факты сознанія, однако удалось стать твердою ногою въ ихъ потокѣ и привести ихъ въ порядокъ, что было возможно по причинѣ прежде всего первенства, качественного превосходства,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 16.

а въ началѣ и количественнаго перевѣса наблюденій надъ всѣми выведенными изъ нихъ представленіями, наблюденій нормальныхъ надъ галлюцинаціями: наблюденія служатъ первоначально основою для всѣхъ представлений; нормальныя наблюденія скоро вытѣсняють всякіе недосмотры... Міръ возможныхъ наблюденій, несмотря на переменны, представляетъ столько постоянства, что пробудившееся сознание довольно имѣетъ времени приготовиться шагъ за шагомъ къ теоретическому и практическому овладѣнію измѣняемымъ, причемъ то, что повторяется, отпечатлѣвается сильнѣе, а что не повторяется то легко забывается. Конечно наблюденія относительны, но есть отношенія постоянныя и всеобщія, да и тѣ, которыя измѣняются какъ сами, такъ и содержащееся въ нихъ, могутъ быть сведены къ отношеніямъ наиболѣе общимъ“.

„Конечно вульгарный образъ міра представляетъ собою не болѣе какъ агрегатъ отрывочныхъ, отчасти недостаточно выполненныхъ, отчасти съ разныхъ точекъ принятыхъ и неприведенныхъ къ согласію эскизовъ, дополненныхъ несоотвѣтствующими дѣйствительности то вновь образованными, то усвоенными по преданію представленіями подобныхъ возможныхъ наблюденій; однако нигдѣ такой образъ не производитъ впечатлѣнія хаотической спутанности, такъ чтобы для научнаго стремленія къ постоянному нужны были сверхчувственные идеи; напротивъ въ абсолютномъ или относительномъ продолженіи нѣкоторыхъ основныхъ свойствъ и отношеній обнаруживаетъ достаточную степень постоянства... въ самыхъ переменнахъ находимъ постоянство и тожество ¹⁾).

Если Лаасъ полагаетъ, что этими его замѣчаніями опровергается разсужденіе Платона о недостаточности чувственнаго опыта, то онъ сильно заблуждается. Онъ или не хочетъ, или не можетъ понять совершенно ясную, и должно сказать, безспорную мысль Платона. Мысль эта такова: посредствомъ чувствъ мы воспринимаемъ лишь одну, именно измѣчивую, текучую сторону въ бытіи вещей, а потому, еслибы положеніе Протагора было вѣрно, еслибы въ познаніи душа не

¹⁾ Dritter Theil. s. 15—19.

сообщалась съ бытіемъ вещей иначе какъ только чрезъ чувства, тогда и наше познаніе было-бы столь-же неустойчивымъ измѣнчивымъ, непрерывно текущимъ, каково существованіе вещей, воспринимаемое чрезъ чувства. Но какъ въ бытіи вещей сверхъ текучаго, измѣнчиваго начала есть начало неизмѣнное, всегда остающееся себѣ равнымъ, то, соотвѣтственно этому, и въ нашемъ познаніи, кромѣ чувственнаго наблюденія, есть такіе элементы, которые душа сама изъ себя заимствуетъ и которые именно и дѣлаютъ наше познаніе устойчивымъ, твердымъ, ибо, подобно тому какъ въ дѣйствительности познаваемой отражаются идеи, и отпечатки ихъ полагаютъ предѣлъ текучести, такъ и душа сама въ себѣ имѣетъ подобія идей,—то есть понятія, посредствомъ которыхъ она и познаетъ неизмѣнный порядокъ вещей и даже входитъ въ соприкосновеніе съ вѣчнымъ бытіемъ идей. непонятно, какимъ образомъ можетъ служить опроверженіемъ этихъ положеній Платона простое указаніе на то, что опытъ достаточно имѣетъ въ себѣ постоянства и правильности, и что поэтому ничего болѣе, кромѣ чувственного опыта, не требуется для приобрѣтенія твердости какъ въ обсужденіи того, что есть, такъ и въ предвѣдѣніи того, что можетъ быть. Вопросъ весь заключается въ томъ, какъ понимать самый опытъ, а этого и не разъясняетъ Лаасъ. Если разумѣть подъ опытомъ не одни только чувственные воспріятія или ощущенія, получаемыя чрезъ внѣшнія чувства, но также и умственные операціи, хотя-бы и связанныя съ ними неразрывно, тѣмъ не менѣе различныя отъ нихъ, тогда конечно слѣдуетъ признать опытъ достаточнымъ для произведенія всего того, что усвоетъ ему Лаасъ. Но при такомъ широкомъ пониманіи чувственного опыта и положеніе Протагора получаетъ уже иной смыслъ, смыслъ такой, при которомъ и Платонъ могъ-бы признать это положеніе. Однако слѣдуетъ-ли чувственный опытъ понимать въ такомъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ очевидно разумѣетъ его Лаасъ? Столь широкое значеніе можно придавать чувственному опыту лишь пока говорится объ этомъ опытѣ такъ неопредѣленно, какъ это мы видимъ у Лааса. Впрочемъ, самъ онъ далѣе разъясняетъ ка-

кимъ образомъ, неопредѣленныя сами по себѣ, величины получаютъ для насъ точную опредѣленность чрезъ установленіе и примѣненіе къ нимъ точной мѣры. „Въ высшей степени любопытно, говоритъ онъ, какъ факты подчиняются господству мѣры. При точныхъ измѣреніяхъ нужны видимыя скалы, а въ основаніи всякихъ скалъ лежитъ предположеніе по возможности равнаго линейнаго раздѣленія, для чего необходимо столь-же равномѣрное измѣреніе. Но что-бы ни взять за единицу измѣренія,—палецъ ручной, ширину-ли ладони, подошву-ли ноги, руку, шагъ,—всѣ такія единицы, удобныя по всегдашнему нахожденію при насъ, столь различны у людей, что для общаго долговременнаго употребленія просто не годятся. Для замкнутой группы, для города, государства, можетъ служить масштабомъ произвольная длина, но не говоря о томъ, что этимъ затрудняются внѣшнія сношенія, избранная длина должна быть утверждена, а всякое тѣло подвержено вывѣтриванію и инымъ разрушительнымъ вліяніямъ, притомъ же отъ теплоты измѣняется величина тѣла,—и не для всѣхъ тѣлъ одинаково. Что-же дѣлаетъ наука? Чтобы получить мѣру длины, годную для всѣхъ и во всякое время, за исходный пунктъ взяли тѣло всѣмъ одинаково близкое и знакомое, которому свойственна наибольшая сравнительно неизмѣняемость,—такова земля,—и положивъ въ основаніе расчета объемъ этого тѣла, вычисленный французскою комиссіею въ концѣ прошлаго столѣтія, наименовали десятиллионную часть четверти этого круга—*метромъ*. А чтобы сдѣлать образцовый метръ, и такимъ образомъ закрѣпить утвержденную единицу мѣры, воспользовались для этого платиною, какъ тѣломъ имѣющимъ наименѣе сродства съ кислородомъ. При этомъ платиновый пруть уравниень былъ съ величиною метра при такой температурѣ, при которой, подъ нормальнымъ давленіемъ воздуха, замерзаетъ вода, а чрезъ то получилось основаніе для измѣренія иныхъ температуръ и давленій воздуха.—Тяжесть составляетъ мѣру для всѣхъ другихъ силъ природы доступныхъ точному измѣренію (какъ наименѣе различная въ различныхъ странахъ земли), а единицею тяжести считается граммъ,—величина равная кубическому сантиметру воды въ состояніи

наибольшей плотности (т. е. при 4-хъ град. Цельсія). Для измѣренія-же тяжести еще Архимедъ изобрѣлъ вѣсы; найдено также средство для точнаго измѣренія времени“...¹⁾). Можно-ли указать лучшее подтвержденіе выводовъ Платона относительно познанія, какъ эти примѣры долженствующіе показать, что измѣняемость вещей не исключаетъ правильности и постоянства отношеній въ самихъ перемѣнахъ? Не изъясняются-ли эти примѣры наилучшимъ образомъ съ точки зрѣнія Платона? Развѣ нельзя сказать въ духѣ философіи Платона, что человекъ потому только не довольствуется находимыми въ природѣ единицами измѣренія всякихъ величинъ, что имѣетъ въ самомъ себѣ *идею* вполне точной и опредѣленной мѣры, и чтобы по возможности приблизиться къ этой идеѣ, создаетъ искусственныя мѣры? Не очевидно-ли, что человѣческій умъ обладаетъ нормативными понятіями, съ которыми онъ и соизмѣряетъ по возможности предметы даинные въ дѣйствительности? „Какъ-бы, далеко говоритъ Лаасъ, ни простиралась точность научныхъ мѣроопредѣленій, мы должны довольствоваться въ безчисленномъ множествѣ случаевъ опредѣленіями только приблизительно вѣрными“. А что служить нормою, опредѣляющею большую или меньшую близость къ ней измѣреній, какъ не идеальныя понятія человека о точности въ опредѣленіяхъ величинъ? Д. С. Милль въ своей Логикѣ говоритъ, что геометрическія формы, какъ мы ихъ представляемъ, не существуютъ въ дѣйствительности, и отсюда выводитъ заключеніе, что геометрическія понятія не реальны. Заключеніе это можетъ быть допущено единственно въ томъ смыслѣ, что геометрическія представленія, въ томъ видѣ, какъ мы ихъ мыслимъ, возвышаются надъ дѣйствительностію логическими своими совершенствами, — точностію и опредѣленностію, и насколько возвышаются надъ соотвѣтствующими имъ элементами дѣйствительности, они конечно должны быть признаны идеальными, въ отличіе отъ представленій реальныхъ, т. е. тѣхъ, которые прямо сообщаются непосредственнымъ наблюденіемъ. Но кто скажетъ, что геометрическія представленія и опредѣленія не имѣютъ зна-

¹⁾ Ibid. стр. 20—21.

ченія для познанія вещей? Не очевидно-ли напротивъ, что они составляютъ элементы, необходимо участвующіе въ познаніи реальныхъ предметовъ, и въ этомъ смыслѣ должны быть признаны вполне реальными?— „Примѣры измѣренія разныхъ величинъ (пространства, времени, тяжести, тепла, холода) показываютъ какъ наука справляется съ разностями и отношеніями въ области наблюдаемаго. Въ сущности такъ-же какъ и разсудокъ обыкновеннаго практика. Отношенія постоянныя, каковы отношенія къ нашимъ пяти чувствамъ, не требуютъ особаго къ себѣ вниманія; тѣ, которыя могутъ быть исключены, какъ напр. давленіе воздуха, предварительно исключаются, а что касается отношеній измѣнчивыхъ, то если только извѣстно правило и законъ переменны, прибѣгають къ помощи сокращенія, состоящаго въ томъ, что перемену, имѣющую какое-либо преимущество, или-же произвольно взятую, полагають въ основаніе, въ качествѣ *нормальной*, а всѣ прочія въ случаѣ надобности возводятъ къ ней. Главная задача состоитъ въ томъ, чтобы непостоянныя,—необозримыя и непредставляющія общаго интереса отношенія къ отдѣльнымъ *субъектамъ*,—переложить на простѣйшія болѣе равномерныя, для всѣхъ пригодныя и удобно-опредѣлимыя (*allgemein constatabaren*) отношенія къ тождественнымъ или эквивалентнымъ *объектамъ*. Такъ время мы измѣряемъ не въ отношеніи къ нашему теченію представленій, а посредствомъ часовъ (т. е. не чрезъ *субъективную*, неопредѣленную мѣру, а чрезъ устойчивую, *объективную* мѣру“). „Во всѣхъ такихъ операціяхъ наука точнѣе, чѣмъ обычная практика жизни. Какъ-бы впрочемъ ни была велика точность научныхъ измѣреній, въ безчисленныхъ случаяхъ приходится довольствоваться лишь приближительною ихъ вѣрностію. Но важно то, что наблюдаемая дѣйствительность сама чрезъ то не дѣлается неопредѣленною; въ каждомъ данномъ моментѣ, и для cadaго даннаго индивидуума, она есть то, что есть,—твердое, опредѣленное, независимое отъ того, какъ мы въ состояніи измѣрить и обозначить оную,—совершенно или несовершенно. И хотя относительность объектовъ наблюденія нельзя устранить, однако наука, шагъ за шагомъ, все болѣе утверждаетъ въ томъ предположеніи, что во а) измѣнчивыя отношенія являются

спутниками законѣрныхъ перемѣнъ и что во б) всѣ индивидуальныя виды пониманія (Auffassungsarten) могутъ быть сведены къ одному тождественному съ собою, вполне определенному и въ себѣ самомъ законосообразному способу представленія,—каково напр. представленіе атомовъ, составляющее впрочемъ лишь послѣднее убѣжище, изъ котораго они всѣ, за вычетомъ какихъ-либо особенностей организаціи, должны быть выводимы“. Странно, что эти свои соображенія Лаасъ направляетъ противъ Платона. „Платону, говоритъ онъ, казалась нелѣпою и невозможною мысль научно овладѣть непрерывно текущимъ бытіемъ міра. Онъ охотнѣе предавался занятію такими предметами знанія, которые никакого отношенія не имѣютъ къ *движенію*, составляющему главный предметъ науки о внѣшней природѣ. Онъ не предчувствовалъ и не могъ предчувствовать, что этимъ страшно текущимъ предметомъ нѣкогда овладѣетъ математика“¹⁾. Говоря это, Лаасъ или забылъ, или недостаточно взвѣсилъ то, что уже Гераклитъ, которому принадлежитъ и самая мысль о текучести вещей, училъ о законѣрности и правильности всяческихъ измѣненій, и что именно эта идея о повсюдной законѣрности всего происходящаго въ природѣ составляетъ главное содержаніе его философіи. Еще яснѣе, а главное полнѣе, эта мысль развита у Платона, который, слѣдуя пифагорейской философіи, училъ, что во всемъ и повсюду есть определенная мѣра и число. Весь Тимей Платона представляетъ раскрытіе той мысли, что матеріальная природа, и въ своемъ устройствѣ и въ перемѣнахъ свойственныхъ ей, являетъ математически точную правильность и законѣрность. Какъ-же послѣ этого могъ сказать Лаасъ, что Платонъ даже не могъ предчувствовать о математически точномъ познаніи движенія, какъ главнаго предмета науки о природѣ? Въ особенности удивительнымъ представляется это заключеніе Лааса послѣ того, что самъ-же онъ призналъ, какъ мы видѣли, однимъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ платонизма увлеченіе математическимъ познаніемъ. Одно лишь можно сказать для уясненія изложенныхъ соображеній Лааса противъ

¹⁾ Ibid. 23—25.

платонизма, — именно, что Платонъ, хотя и усматривалъ повсюду въ матеріальной природѣ господство мѣры и числа, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно раздѣляетъ число и мѣру отъ матеріи, какъ особое начало, причемъ матерію, взятую въ самой себѣ, онъ признавалъ чѣмъ-то вполне неопредѣленнымъ, текучимъ, безформеннымъ, даже недоступнымъ познанію, такъ какъ о существованіи ея мы знаемъ лишь при помощи нѣкотораго особаго умозаключенія. Повидимому этотъ именно взглядъ Платона на матерію имѣлъ въ виду Лаасъ, указывая на установленные наукою способы точнѣйшаго измѣренія и опредѣленія отношеній и перемѣвъ свойственныхъ матеріальной природѣ. Однако, если взять во вниманіе то представленіе, къ которому, какъ говоритъ Лаасъ, сводятся всѣ иныя представленія о матеріальной природѣ, и изъ котораго они должны быть выводимы, — именно представленіе объ атомахъ, то оказывается, что взглядъ Платона на матерію пожалуй оправдывается этимъ представленіемъ. Всѣ попытки къ точнѣйшему установленію понятія объ атомахъ, какъ извѣстно, приводятъ къ тому заключенію, что атомы необходимо мыслить какъ непротяженные, слѣдовательно, *нематеріальные* пункты (центры силъ). Это значитъ, что какъ только мы попытаемся довести до наибольшей точности и опредѣленности мысль объ основныхъ элементахъ матеріи, то при этомъ сама матерія неминуемо улетучивается, т. е. оказывается совершенно неуловимою и неопредѣлимою для мысли. И это именно, а не что либо иное, Платонъ выражаетъ въ томъ положеніи, что матерія есть нѣчто неопредѣленное, измѣнчивое, неимѣющее вида и т. д. Что касается наконецъ того, что Платонъ съ наибольшимъ вниманіемъ занимался изслѣдованіемъ предметовъ, составляющихъ область отдѣльную отъ природы физической, именно относящихся къ области нравственной жизни и дѣятельности, то на это были особыя причины въ условіяхъ того времени, на что впрочемъ выше указано. Именно по условіямъ того времени, выдвинувшимъ на первый планъ вопросы о благѣ и добродѣтели, а никакъ не вслѣдствіе идеалистически высокоумныхъ взглядовъ Платона на природу физическую, умъ его былъ занятъ изслѣдованіемъ по преимуществу этическихъ вопросовъ.

Итакъ вотъ тезисъ, съ которымъ Лаасъ выступилъ прежде всего противъ платонизма, или что то же, идеализма. Мнѣніе Платона, что чувственный міръ вещей, по причинѣ своей измѣнчивости, для насъ непознаваемъ, должно быть отвергнуто какъ несообразное съ самимъ характеромъ современной науки, достигшей наибольшаго совершенства въ той именно области, которая Платону казалась, если не вовсе непознаваемою, то наименѣе познаваемою. Но изъ предыдущаго видно, что для Платона главный вопросъ заключался не въ томъ, что познаваемо болѣе и что—менѣе, а въ томъ прежде всего, какъ должно понимать самое знаніе, какъ происходитъ и въ чемъ оно состоитъ, изъ какихъ элементовъ образуется. Какъ разрѣшаются эти вопросы позитивизмомъ? Объ этомъ мы находимъ у Лааса лишь крайне неопредѣленные указанія, достаточныя лишь для того, чтобы видѣть до какой степени позитивизмъ бѣденъ положительнымъ содержаніемъ, и какъ мало онъ оправдываетъ свое названіе, если разсматривать его именно со стороны положительной, а не отрицательной. „Какими средствами, спрашиваетъ Лаасъ, достигается для нашего сознанія продолжающееся ознакомленіе (*Orientirung*) съ міромъ внѣшняго и внутренняго опыта,—и такъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ: на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить факты (*Thatsachen*), а затѣмъ выступаютъ прежде всего двѣ силы—память и потребность (*Bedürfniss*).—Еслибы у насъ не было способности при подобныхъ, т. е. отчасти равныхъ, представленіяхъ припоминать подобныя, еслибы, вслѣдствіе этого, при самомъ воспріятіи нѣкоторой части міра, сами собою не вспоминались другія части, въ нѣкоторой мѣрѣ имъ тождественныя, образуя различные ряды (ассоціаціи), и еслибы эти процессы въ отношеніи къ наблюдаемому уже въ началѣ нашей жизни до такой степени часто не повторялись, то конечно міросозерцаніе (*Weltbild*) дѣтскаго и народнаго сознанія, служащее исходнымъ пунктомъ и основаніемъ всей научной работы, такъ плотно не сложилось-бы“. Какой идеалистъ когда-либо отрицалъ эту очевидную для всякаго истину? Но еще не все сказано.—Надъ этимъ міросозерцаніемъ, продолжаетъ Лаасъ, работаетъ далѣе влеченіе (*der Trieb*), замѣтно участвующее уже въ самомъ образо-

ваии его, и состоящее въ хотѣннн знать напередъ чего слѣдуетъ ожидать отъ каждаго даннаго положенія, какъ оно представляется напему сознанию. Такъ постепенно развиваются отъ каждой перемѣны (Erfolg), подъ влнннемъ нужды, все далѣе увлекающей, всѣ большія и малыя, мало по-малу достигающія все большей широты и утонченности, усилюя всякнй предметъ лучше разсмотрѣть и ощупать, а постоянно возобновляющіяся сочетанія, какъ можно точнѣе, выдѣлнть и утверднть, чтобы вѣрнѣе можно было подчнннть своей власти будущее. Это то и есть то влеченне, которое обозначается, характеризующнмъ познтивнзмъ, нзреченнемъ: *видѣть для того чтобы предвндѣть* (voir pour prévoir)¹⁾. И здѣсь пока ничего такого нѣтъ, нзъ за-чего стоило-бы объявлять войну идеализму, ибо никто нзъ идеалистовъ не отрицалъ того, что сверхъ познавательной, есть у насъ способность желательная, и что, по причинѣ единства души, обѣ способности дѣйствуютъ совместно и нераздѣльно, — только съ преобладаннемъ той или другой какъ въ области теоретической, такъ и въ области практической. Но вотъ, наконецъ, это уже несомнѣнно *эволюцнн* познтивнзма: „То-же самое побужденне (вндѣть, дабы предвндѣть), читаемъ далѣе, участвуетъ и въ томъ, что ряды явленнй раздѣляются на первоначальныя и зависимыя, на фнзическня и психическня, а также и въ томъ, что нзъ данныхъ пяти чувствъ (включая въ число этихъ данныхъ и собственное тѣло) создается искусствнннымъ образомъ (architektonisch) мнръ благоустроеннаго чрезъ абсолютное пространство распредѣленнаго ощущаемаго содержанія. Означенная потребность слагается нзъ этого соединеннаго содержанія вещи и понятія. И та-же потребность руководнть насъ въ критическомъ пользованнн сообщеннями другихъ; она научаетъ все тоньше и тоньше различать наблюдаемое, далѣе и далѣе анализировать и образовывать сочетанія болѣе и болѣе крѣпкня, неподдающіяся разложению. Подъ воздѣйствиемъ ея навнкншнй практикъ опыты возводнть въ правила, а наука для всего происходящаго въ области фнзической и психической, — причемъ каждую отдѣльно

¹⁾ III, 32 и д.

береть, либо обѣ вмѣстѣ, начинаетъ устанавливать законы, то прямо, то со включеніемъ вспомогательныхъ цѣлесообразныхъ представленій,—законы сосуществованія и послѣдованія, которые она затѣмъ такъ систематизируетъ, что законы сложныхъ процессовъ выводятся изъ законовъ отдѣльныхъ элементовъ, а частные законы рассматриваются какъ законы болѣе общихъ; вездѣ наука усиливается качественное такъ разложить на количественное или приурочить къ нему, чтобы были возможны точныя опредѣленія допускающія предусмотрительное ихъ вычисленіе“.

Выше мы наименовали эти положенія *эволюціями*. На самомъ-же дѣлѣ нѣтъ болѣе очевиднаго опроверженія доктрины позитивизма объ эволюціи, какъ эти именно положенія. Положенія эти ясно показываютъ, что сенсуализмъ не въ состояніи ни одной іоты прибавить къ тому, что имъ всегда утверждалось, начиная съ самаго его появленія. Гѣ дополненія новѣйшаго времени, на которыя Лаасъ указываетъ въ историческомъ обзорѣнн сенсуализма, хотя нѣсколько смягчаютъ первобытную его грубость, однако не измѣняютъ существа дѣла. Поэтому каковъ-бы ни былъ успѣхъ сенсуализма, отъ этого онъ не сдѣлается болѣе убѣдительнымъ. Правда, Лаасъ въ постоянствѣ и неизмѣняемости сенсуализма видитъ особое его преимущество предъ идеализмомъ; въ такомъ случаѣ сенсуализмъ есть исключеніе изъ закона эволюціи, который такимъ образомъ не есть законъ всеобщій, какъ полагаетъ позитивизмъ. Нельзя однако-же забыть и того утвержденія Лааса, что сенсуализмъ былъ будто-бы задержанъ въ своемъ развитіи торжествомъ платонизма. Въ виду этого утвержденія постоянство сенсуализма уже не есть болѣе достоинство, а недостатокъ; оно—слѣдствіе остановки развитія сенсуализма. Съ другой стороны, если когда, то казалось-бы теперь, все благопріятствуетъ дальнѣйшему развитію сенсуализма. Отчего-же мы не видимъ этого развитія? Вопросъ этотъ рѣшается просто тѣмъ, что сенсуализмъ—доктрина преимущественно отрицательная; положительная его сторона представляетъ собою *minimum*, далѣе котораго отрицаніе не можетъ идти; все можно отнять у человѣка (конечно въ теоріи), но нельзя-же лишить его пяти чувствъ,

которыми и животныя надѣлены. Позитивизмъ ими и довольствуется; позитивизмъ полагаетъ, что изъ нихъ произрастаетъ вся духовная жизнь человѣка. Не то же-ли самое утверждалъ и Протагоръ, но Протагоръ еще не могъ отчетливо сознавать, какъ велика отрицательная сила, заключающаяся въ его утвержденіи, ибо онъ еще не имѣлъ позади себя того обилія и многообразія плодовъ духовной жизни, которое теперь ясно и рѣшительно ниспровергается сенсуализмомъ.

Но быть можетъ новѣйшее развитіе науки и философіи дало такія доказательства въ пользу сенсуалистической доктрины, какихъ не имѣлось прежде, и не въ этомъ-ли слѣдуетъ полагать дальнѣйшее развитіе сенсуализма, чѣмъ оправдывалось-бы и новое названіе его—*позитивизмъ*?

Выше сказано, что условіями ознакомленія съ міромъ внѣшнимъ и внутреннимъ по Лаасу служатъ съ одной стороны факты, а съ другой память и нужда. Очевидно, что факты составляютъ объективную сторону въ познаніи, а память и нужда—субъективную сторону. Черезъ посредство внѣшнихъ чувствъ происходитъ постоянное взаимодѣйствіе внутренняго міра аффективныхъ состояній съ внѣшнимъ міромъ предметовъ и явленій представляемыхъ. Вотъ почему позитивизмъ въ основу человѣческаго сознанія полагаетъ воспріятія внѣшнихъ чувствъ. Такъ какъ воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній не обходится безъ сопровождающихъ ихъ внутреннихъ аффективныхъ состояній, то и вообще въ нашемъ сознаніи *міросознаніе* и *самосознаніе* не раздѣльны одно съ другимъ, какъ различныя стороны одного жизненнаго процесса. Поэтому объ эти стороны сознанія надлежитъ разсматривать какъ взаимно соотносительныя и не возвышать одну въ ущербъ другой. „Ничто, говоритъ Лаасъ, не произвело такой путаницы уже въ первыхъ начаткахъ теоріи познанія какъ то, что Декартъ въ извѣстномъ своемъ положеніи: *cogito, ergo sum* выдвинулъ мыслящую субстанцію, субстанціального духа, вмѣсто эмпирическаго (феноменального) я, и такимъ образомъ возвеличилъ я на счетъ *не я*, самосознаніе въ ущербъ міросознанію. Какъ будто духъ присутствуетъ въ сознаніи въ видѣ субстанціи и какъ будто я съ большимъ постоянствомъ пребываетъ, и болѣе устойчиво чѣмъ цен-

тральные элементы *не я*, каковы, напримѣръ, постоянно испытываемыя нашею кожею ощущенія прикосновенія и давленія. Вѣдь наше *я* и происходитъ и существуетъ только какъ противоположность въ отношеніи *не я*, а равно и послѣднее только параллельно возрастанію нашего *я* все болѣе вырабатывается изъ содержанія ощущеній.

Итакъ основной принципъ позитивизма—соотносительность нашего *я* и противостоящаго ему *не я*, соотносительность, вслѣдствіе которой позитивизмъ признаетъ тщетными всякія попытки разсмотрѣть и опредѣлить, что такое *я*, а также *не я* въ самомъ себѣ, безотносительно,—и этого мало: не только *изъясненіе* безотносительнаго бытія, но и такое *бытіе* ихъ признается невозможнымъ: *я* не иначе существуетъ какъ только въ отношеніи и чрезъ отношеніе къ *не я* и наоборотъ: *не я* существуетъ только чрезъ *я*, лишь въ отношеніи къ *не я*. На этомъ основаніи позитивизмъ такъ характеризуется у Лааса: позитивизмъ держитъ средину между идеалистическимъ отрицаніемъ матеріальнаго міра, состоящимъ въ томъ, что все бытіе ограничивается одними лишь представленіями, и наивною вѣрою въ бытіе предметовъ отдѣльныхъ отъ нашихъ представленій. Онъ придаетъ важное основоположное значеніе различію между субъективнымъ состояніемъ и самимъ содержаніемъ ощущеній. Послѣднее—объективно, не по причинѣ соединенной съ нимъ вѣры въ бытіе внѣшняго міра, а только по причинѣ *внутренняго* различія ощущеній, по ихъ содержанію, отъ сопровождающихъ ихъ субъективныхъ состояній, и не въ трансцендентномъ смыслѣ (т. е. въ смыслѣ такого существованія, которое отдѣльно отъ самого субъекта), ибо отношеніе къ воспріимлющему субъекту, не смотря на указанное различіе, остается. Позитивистъ ничего иного не видитъ въ мірѣ кромѣ возможностей и дѣйствительностей ощущенія или наблюденія,—и эта совокупность возможностей и дѣйствительностей ощущенія для каждаго чувствующаго существа столь долго и въ такой мѣрѣ существуетъ, насколько и пока само оно существуетъ. Совокупность возможныхъ ощущеній для меня не таже, что и для другого, но всѣ такія совокупности закономѣрно согласуются между собою. И всѣ они указываютъ

на идеальный образец (Idealgebilde), который, находясь позади всѣхъ случайныхъ отношеній, можетъ быть обозначенъ какъ объектъ для сознанія вообще. Этотъ объективный міръ есть вездѣприсущій предметъ для всѣхъ чувствующихъ существъ, какъ-бы различно имъ не представлялся. Въ другомъ мѣстѣ Лаасъ этотъ объективный міръ, общій для всѣхъ чувствующихъ существъ, опредѣляетъ „какъ результатъ, къ которому приводитъ насъ анализъ непосредственно даннаго, производимый по руководству сначала практическихъ, а потомъ научныхъ мотивовъ“ ¹⁾. Очевидно, такъ какъ отношеніе къ сознанію составляетъ необходимую принадлежность объективнаго міра, то, вмѣстѣ съ измѣненіемъ сознанія, подлежитъ также измѣненію и его міръ объектовъ: чѣмъ болѣе сознаніе, чрезъ отвлеченіе, освобождается отъ всякихъ случайныхъ, чисто индивидуальныхъ отношеній, тѣмъ болѣе и міръ объективный становится общимъ, становится идеальнымъ предметомъ не индивидуальнаго сознанія, но сознанія вообще. Однако не слѣдуетъ поэтому сознаніе возвышать надъ міромъ, ибо, вмѣсто односторонней зависимости міра отъ сознанія, на самомъ дѣлѣ существуетъ обоюдная зависимость или обусловленность того и другого. „Какъ и объективный міръ, я не есть трансцендентная субстанція, но есть и продолжается въ каждомъ данномъ моментѣ только чрезъ дѣйствительныя и возможныя связи *hic et nunc*, и наличныя, и ранѣе пережитыя и впередъ могущія быть пережитыми. Если, какъ показалъ Декартъ, я утверждаетъ себя среди сомнѣнія, то вѣдь и міръ, какъ совокупность дѣйствительныхъ и возможныхъ ощущеній, никогда не можетъ быть вытѣсненъ совершенно изъ сознанія. Скажутъ, что это возрѣніе, ограничивая міръ представленіями, которыя ничего не представляютъ, чрезъ то дѣлаетъ невозможнымъ познаніе; ибо немислимо познаніе безъ объекта, который былъ-бы для нашихъ представленій оригиналомъ, нормою и масштабомъ. Но не говоря уже о невозможности познать существующее въ себѣ, или отрѣшиться объектъ познанія отъ мыслящаго представляющаго субъекта, — и безъ того довольно

¹⁾ III, 45 и д.

еще остается мѣста для различенія оригинала отъ изображенія. Наблюденіе и наблюдаемость—оригиналь, а воспоминаніе и предвареніе или предусмотрѣніе (*Anticipation*) есть представленіе. Неудобство происходитъ отъ идеалистическаго примѣненія слова — *представленіе* или *идея* ко всѣмъ объектамъ сознанія. Если-же различать дѣйствительныя представленія отъ первоначальныхъ фактовъ наблюденія, то все будетъ въ порядкѣ.

Какъ-же теперь объяснить увѣренность въ такомъ бытіи объектовъ представляемыхъ, которое независимо отъ всякаго нашего представленія и самого сознанія? „Мы, какъ позитивисты, говоритъ Лаасъ, всегда можемъ сослаться на факты“¹⁾. Если, такимъ образомъ, позитивисты фактамъ придаютъ рѣшающее значеніе, то они должны также признать какъ фактъ, и притомъ основной фактъ нашего сознанія, означенную увѣренность о бытіи внѣшняго міра независимо отъ всякаго отношенія его къ сознанію. Въ другихъ случаяхъ позитивисты сослаются на факты и этимъ довольствуются; въ настоящемъ-же случаѣ фактъ самъ по себѣ ихъ не удовлетворяетъ, но, какъ настоящіе философы, обращаются они къ помощи разсужденія съ тѣмъ, чтобы разъяснить этотъ фактъ безобиднымъ для себя образомъ. Отъ чего и какъ происходитъ вѣра въ абсолютное бытіе внѣшняго міра?

„Ученіе Кондильяка и другихъ его послѣдователей, говоритъ Лаасъ, что наблюдаемые объекты сначала чувствуются какъ *внутреннія* состоянія, какъ психическіе факты въ насъ и только постепебно (благодаря, наприимѣръ, осязанію) противопоставляются субъекту, полагаются внѣ его, проектируются,—представляются какъ самостоятельныя, — это ученіе обременяетъ разъясненіе вопроса излишними хитростями, сильными скачками и противорѣчіями. Ни о чемъ внутреннемъ, ни о какомъ субъектѣ нельзя говорить, если мы не имѣемъ противъ себя внѣшняго объекта. Разность *я* и *не я* мы должны мыслить заключающеюся въ первыхъ зачаткахъ сознанія. Задача теоріи не столько состоитъ въ томъ, чтобы показать какимъ

¹⁾ Ibid. 55.

образомъ внутреннее и свое собственное становится внѣшнимъ, проектируется, сколько въ разъясненіи того, какъ чувственные наблюденія получаютъ преимущество предъ качественно себѣ подобнымъ, (то-есть предъ состояніями, которыя сознаются какъ субъективныя) и слагаются въ міръ реальной дѣйствительности и матеріальной самостоятельности, возлѣ котораго другія состоянія принимаются лишь за представленія, воспоминанія, фантазіи, иллюзіи и сновидѣнія, имѣющія мѣсто лишь въ субъективной области.

Какъ-бы ни были не совершенно локализуемы механическія, термическія и химическія воздѣйствія на кожу самаго низшаго животнаго, но и при этомъ эффекты выдѣляются какъ противоположность чувствованіямъ, въ которыхъ чувствующее существо находитъ себя самого. Оно узнаетъ себя въ своемъ чувствѣ и находитъ противъ себя содержащееся въ ощущеніи какъ объективное, какъ *не я*. Раздѣленіе и противопоставленіе должно увеличиваться по мѣрѣ того, какъ равныя по содержанию ощущенія сопровождаются различными по качеству и интенсивности чувствами. Когда-же изъ чувствъ, воспоминаній и происходящихъ отсюда ожиданій все болѣе развивается я, какъ остающійся всегда равнымъ центральный пунктъ отношеній, причемъ главнымъ его атрибутомъ является способность свободнаго измѣненія данныхъ фактовъ, тогда параллельно и соотносительно съ нимъ во всѣхъ случаяхъ, какъ только испытывается противодѣйствіе проявленіямъ воли, происходитъ представленіе существующей внѣ дѣятельнаго субъекта, самостоятельной и связывающей насъ силы... Такимъ образомъ чувство и ощущеніе, произвольное исполненіе и противувольное испытываніе состояній и ощущеній суть великіе возбудители и исходные пункты того раздѣленія субъекта отъ объекта, которое проходитъ чрезъ всю жизнь нашу. Объективныя ощущенія и наблюденія, также какъ субъективныя чувства и волевые импульсы, затѣмъ снова выступаютъ въ сознаніи въ формѣ воспроизведеній и копій съ указаніемъ, сопровождающимъ ихъ, на прежде испытанное нами. Только представленія воспоминаемыя уже не могутъ быть отрѣшены отъ субъекта, подобно ихъ оригиналу; оригиналъ былъ нѣ-

когда внѣ насъ, воспоминанія-же намъ принадлежатъ. Если теперь, въ случаѣ дѣйствительно повтореннаго наблюденія, мы узнаемъ прежнее, при чемъ оказывается согласіе стараго съ новымъ, то является мнѣніе, что старое существовало и тогда какъ я его не наблюдалъ; возникаетъ рѣшительная мысль о существованіи объектовъ наблюденія, независимо не только отъ моей воли, но и отъ моего наблюденія. Эта мысль питается не одними частными повтореніями того-же случая, но и самими исключеніями, въ которыхъ очевидныя несовпаденія стараго съ новымъ сопровождаются представленіемъ процесса, вслѣдствіе котораго одно могло перейти въ другое. И чѣмъ болѣе возрастаетъ масса связанныхъ между собою дѣйствительныхъ и возможныхъ наблюденій, и чѣмъ болѣе мы находимъ, что законы, господствующіе надъ ними, отъ нашей воли независимы, тѣмъ болѣе они отчуждаются и отрѣшаются отъ насъ. Въ особенности важна для насъ та группа наблюденій или ощущеній, которая выдѣляется для насъ изъ всѣхъ другихъ какъ собственное наше тѣло: — чувства благосостоянія и страданія *въ немъ* локализируются, между тѣмъ какъ ощущенія представляются происходящими на поверхности и внѣ его, такъ что кожа нашего тѣла есть чувственно пространственная граница между *я* и *не я*. Отсюда, съ одной стороны, тѣло наше есть представитель нашего *я*, съ другой — всѣ подобія нашего тѣла являются намъ какъ представители другихъ *я* подобныхъ нашему. Чужими тѣлами и собственнымъ нашимъ тѣломъ обуславливается взаимообращеніе собственныхъ и постороннихъ представленій, вслѣдствіе чего еще болѣе утверждается вѣра въ независимое отъ нашего наблюденія, замкнутое въ себѣ, существованіе наблюдаемыхъ объектовъ. Ибо продолжающееся бытіе объектовъ удостоверяется не только уже собственнымъ опытомъ, но и сообщеніями другихъ. Далѣе: какъ воспоминаемая представленія мы признаемъ лишь принадлежащими субъекту отношеніями къ объектамъ, такъ и разнородная масса мнимыхъ наблюденій, независимыхъ единственно отъ ненормальныхъ возбужденій въ центральныхъ органахъ чувствительности, выдѣляется изъ связи съ объектами, которые мы мыслимъ какъ самостоятельныя.

Вмѣстѣ съ чувствами, волевыми импульсами они вступаютъ въ рядъ внутреннихъ субъективныхъ, только индивидуальныхъ происшествій. Такъ строится изъ дѣйствительныхъ и возможныхъ наблюденій посредствомъ разнообразныхъ выдѣленій и редукицій зданіе осязаемыхъ, видимыхъ и т. д. явленій, которое предполагается нами какъ равное для всѣхъ, съ разныхъ пунктовъ равно доступное, хотя непостоянное, но по собственнымъ законамъ измѣняющееся. Оно представляется какъ самостоятельное чрезъ полярную противоположность нашимъ чувствамъ, чрезъ тожество и общность отношенія ко всѣмъ чувствующимъ существамъ, чрезъ не только независимую отъ нашей воли, но и противодѣйствующую ей закономѣрность. Наконецъ по законамъ психической механики и по соотвѣтствію потребностямъ интеллектуальной экономіи какъ въ объективной, такъ и въ субъективной сферѣ часто повторяющееся или продолжительно присутствующее отдѣляется отъ преходящаго и измѣнчиваго, при чемъ постоянное устанавливается какъ зерно, фундаментъ, субстратъ, а около него располагается измѣняемое. Такъ закрѣпляется на физической сторонѣ матеріальная, а на психической—духовная субстанція.

Такова теорія Лааса о происхожденіи въ насъ увѣренности въ отдѣльномъ отъ насъ существованіи внѣшняго міра. Будемъ теперь обсуждать эту теорію. Даны два факта: одинъ фактъ—увѣренность въ независимомъ бытіи внѣшняго міра, другой фактъ—ясное сознаніе того, что не иначе міръ познается существующимъ, какъ чрезъ отношеніе къ намъ. Одинъ фактъ относится къ бытію міра, другой—къ познанію его. Нѣтъ ничего проще какъ совмѣщеніе обоихъ въ одномъ сознаніи и признаніе ихъ истинности. Между тѣмъ изложенная теорія принимаетъ одинъ только изъ указанныхъ фактовъ и отвергаетъ другой. На какомъ основаніи? Слѣдуетъ ли признать такимъ основаніемъ то, что мы можемъ разъяснить происхожденіе и дальнѣйшее развитіе въ насъ увѣренности въ безотносительномъ бытіи внѣшняго міра? Но также точно можно разъяснить, какъ мы приходимъ къ представленію необходимаго отношенія объектовъ къ намъ, къ нашему сознанію. И объ этомъ представленіи тоже мы можемъ ска-

затѣ, что хотя и предполагають будто въ началѣ оно отсутствуетъ, пока человѣкъ не рефлѣктируетъ и живетъ всецѣло жизнью природы, однако на самомъ дѣлѣ оно всегда присуще сознанию человѣческому, только конечно не съ одинаковою ясностію; первоначально оно выражается въ томъ, что человѣкъ признаетъ все существующимъ для него, предназначеннымъ служить ему; все такимъ образомъ поставляетъ въ отношеніе къ себѣ. Затѣмъ хотя онъ и приходитъ къ мысли, что міръ самъ по себѣ существуетъ, но тѣмъ болѣе интересъ возбуждается къ познанію его, а разсмотрѣніе того, какъ познаются вещи, приводитъ къ заключенію, что все познаваемое не иначе можетъ быть даннымъ, какъ только въ сферѣ его субъективнаго сознанія. Такимъ образомъ мысль объ отношеніи къ нашему я всего существующаго изъ сферы практической переносится въ область теоретическаго сознанія и становится уже научнымъ убѣжденіемъ, т. е. рѣшительно утверждается. Возможно, что потому только принимается одинъ фактъ—сознаніе относительности всего познаваемаго къ познающему, и отвергается другой—увѣренность въ безотносительномъ бытіи міра, что послѣдній всецѣло изъясняется изъ субъективныхъ элементовъ, слѣдовательно, не нуждается въ предположеніи дѣйствительнаго бытія міра. Но совершенно ясно, что если представленіе о бытіи міра имѣетъ всецѣло субъективный характеръ и объективнаго значенія не имѣетъ, то равнымъ образомъ и мысль объ отношеніи міра къ нашему сознанію, какъ связанная съ представленіемъ міра, также ничего дѣйствительнаго не выражаетъ, есть не болѣе какъ субъективное представленіе, слѣдовательно не можетъ быть признана въ какой-бы то ни было степени болѣе истинною, нежели увѣренность въ безотносительномъ бытіи міра.

Нѣтъ, не въ томъ дѣло, что одинъ фактъ тверже стоитъ чѣмъ другой, что одинъ достовѣренъ, а другой, напротивъ, сомнителенъ; дѣло заключается просто въ томъ, что позитивизмъ находитъ для себя болѣе удобнымъ признавать одинъ только фактъ и отвергать другой. Недаромъ-же Лаасъ полагаетъ, что нужда, на ряду съ фактами, есть важнѣйшее условіе, отъ котораго зависитъ какъ общее направленіе познавательной дѣя-

тельности, такъ въ особенности принятіе тѣхъ или иныхъ взглядовъ, такое или иное рѣшеніе философскихъ вопросовъ. Лаасъ полагаетъ, что не отъ предмета только зависитъ то, что въ извѣстное время устанавливается на него такой или иной взглядъ, но также и отъ существующей въ это время главной нужды или потребности, господствующей надъ умами, послѣдствіемъ которой является извѣстное направленіе мысли. А какая потребность есть господствующая въ наше время? Потребность рѣшенія *практическихъ* жизненныхъ задачъ. Между тѣмъ ничто такъ не противоположно практическому духу вѣка, какъ бесплодные метафизическіе споры. Поэтому задача философіи нашего времени—устранить метафизику, сдѣлать ее ненужною. Метафизика начинается тамъ, гдѣ оканчивается область фактовъ. Отсюда принципъ позитивистовъ: въ рѣшеніи всякихъ вопросовъ слѣдуетъ держаться почвы фактовъ. При отсутствіи или недостаточности фактическихъ данныхъ для рѣшенія извѣстнаго вопроса, слѣдуетъ исключить такой вопросъ изъ области изслѣдованія, предоставивъ личной свободѣ каждаго рѣшать его такъ или иначе по своему усмотрѣнію. Такъ какъ самый этотъ принципъ позитивизма представляетъ опредѣленное рѣшеніе важнѣйшаго философскаго вопроса о познаніи, ибо показываетъ, что считать критеріемъ достовѣрности нашего познанія, то ясно, что позитивизмъ не можетъ обойтись безъ дальнѣйшихъ выводовъ относительно познанія, тѣсно связанныхъ съ означеннымъ принципомъ. Фактами называются тѣ давныя, которые сообщаются намъ опытомъ или наблюденіемъ. Но наблюденіе распадается на внѣшнее и внутреннее, а потому и опытъ есть двоякій внѣшній и внутренній. Особенность внѣшняго опыта та, что все наблюдаемое въ этой области сводится къ одному началу; такое начало есть матерія, а потому и самый міръ, составляющій предметъ внѣшняго наблюденія, мы называемъ матеріальнымъ. Напротивъ все воспринимаемое чрезъ самонаблюденіе, въ области внутренняго опыта, мы относимъ къ нашему я, которое противопоставляемъ матеріи какъ субстанцію духовную. Такимъ образомъ непосредственный опытъ приводитъ насъ къ принятію двухъ противоположныхъ началъ, каковы: матерія

и духъ. Является далѣе вопросъ: каково взаимное отношеніе этихъ двухъ началъ? Признать эти начала вполне отдѣльными и независимыми одно отъ другаго, повидимому, невозможно; ибо человекъ, какъ малый міръ, совмѣщая въ себѣ оба эти начала, ясно видитъ, что они находятся въ немъ въ постоянномъ и живомъ общеніи и взаимодействіи. Да и самая идея единства міра противится принятію двухъ одинаково самостоятельныхъ и противоположныхъ, ничѣмъ между собою несвязанныхъ началъ. Итакъ, повидимому, остается одно изъ двухъ: или признать, что одно только есть начало матеріальное, или напротивъ, что только духъ есть начало безусловное; при первомъ рѣшеніи вопроса духъ рассматривается какъ феноменъ, какъ проявленіе матеріальнаго начала; при второмъ-же рѣшеніи не духъ, а матерія признается феноменомъ. Но и при томъ и при другомъ рѣшеніи вопроса оказывается одна и таже непреодолимая трудность, заключающаяся въ невозможности вывести и изъяснить одно начало изъ другаго; ни матеріи невозможно понять и изъяснить при существованіи одного лишь духа, ни духа невозможно понять, если признать матерію единымъ, безусловнымъ началомъ. Но зачѣмъ такъ далеко идти, -- такъ рассуждаютъ позитивисты: слѣдуетъ держаться почвы опыта и не идти далѣе фактовъ представляемыхъ опытомъ; между тѣмъ ни духъ, ни матерія не есть предметъ опыта; и матерія и духъ не что иное, какъ понятія выведенныя по умозаключенію изъ данныхъ опыта; это выводы, а не факты; а выводы всегда могутъ быть ошибочны и слѣдовательно оспариваемы. Мы вѣдь не наблюдаемъ ни духа, ни матеріи; предметомъ нашего наблюденія служатъ единственно явленія, которыя мы различаемъ по способу ихъ происхожденія, такъ что одни сознаемъ какъ внутреннія, а другія какъ внѣшнія, и первыя характеризуемъ, принимая во вниманіе отличительныя ихъ свойства, какъ духовныя, а послѣднія какъ матеріальныя. Очевидно мы имѣемъ здѣсь дѣло лишь съ классификаціею наблюдаемыхъ явленій, съ распредѣленіемъ ихъ на отдѣльные разряды по ихъ происхожденію и свойствамъ. Но раздѣляя такимъ образомъ наблюдаемыя явленія, мы находимъ въ нихъ всѣхъ то общее, что они имѣютъ отношеніе къ на-

шему сознанию, ибо наблюдать что-либо значитъ сознавать наблюдаемое. Если-бы возможно было ограничиться констатированіемъ этихъ фактовъ, какъ того требуетъ позитивизмъ, то конечно никакихъ вопросовъ и не было-бы. Но вѣдь человѣкъ не только наблюдаетъ, а и мыслить наблюдаемое. Не странно ли, что сознание одно, между тѣмъ какъ явленія, будучи данными одного и того-же сознания, представляются столь различными и даже противоположными, каковы съ одной стороны явленія внутреннія, а съ другой внѣшнія. Сознание-ли производитъ эту противоположность, но какъ-же оно, будучи единымъ, производитъ изъ себя эту противоположность? Если-же она происходитъ не отъ сознания, то должны быть указаны иныя ея причины. И такъ, что-же мы выигрываемъ при томъ ограниченіи вопроса, которое требуется позитивизмомъ? Если устранимъ духъ и матерію, то противоположность, свойственная имъ, все-же остается въ явленіяхъ наблюдаемыхъ и столь-же настоятельно требуетъ объясненія. И сами позитивисты далеко не ограничиваются однимъ лишь констатированіемъ фактовъ, но хотятъ дать имъ посильное объясненіе: они не оставляютъ безъ разрѣшенія означенный выше вопросъ о происхожденіи противоположности въ явленіяхъ наблюдаемыхъ.— „По физиологій чувствъ, говоритъ Лаасъ, для рожденія объектовъ наблюденія необходимы многочисленныя условія и посредники, каковы: воздухъ, эфиръ, видоизмѣненный органической аппаратъ, связки нервныхъ нитей, скопленія центральныхъ клѣточекъ, механическіе, химическіе, электрическіе процессы. Было-бы дѣтствомъ допускать, что *психическій феноменъ, ощущеніе, наблюденіе*, которое появляется въ концѣ и на основаніи всѣхъ средствъ, что все это есть сущая въ себѣ вещь“ ¹⁾. И такъ не въ самомъ сознаниіи возникаютъ и слѣдовательно не въ немъ измѣняются наблюдаемыя явленія и получаютъ свой отличительный характеръ; они измѣняются на пути къ сознанию; такимъ образомъ Лаасу извѣстно, что сознаваемые нами явленія прежде, чѣмъ достигнуть нашего сознания, должны быть не таковы, какими они, пройдя рядъ посредниковъ, представ-

¹⁾ Ibid. 51.

ляются нашему сознанию. Какъ-же узналъ объ этомъ Лаасъ? Очевидно наблюдать, или что то же, сознавать явленія, прежде чѣмъ они достигнутъ нашего сознанія, мы не можемъ. Слѣдовательно, только по умозаключенію могло получиться означенное утвержденіе объ измѣненіи явленій, предшествующемъ сознаваемости ихъ. Какъ однако-же не охотно позитивисты допускаютъ необходимое участіе въ ихъ положеніяхъ умозаключающаго мышленія видно изъ принятаго у нихъ раздѣленія наблюденій на дѣйствительныя и возможныя; наблюденія всегда относятся къ дѣйствительности, которая теперь есть или была прежде; въ послѣднемъ случаѣ наблюденія становятся воспоминаніями; но наблюденіе только возможное, т. е. относящееся къ будущему, ни въ какомъ смыслѣ нельзя назвать наблюденіемъ; о будущемъ мы можемъ дѣлать только лишь выводы, догадки, предположенія, т. е. будущее можетъ быть только предметомъ обсужденія, а не наблюденія. А что такое эти условія и посредники, которые измѣняютъ явленія прежде чѣмъ послѣднія достигнутъ сознанія? Они также очевидно явленія. Итакъ одни явленія дѣйствуютъ на другія и видоизмѣняютъ ихъ; посему слѣдуетъ признать одни явленія первоначальными и основными, а другія состоящими отъ нихъ въ зависимости: воздухъ, эфиръ, органическій аппаратъ, связки нервныхъ витѣй, скопленія центральныхъ клѣточекъ и т. д.—все это явленія тѣлесныя, а психическій феноменъ, ощущенія—явленія духовныя; и если Лаасъ утверждаетъ зависимость послѣднихъ отъ первыхъ, то не есть-ли это то же самое, что утверждаютъ и матеріалисты?

Итакъ не только нельзя признать вмѣстѣ съ Лаасомъ, что развитіе сенсуализма будто-бы было задержано платонизмомъ, но, какъ видно изъ предъидущаго, развитіе сенсуализма даже невозможно, ибо позитивизмъ въ сущности лишь повторяетъ то, что было выражено сенсуализмомъ уже въ самомъ началѣ его появленія какъ сенсуализмъ, такъ и позитивизмъ не положительная, а отрицательная доктрина. Какъ Протагоръ утверждалъ, что всѣ человѣческія мнѣнія истинны, или иначе, что нѣтъ безотносительнаго различія между истиннымъ и ложнымъ, ибо для каждаго истинно то, что онъ признаетъ таковымъ; такъ

точно и позитивизмъ только факты признаетъ безспорными, а самыя сужденія отбрасываетъ какъ нѣчто безразличное, предоставляя на произволъ каждаго думать такъ или иначе по вопросамъ, восходящимъ надъ узкими предѣлами непосредственнаго опыта. Съ другой стороны, подобно тому какъ Платонъ возражалъ противъ извѣстнаго изреченія Протагора, что, въ силу этого изреченія, Протагоръ долженъ-бы былъ признать истиннымъ и то мнѣнiе, которое отрицаетъ собственное его ученiе, противъ означеннаго выше принципа позитивизма нельзя не замѣтить, что, въ виду этого принципа, возникаетъ вопросъ, слѣдуетъ-ли признать соотносительность объекта и субъекта въ познанiи фактомъ или-же сужденiемъ, выводомъ? Если это выводъ, то въ силу собственнаго принципа позитивизма такой выводъ долженъ быть признанъ по крайней мѣрѣ не имѣющимъ никакой силы, зависимымъ единственно отъ личнаго усмотрѣнiя каждаго. Если-же соотносительность субъекта и объекта не выводъ, а фактъ, то какъ возможно, что фактъ оказывается на дѣлѣ не только не общепризнаваемымъ, напротивъ, стоящимъ въ явномъ противорѣчii съ общепринятымъ убѣжденiемъ въ безотносительной реальности внѣшняго міра. И нужно притомъ замѣтить, что убѣжденiе это не есть только вульгарное, какъ именуетъ его Лаасъ, но оно раздѣляется также и многими философскими ученiями. Правда Лаасъ объясняетъ происхожденiе вѣры въ безотносительную реальность міра. Но каково это объясненiе? Замѣчательно, что главное основанiе, указываемое для нея Лаасомъ, должно служить также доказательствомъ соотносительности субъекта и объекта. Соотносительность субъекта и объекта предполагаетъ вѣдь различенiе одного отъ другаго. Если-бы субъектъ и объектъ не различались, то не было-бы и рѣчи о взаимномъ ихъ соотношенiи; но различенiемъ-же субъективныхъ состоянiй отъ объективнаго содержанiя ощущенiй, какъ мы видѣли, Лаасъ изъясняетъ происхожденiе вѣры въ реальность внѣшняго міра. Почему-же вѣра эта есть фальшивая, неистинная, а относительность субъекта и объекта напротивъ истина непреложная, между тѣмъ какъ и та и другая имѣютъ за себя одно и тоже основанiе, слѣдовательно должны быть признаны имѣющими равную степень до-

стовѣрности? Лаасъ не показалъ вѣдь и не могъ показать, что изъ означеннаго основанія соотнесенность субъекта и объекта слѣдуетъ, а безотносительная реальность внѣшняго міра не слѣдуетъ. Напротивъ и самъ Лаасъ изъ этого именно основанія выводитъ вѣру въ безотносительное бытіе внѣшняго міра.

Послѣ сказаннаго не трудно видѣть и то, насколько вѣроятія заключается въ томъ предположеніи Лааса, что поэтическое пареніе, свойственное Платону, литературная его виртуозность, вообще личныя качества его геніальности были причиною торжества платонизма надъ сенсуализмомъ Протагора. Слѣдуетъ признать характеристическимъ въ этомъ отношеніи уже то, что Лаасъ идеализмъ охотнѣе называетъ платонизмомъ, давая тѣмъ знать, что идеализмъ онъ признаетъ какъ-бы личнымъ созданіемъ Платона. Но это то именно и показываетъ, какъ мало позитивизмъ способствуетъ пониманію такихъ предметовъ, которые возвышаются надъ уровнемъ заурядныхъ фактовъ. До какой степени самъ Платонъ былъ далекъ отъ такого взгляда на свою философію, видно хотя-бы изъ того, что въ своихъ діалогахъ онъ не говоритъ отъ собственнаго лица, но всегда почти влагаетъ свои философскія разсужденія въ уста своего учителя Сократа, или излагаетъ ихъ какъ слышанныя отъ Сократа. И это нельзя считать однимъ лишь литературнымъ приемомъ; по крайней мѣрѣ такой приемъ вполне соотвѣтствуетъ истинному духу платоновой философіи. Платонъ, такъ-же какъ и предшественникъ его Сократъ, противодѣйствовали ложно понятому софистами началу личности, во имя и ради торжества началъ общечеловѣческихъ, то есть такихъ началъ, которые для Сократа и Платона были даны въ ихъ живомъ и глубокомъ сознаніи общечеловѣческихъ свойствъ и законовъ духа человѣческаго. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы и позитивизмъ не представлялъ никакихъ основаній для должной оцѣнки таковыхъ началъ. Что не входитъ въ тѣсный кругъ фактовъ для всѣхъ одинаково констатируемыхъ, или по крайней мѣрѣ что не стоитъ въ ближайшей связи съ фактами, позитивизмъ готовъ отнести къ области личнаго усмотрѣнія и произвола. Одна-

ко-же и самыя факты познаются не только чрезъ непосредственный опытъ, но также путемъ передачи свѣдѣній отъ однихъ свидѣтелей къ другимъ. Путемъ такого взаимнаго сношенія между людьми и передачи свѣдѣній отъ однихъ лицъ къ другимъ образуются общіе повсюду распространенные взгляды, вѣрованія, убѣжденія. Конечно этотъ чисто эмпирическій способъ объясненія того, какъ происходятъ и образуются общія идеи, безъ всякаго вниманія къ необходимымъ свойствамъ и законамъ духа человѣческаго, нельзя признать достаточнымъ. Но по крайней мѣрѣ и позитивистъ, не смотря на то, что познавательную дѣятельность онъ ограничиваетъ индивидуальнымъ чувственнымъ воспріятіемъ, и всѣ общія воззрѣнія принужденъ изъяснять постепеннымъ накопленіемъ частныхъ фактическихъ свѣдѣній (ассоціаціи идей), не можетъ отрицать того, что существуютъ общечеловѣческія вѣрованія и убѣжденія. Таковы напр. вѣрованіе въ самостоятельность духа человѣческаго, въ его безсмертіе, въ свободу воли и нравственное назначеніе человѣка, не говоря уже о вѣрованіи въ бытіе Бога.

Итакъ, даже выходя изъ основаній, допускаемыхъ самимъ позитивизмомъ, можно сказать, что Лаасъ грубо заблуждается, когда сей-часъ обозначенныя вѣрованія или идеи, свойственныя человѣческому духу, потому только что они, допустимъ это, чище и совершеннѣе выражены въ платоновой философіи, чѣмъ въ какой-либо иной, называетъ платонизмомъ, какъ будто Платонъ изобрѣлъ ихъ и на долгое время распространилъ между людьми.

П. Линицкій.

(Продолженіе будетъ).

О ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМЪ МЕТОДѢ

ВЪ

ПСИХОЛОГИИ.

(Продолженіе *).

XIII.

Субъективный образъ матеріи, какъ методологическое построеніе.

76. Посылки дедуктивнаго фізіологическаго метода.—77. Матерія и сила какъ построенія воображенія. — 78. Матерія какъ мнѣстическій образъ.—79. Способъ составленія этого образа.—80. Современное построеніе матеріи.—81. Методическое, а не реальное значеніе подобнаго построенія. — 82. Приложеніе добытаго результата къ фізіологіи мозга и выводъ.

76. Дедуктивная часть фізіологіи мозга, какъ мы видѣли, основывается на общихъ послыкахъ естествознанія, на представленіяхъ о матеріи и силѣ. Мозгъ есть масса матеріи, дѣйствующая по закону сохраненія силы. Онъ состоитъ изъ частицъ вещества, претерпѣвающихъ различныя молекулярныя измѣненія. Поэтому фізіологи могутъ намъ сказать, что мозгъ не просто представленіе, но что за этимъ представленіемъ мы имѣемъ соотвѣтствующее ему вещество, нераздѣльное съ силой. Повидимому все дѣло въ матеріальной организаціи мозга или его структурѣ, какъ она существуетъ независимо отъ представленія.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 17.

Такимъ образомъ, можно, повидимому, предположить, что свойства мозга не продуктъ нашего представленія, а продуктъ матеріальной организаціи. Они какъ будто вытекаютъ изъ общихъ матеріальныхъ условій, какъ продуктъ дѣятельности матеріи. Мозгъ состоитъ изъ частицъ матеріи, дѣйствующихъ по закону сохраненія силы—вотъ въ чемъ, слѣдовательно, заключается принципъ дедуктивной части объективнаго метода. Значить, чтобы уяснить себѣ характеръ этой части, мы должны разсмотрѣть общія послыки естествознанія, т. е. представленія матеріи и силы, и обратить вниманіе на то, въ самомъ-ли дѣлѣ изъ нихъ могутъ вытекать тѣ слѣдствія, какія обыкновенно выводятъ. Съ этимъ вмѣстѣ мы получимъ характеристику метода современнаго естествознанія вообще, а не одного только фізіологическаго метода въ психологіи. Такъ какъ мы предпринимаемъ оцѣнку этого метода съ точки зрѣнія фізіологіи органовъ чувствъ, то здѣсь возникаютъ собственно два главныхъ вопроса: что такое матерія съ точки зрѣнія фізіологіи органовъ чувствъ и что такое ея дѣятельность и сила съ той-же точки зрѣнія.

77. Само собою разумѣется, что ни одинъ фізіологъ не станетъ утверждать, чтобы онъ чувствами своими видѣлъ матерію и ея структуру, или чувствами своими воспринималъ силу или дѣятельное начало матеріи. Чувствами своими мы воспринимаемъ не матерію, а *тѣла*, или, если угодно, массы матеріи, которыя по своимъ свойствамъ крайне разнообразны, воспринимаемъ, слѣдовательно, явленія матеріи, а не самую матерію; равнымъ образомъ чувствами своими мы воспринимаемъ не дѣятельное начало или силу матеріи, а *измѣненія* въ ней, результаты дѣятельности силы. Тѣла и измѣненія въ нихъ,—больше чувствамъ нашимъ ничего не подлежатъ. Если-же мы теперь спросимъ, что лежитъ въ основаніи различныхъ свойствъ тѣлъ, и что лежитъ въ основаніи измѣненій, наблюдаемыхъ въ этихъ тѣлахъ, то чувства намъ указать этого не могутъ. Мы должны догадываться объ этихъ основаніяхъ только при помощи предположеній или гипотезъ. Отъ всѣхъ этихъ гипотезъ мы можемъ требовать только одного существеннаго качества—чтобы они были въ согласіи съ наблюдаемыми явленіями, т. е. чтобы предполагаемая нами причины или осно-

ванія явленій давали возможность представить явленія какъ результатъ этихъ основаній. Очевидно тутъ логическій кругъ, изъ котораго выдти нельзя: къ явленіямъ мы придумываемъ причины, т. е. явленіями объясняемъ, почему такія, а не пныя должны быть причины, а потомъ изъ этихъ причинъ выводимъ, почему таковы должны быть явленія. Но такое придумываніе причинъ, если оно указываетъ эти причины въ видѣ отдѣльныхъ предметовъ, подобныхъ объясняемому явленіямъ, очевидно должно совершаться при помощи воображенія: я долженъ вообразить себѣ такую причину какъ дѣйствительный конкретный предметъ, слѣдовательно, долженъ гипостазировать или олицетворить эту причину въ формѣ нагляднаго *представленія*, а не какого-нибудь отвлеченнаго *понятія*. Это большое различіе. Всѣ наши гипотезы о строеніи матеріи, о матеріальныхъ силахъ не суть понятія, но именно такіе продукты воображенія, которые мы создаемъ на основаніи явленій, чтобы потомъ изъ этихъ продуктовъ вывести самыя явленія въ качествѣ слѣдствій. Здѣсь мы, слѣдовательно, имѣемъ всѣ элементы мифологическаго творчества, ибо всѣ основныя мифическія представленія суть представленія причинъ явленій въ видѣ особыхъ предметовъ или существъ, на примѣръ, боговъ, героев, какихъ нибудь чудовищныхъ животныхъ или просто фантастическихъ существъ. Какъ мифологія, приписавъ всѣ свойства воды, морей и рѣкъ, Нептуну, затѣмъ объясняла морскія явленія дѣятельностію этого воображаемаго существа, такъ и современная наука, примысливъ къ явленіямъ воображаемая ихъ основанія, изъ нихъ потомъ объясняетъ явленія. На примѣръ: взявъ явленія свѣта, электричества, теплоты, она придумала эфиръ, чувствамъ совершенно неподлежащій, и за тѣмъ этимъ эфиромъ начала объяснять тѣже явленія ¹⁾. При этомъ вся забота научнаго мифологическаго творчества состоитъ въ томъ, чтобы придумать наиболѣе удобное для употребленія существо или сущность, т. е. чтобы явленія, къ которымъ эта сущность придумывается, вытекали изъ ея дѣятельности наивозможно про-

¹⁾ Эфиръ въ настоящее время играетъ роль подобную той, какую недавно игралъ теплородъ или раньше флогистонъ.

стѣйшимъ образомъ. Очевидно, что къ однимъ и тѣмъ-же явленіямъ можно примыслить множество самыхъ разнообразныхъ дѣятелей, и этимъ именно объясняется разнообразіе гипотезъ, доходящихъ до взаимнаго отрицанія. Матерія и сила, какъ ихъ представляетъ современное естествознаніе, именно и суть такія гипотетическія или научно-миѳическія существа, которыя можно представлять, и представляла себѣ, и даже теперь представляетъ наука весьма разнообразно. Можно отыскать гораздо больше согласія въ миѳологическихъ представленіяхъ, напримѣръ, всѣхъ арійскихъ племенъ, чѣмъ въ представленіяхъ „науки“ о матеріи и силѣ. Итакъ мы имѣемъ право разсматривать матерію и силу какъ продуктъ научно-миѳическихъ олицетвореній, какъ продуктъ фантазіи. Все это мы сейчасъ подтвердимъ фактами.

78. Такъ какъ матерія есть фантастическій образъ, образующійся въ процессѣ фантазіи (*ἐν πρὸβῶ φαντασέως*), если употребить выраженіе Плотина, то очевидно, что всѣ образы матеріи могутъ быть подведены подъ различные типы, смотря по способу дѣятельности фантазіи. Такъ какъ тѣла занимаютъ пространство, то фантазія при созданіи образа матеріи неизбежно должна ставить его въ такое или иное отношеніе къ пространству, т. е. образъ матеріи долженъ быть образомъ въ пространствѣ. Вотъ почему говорятъ, что матерія „наполняетъ или занимаетъ“ пространство. Это наполненіе можно представить себѣ или непрерывнымъ, такъ что въ пространствѣ не останется ни одного пустаго мѣста, или прерывающимся пустыми промежутками. Значитъ матерію можно представить однимъ предметомъ, распростертымъ по всему пространству, или-же множествомъ частицъ въ пространствѣ. Непрерывная въ пространствѣ матерія можетъ быть или представляема чѣмъ-то отличнымъ отъ пространства, или-же по своимъ свойствамъ можетъ быть отождествляема съ представленіемъ протяженія въ пространствѣ. Равнымъ образомъ, если представлять матерію состоящею изъ частицъ, то можно эти частицы считать или физическими недѣлимыми частичками (атомами) или геометрическими точками. Такимъ образомъ мы имѣемъ два образа физическихъ: непрерывную матерію и ча-

стичную, и два образа математическихъ: протяженіе и математическую точку. Стойки и раньше ихъ Гераклитъ представляли матерію въ видѣ сплошнаго наполненія пространства; Эпикурейцы и раньше ихъ Левкиппъ и Демокритъ въ видѣ недѣлимыхъ частицъ матеріи или атомовъ. Платонъ и вѣроятно Парменидъ представляли первоначальное обнаруженіе матеріи въ видѣ пространства (χώρα у Платона), а Пифагорейцы и математики въ видѣ монадъ или математическихъ элементовъ, изъ коихъ можетъ составиться протяженіе. Всѣ другія представленія матеріи лежатъ между этими образами. Если мы возьмемъ современную физику, то мы увидимъ въ ней тѣже самыя основныя представленія въ различныхъ комбинаціяхъ. Такъ Декартъ и Спиноза полагали, что основное свойство матеріи есть протяженность (*ens extensum a se descriptum idem cum spatio*)¹⁾, Гессенди, напротивъ, возвратился къ атомамъ Эпикура. Съ тѣхъ поръ перевѣсъ берутъ именно корпускулярныя теоріи, хотя въ самое послѣднее время стали опять возвращаться къ непрерывному наполненію пространства матеріей. Любопытно взглянуть, какъ представляли себѣ частицы матеріи знаменитые естествовѣды новаго времени. Здѣсь мы видимъ крайнее разнообразіе. Такъ Бойль полагалъ, что воздухъ упругъ, потому что состоитъ изъ упругихъ пружинокъ (*spirulae*); Борели—что каждый атомъ воздуха есть своего рода машинка (*machinula*) и что всего лучше приписать имъ видъ трубочекъ, или тонкихъ пластинокъ, или-же вѣтвистыхъ и спиральныхъ нитей²⁾; Эйлеръ думалъ, что частицы воздуха состоятъ изъ полыхъ шариковъ, въ которыхъ заключена тонкая матерія, крутящаяся какъ вихрь. Изъ этой мысли онъ выводитъ законъ Бойля или Мариотта³⁾. „По Гоббсу, могутъ существовать тѣла, неуловимо малыя для нашихъ чувствъ, которыя въ извѣстномъ смыслѣ справедливо могутъ быть названы атомами. Но рядомъ съ ними нужно предположить еще другія, которыя ничтожно

¹⁾ Декартъ.

²⁾ Проф. Стольцовъ, Очеркъ развитія нашихъ свѣдѣній о газахъ, Москва, 1879, стр. 127.

³⁾ Ibid. стр. 128.

малы въ сравненіи съ ними; рядомъ съ этими другими существуютъ еще меньшіе въ томъ-же отношеніи и такъ до безконечности“ ¹⁾. „Мопертюи впервые (въ 1751) ввелъ чувствующие атомы“ ²⁾. „Робине придаетъ всякой само-малѣйшей частицѣ жизнь и духъ; и первичныя составныя части неорганической матеріи суть живые зародыши, которые имѣютъ въ себѣ начало ощущенія, хотя и не сознаютъ себя“ ³⁾. Ньютонъ полагалъ, что „въ пространствѣ между тяготѣющими массами матеріи находится гипотетическое вещество, spiritus (эѳиръ), которое своимъ вліяніемъ производитъ тяготѣніе“ ⁴⁾. „По мнѣнію Вико матерія въ своей исходной формѣ состоитъ изъ метафизическихъ точекъ, дающихъ начало осязаемой матеріи посредствомъ усилія (sonatus), при переходѣ отъ покоя къ движенію“ ⁵⁾. Босковичъ предполагалъ, что „последніе элементы матеріи суть недѣлимыя точки безъ протяженности, но окруженныя сферами притягательной и отталкивательной силы, соотвѣтственно разстоянію этихъ точекъ до извѣстныхъ предѣловъ“ ⁶⁾. Послѣдователями его явились Амперъ, Фарэдей, Тиндаль, Коши, Сегэнъ, Муанью и многіе другіе физики. Въ недавнее время Пфейльштикеръ предположилъ, что подобныя недѣлимыя точки, служащія центрами притягательныхъ силъ, или, какъ онъ ихъ называетъ, кинеты, взаимно проникаемы одна для другой, такъ что они, взаимно притягиваясь, проходятъ одна сквозь другую, вслѣдствіе чего устанавливается между ними колебательное движеніе, отъ чего въ концѣ концовъ и появляются тѣла ⁷⁾. „Самое убѣдительное доказательство существованія матеріи“, говоритъ Спенсеръ, „есть ея способность оказывать сопротивленіе“ ⁸⁾. „Фехнеръ пытался

¹⁾ Ламе, Исторія матер. I стр. 245.

²⁾ Ibid. стр. 283.

³⁾ Ibid. стр. 282.

⁴⁾ Ibid. стр. 246, примѣч. 62.

⁵⁾ Проф. Флинта, „Гипотезы относящіяся къ строенію матеріи“ № 15. См. въ книгѣ Тата: Свойства матеріи, перев. подъ редакц. проф. Сѣченова, С.П.Б. 1887, стр. 305—306.

⁶⁾ Ibid. стр. 306; 308—311.

⁷⁾ Введенскою, Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи, С.П.Б. 1888, I, стр. 196—197.

⁸⁾ Бони, Нов. основы фізіол. человѣка, I, стр. 6.

дать матеріи значеніе независимое отъ силы, опредѣляя ее какъ то, что замѣчается въ чувствѣ осязанія, какъ ощутительное¹⁾; при этомъ онъ утверждаетъ, что „физикъ не осмѣлится утверждать, что пространство между его атомами абсолютно пустое, что между ними не распространено еще тонкое непрерывное вещество“²⁾ подобное Миллевой „возможности ощущенія“. Вообще въ настоящее время признаютъ между атомами вѣсомой матеріи атомы невѣсомаго эѳира. Изъ комбинаціи ихъ Редтенбахеръ строить свои „дивамиды“. „Онъ понимаетъ подъ этимъ тѣлесныя, одаренныя тяжестью и протяженныя атомы, которые окружены атмосферой отдѣльныхъ, обладающихъ отталкивающею силою, частичекъ эѳира“³⁾. „Вильямъ Томсонъ предполагаетъ, что всѣ матеріальныя тѣла состоятъ изъ атомовъ, недѣлимыхъ не потому, что они тверды, а отъ того, что атомы суть безконечно малыя вращающіяся кольца или замкнутыя въ себѣ вихри несжимаемой нетрущейся жидкости, которую предполагаютъ однородной и совершенной“⁴⁾. Эти кольца похожи на кольца дыма, выпускаемыя изо рта искусными курильщиками. Ихъ нельзя ни разрѣчь, ни разорвать. Матерія, изъ которой они образуются, сплошь наполняетъ пространство⁵⁾. Подобную непрерывность матеріи допускаетъ и Делинстаузенъ, но онъ полагаетъ, что каждый пунктъ этой матеріи находится въ движеніи, которое вслѣдствіе непрерывности матеріи распространяется въ видѣ перекрещивающихся и интерферирующихъ волнъ, а между узлами этихъ волнъ возникаютъ новыя не постуательныя, а стоячія волны, не преходящія, а постоянныя. „Это явленіе сходно съ тѣмъ, какое происходитъ струнъ (или хладніевыхъ пластинокъ) не какъ цѣлаго, а какъ раздѣлившихся на отдѣльно колеблю-

¹⁾ *Lame*, Ист. мат. II, стр. 198.

²⁾ *Ibid.* стр. 176.

³⁾ *Ibid.* стр. 177. Сравни: *Ландуа*, Учеб. фізіолог. стр. 3. *Бони*, Нов. основы фізіол. челов. I, 2.

⁴⁾ Свойства матеріи, *Тэтъ*, стр. 305.

⁵⁾ *Тэтъ*, Свойства матеріи, стр. 19. *Тэтъ*, Лекціи объ усвѣхахъ естествознанія, перев. подъ редакц. проф. Сѣченова, стр. 262—271.

щіяся части“¹⁾. Гельмгольцъ²⁾, Дюма³⁾, Менделѣевъ⁴⁾, также примыкають къ гипотезѣ сплошнаго наполненія пространства матеріей. По свидѣтельству Дю-Буа-Реймона въ новѣйшее время „избѣгаютъ атомической теоріи раздѣльныхъ атомовъ и возвращаются къ представленію тѣлъ, мыслимыхъ сплошными“⁵⁾. Механика утверждаетъ, что „могутъ быть разсматриваемы, какъ системы матеріальныхъ точекъ, и такія тѣла, относительно которыхъ предполагается, что матерія наполняетъ ихъ непрерывно“⁶⁾. Вообще математическая физика теперь представляетъ матерію въ видѣ движущихся точекъ, т. е. она возвращается къ пифагореизму. „Атомы, по мнѣнію Маха, не могутъ имѣть никакихъ чувственныхъ свойствъ; отдѣльный атомъ ни свѣтится, ни звучитъ, онъ ни твердъ, ни мягокъ и не представляетъ протяженности. Атомистическій міръ есть міръ математическихъ точекъ⁷⁾, и матерія вѣроятно существуетъ въ пространствѣ не нашемъ, не эвклидовскомъ, не трехъ измѣреній. „Мои попытки“, говоритъ Махъ, „объяснить механически спектры химическихъ элементовъ и несогласованіе теоріи съ опытомъ убѣдили меня во взглядѣ, что нельзя представить себѣ химическихъ элементовъ въ пространствѣ трехъ измѣреній“⁸⁾. Можно было-бы для полноты коллекціи и еще больше набрать различныхъ образовъ матеріи, созданныхъ фантазією различныхъ ученыхъ, но для нашей цѣли достаточно и этого, ибо и эти примѣры совершенно ясно удостовѣряють насъ, что мы имѣемъ передъ собою въ данномъ случаѣ не что иное, какъ цѣлый рядъ фантастическихъ существъ. Если предположить, что всѣ эти машинки, частицы, кольца, сферы, точки, атомы существуютъ въ дѣйствительности, то мы получимъ цѣлый пантеонъ миѳическихъ созданій, дѣятельностію которыхъ даже

¹⁾ *Введенскій*, Опять построенія теоріи матеріи, I, стр. 261.

²⁾ *Ланге*, II, стр. 191.

³⁾ *Страховъ*, Міръ какъ цѣлое.

⁴⁾ Основы химіи, 2-е изд. I, 358—363.

⁵⁾ Рѣчь о предѣлахъ естествознанія, перев. Милославскаго, Москва.

⁶⁾ Курсъ механики, *Будаева*, § 2.

⁷⁾ *Мейнертъ*, Механ. душевн. дѣят. стр. 6.

⁸⁾ *Ланге*, Ист. мат. II стр. 193—194, примѣч. 37.

на основаніи математическихъ вычисленій мы можемъ такъ или иначе объяснять, или правильнѣе, затемнять различныя перемѣны въ тѣлахъ, выводя воспринимаемое изъ воображаемаго, фактическое изъ мнѳологическаго ¹⁾.

79. Очевидно, въ представленіи о матеріи мы находимся въ области мнѳическаго творчества, ибо, какъ было уже сказано, мы придумываемъ матерію къ явленіямъ и олицетворяемъ свои выдумки, представляя ихъ существами, а потомъ этими существами думаемъ объяснить эти явленія. Что дѣло обстоитъ именно такъ, въ этомъ я могу сослаться даже на профессора Сѣченова, „Физика и химія“, говоритъ онъ, „какъ извѣстно, занимаются матеріальными явленіями, слѣдовательно для нихъ матерія есть тоже общее начало (каковыя есть и въ философскихъ системахъ). Онѣ и признають его, *перенося на матерію тѣ общія свойства*, которыя выработаны изученіемъ конкретныхъ явленій. Въ этомъ смыслѣ говорится: матерія всегда занимаетъ пространство, измѣримое въ трехъ направленіяхъ, имѣетъ вѣсъ, неразрушима, непроницаема, можетъ дробиться до безконечности, инертна. Говоря все это, никакой натуралистъ однако ни на минуту не забываетъ (будто!), что перечисленныя свойства суть отвлеченія отъ реальныхъ фактовъ, повторяющихся на каждомъ шагу. тогда какъ за общимъ понятіемъ „матерія“ *скрывается* съ одной стороны чисто ²⁾ *логическое* отвлеченіе, съ другой—*выводъ* изъ противоположенія всего матеріальнаго пространствамъ, ненаполненнымъ веществомъ“. „Вотъ, если-бы натуралисты вдругъ открыли такое тѣло, свойства котораго исчерпывались-бы протяженіемъ въ трехъ направленіяхъ, вѣсомъ, неразрушимостью, непроницаемостью и пр. т. е. одними общими свойствами матеріи,—тогда матерія перестала-бы быть одною логическою формою. На этомъ-то основаніи въ упомянутыхъ мною наукахъ, успѣхами которыхъ человѣчество не только гордится, но и пользуется, нѣтъ ни единого (*sic!*) *объ-*

¹⁾ Такимъ образомъ, если какую-нибудь науку и можно упрекать въ олицетвореніи и гиностазированіи абстракцій, то никакъ не философію или субъективную психологію, а скорѣе современное естествовѣдѣніе, физику и химию.

²⁾ Было-бы чисто логическое, если-бы не было фантастическое или такъ называемое „наглядное“.

ясненія, ни одинаго вывода ¹⁾, ни одинаго открытія, которое выходило-бы изъ представленій о матеріи, какъ общемъ началѣ. Наоборотъ, всякій натуралистъ, при всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ, постоянно опирается на такъ называемыя *общія свойства матеріи*, такъ какъ въ основѣ ихъ лежатъ реальные факты и отношенія ²⁾. Въ послѣднихъ двухъ предложеніяхъ профессора, очевидно, заключается вопіющее противорѣчіе, ибо въ первомъ утверждается, что нѣтъ ни одинаго объясненія, вывода или открытія, которое выходило-бы изъ „представленій“ о матеріи, какъ общемъ началѣ, а во второмъ—что всякій натуралистъ опирается именно на общія свойства матеріи, которыя конечно и составляютъ „представленія“ о матеріи какъ объ общемъ началѣ, такъ какъ такое начало мыслимо лишь съ общими свойствами. Но не смотря на противорѣчіе, мысль, которую онъ хочетъ высказать, ясна и высказана гораздо раньше его, такъ что, вѣроятно, представляетъ простой перифразъ слѣдующихъ весьма ясныхъ словъ Гельмгольца. Именно, по словамъ Гельмгольца: „объ атомахъ въ теоретической физикѣ сэръ Вильямъ Томсонъ говоритъ весьма мѣтко, что ихъ предположеніе не можетъ объяснить никакого свойства тѣлъ, которое не было-бы *придано* прежде самимъ атомамъ“. Это относится конечно и къ молекулямъ, справедливо замѣчаетъ Ланге. „Я вовсе не хочу“, продолжаетъ Гельмголецъ, „соглашаясь съ этимъ изреченіемъ, говорить противъ существованія атомовъ, но только противъ стремленія выводить изъ чисто гипотетическихъ предположеній объ атомическомъ строеніи тѣлъ основанія теоретической физики. Мы теперь знаемъ, что нѣкоторыя изъ этихъ гипотезъ, которыя въ свое время имѣли большее одобреніе, были очень далеки отъ истины“ ³⁾. Такимъ об-

¹⁾ Ниже изъ словъ Гельмгольца читатель увидитъ, что существовало (и теперь существуетъ) стремленіе выводить изъ матеріальныхъ атомовъ, какъ изъ общихъ началъ, основанія теоретической физики.

²⁾ Психолог. этюды, стр. 113.

³⁾ У Ланге, Истор. матер. II, стран. 191. Очевидно, Гельмголецъ указываетъ фактъ *вывода* изъ общаго понятія о строеніи матеріи многихъ гипотезъ, оказавшихся несостоятельными. Между тѣмъ профессоръ Сѣченовъ, какъ мы видѣли сейчасъ, столь рѣшительно утверждаетъ, что въ физикѣ и химіи „нѣтъ

разомъ, именно чрезъ придавіе матеріи или атомамъ свойствъ замѣчаемыхъ въ тѣлахъ возникаютъ разнообразныя „наглядныя“ представленія объ этихъ предметахъ современной науки. Гипостазированіе матеріи совершается именно черезъ этотъ процессъ.

80. Любопытно взглянуть, какъ эти „наглядныя“ представленія излагаются въ новѣйшихъ учебникахъ фізіологіи въ качествѣ общихъ объяснительныхъ принциповъ. Съ этою цѣлію мы сдѣлаемъ выписку изъ учебника Ландуа, едва-ли не лучшаго въ настоящее время по объективности изложенія и богатству свѣдѣній. „Весь видимый міръ, со включеніемъ всѣхъ живыхъ существъ“, говорится въ этомъ учебникѣ, „состоитъ изъ матеріи, т. е. изъ вещества, изъ субстанціи, выполняющей пространство. Мы различаемъ вѣсомую матерію, которая можетъ быть взвѣшиваема на вѣсахъ (когда говорятъ о веществѣ, то обыкновенно разумѣютъ только эту матерію) и невѣсомую матерію, которой нельзя взвѣсить. Последняя называется эиромъ (свѣтовой эиръ). Эиромъ выполнено пространство вселенной, по крайвей мѣрѣ, до самыхъ отдаленныхъ звѣздъ. Не смотря на свою невѣсомость, эиръ обладаетъ опредѣленными механическими свойствами: онъ бесконечно тоньше и рѣже всякаго газа, во по своимъ качествамъ болѣе приближается къ твердымъ тѣламъ, чѣмъ къ газамъ. Его можно уподобить не воздуху, но студенистой массѣ. Если мы будемъ раздѣлять вѣсомую матерію на все меньшія и меньшія части, то наконецъ дойдемъ до мельчайшихъ *частицъ*, въ которыхъ еще можно различить состояніе агрегаціи. Частицы желѣза являются твердыми, воды—капельно-жидкими, кислорода—газообразными. Если мы будемъ дѣлить эти частицы, то дойдемъ до границы, за которою уже невозможно дальнѣйшее дѣленіе ни механическими, ни физическими средствами; на этой границѣ доходимъ до *молекулъ*. Слѣдовательно, молекула есть мельчайшая частица тѣла, которая еще можетъ существовать свободно; молекула въ отдѣльности уже не представляетъ никакого

ни единого объясненія, ни единого вывода“, которые выходили-бы изъ представленія о матеріи какъ общемъ началѣ. Кому вѣрить? И вѣдь рѣчь идетъ не о взглядѣ на фактъ, а о фактѣ!

состоянія агрегации. Каждая молекула есть группа малѣйшихъ частицъ, называемыхъ *атомами*. Отдѣльные атомы не могутъ существовать въ свободномъ состояніи; однородные или разнородные атомы всегда соединяются въ группы, называемыя молекулами. Атомы, какъ показываетъ самое названіе ихъ, абсолютно недѣлимы. Мы представляемъ себѣ отдѣльные атомы твердыми и имѣющими постоянную величину. Съ химической точки зрѣнія атомъ элементарнаго тѣла есть малѣйшее количество этого вещества, способное вступать въ химическое соединеніе. Въ вѣсомой матеріи каждый вѣсомой атомъ окружается атомами ээира. Эти группы, названныя Редтенбахе-ромъ *динамидами*, стремятся другъ къ другу, вслѣдствіе взаимнаго притяженія вѣсомыхъ атомовъ, но онѣ могутъ приблизиться другъ къ другу настолько лишь, насколько позволяетъ это взаимное отталкиваніе атомовъ ээира, расположенныхъ на периферіи динамидъ". Очевидно молекулы состоятъ изъ динамидъ. „Въ твердыхъ тѣлахъ, отличающихся постоянствомъ объема и неизмѣнностью формы, молекулы расположены такъ, что не могутъ измѣнять своего положенія относительно другъ друга. *Капельно-жидкія* тѣла имѣютъ постоянный объемъ, но измѣнчивую форму; молекулы ихъ, находясь въ постоянномъ движеніи, измѣняютъ свое положеніе относительно другъ друга (примѣромъ такого движенія можетъ служить куча кишачныхъ червей или насѣкомыхъ, въ которой составляющія ее единицы постоянно мѣняютъ свое мѣсто). *Газообразныя* тѣла не имѣютъ ни постоянной формы, ни постоянного объема; ихъ молекулы не только находятся въ постоянномъ движеніи, но и стремятся разойтись другъ съ другомъ (превращеніе жидкаго тѣла въ газообразное можно сравнить съ превращеніемъ кишачей кучи маленькихъ жуковъ въ улетающій рой)"¹⁾. Таково строеніе матеріи по распространенному представленію. Именно изъ такой-то матеріи будто-бы состоятъ всѣ тѣла на свѣтѣ, въ томъ числѣ и органъ психическихъ явленій—нашъ мозгъ. Однако всѣ эти ато-

¹⁾ Ландуа, Учебн. фізіологіи человѣка, стр. 2—4. Сравни: Бони, Новая основы фізіологіи человѣка, I, стр. 1—8.

мы, динамиды, молекулы суть простые продукты нашего воображенія, олицетворенія нашихъ предположеній, въ дѣйствительности не существующія, а существующія единственно въ воображеніи. Если-бы мы признали ихъ существующими дѣйствительно, то это была-бы миеологія. И Ландуа, какъ кажется, именно держится этой миеологіи, равно какъ и всѣ раздѣляющіе это наивное убѣжденіе. Чтобы избавиться отъ этого миеологическаго элемента, слѣдуетъ только считать все это субъективное построеніе не дѣйствительностію, а именно тѣмъ, что оно есть, т. е. простымъ субъективнымъ представленіемъ и вымысломъ нашей фантазіи. Но тогда, конечно, возникаетъ вопросъ о значеніи этого вымысла въ наукѣ.

81. Итакъ гипотезы о матеріи, лежащей въ основѣ тѣлъ, суть субъективныя построенія. Атомы, динамиды, молекулы—просто образы фантазіи. Никто никогда этого не наблюдалъ и наблюдать не можетъ, ибо наблюденію подлежатъ массы, а не эти воображаемая существа. Если-бы мы увидали, напри-мѣръ, атомъ, положимъ, въ микроскопъ, то онъ тотчасъ превратился-бы для насъ въ массу, въ тѣло, и пересталъ-бы быть атомомъ. Такъ какъ всѣ молекулы, динамиды, частицы состоятъ, по выше приведенному взгляду, изъ атомовъ вѣсомой или невѣсомой матеріи, то мы можемъ считать во всемъ этомъ построеніи основнымъ образомъ матеріи именно атомъ. Поэтому выясненіе значенія въ наукѣ всѣхъ этихъ построеній будетъ зависѣть отъ выясненія значенія представленія объ атомѣ. Значеніе это выясняется слѣдующими соображеніями. Мы уже сказали, что атомъ не дѣйствительная вещь или существо, а представленіе. Онъ есть представленіе такого количества матеріи, которое не можетъ быть доступно наблюденію, слѣдовательно онъ есть *количественное* представленіе. Къ этому представленію умъ нашъ приходитъ посредствомъ уменьшенія всякаго даннаго количества вещества чрезъ его мысленное дѣленіе, по подобію того, какъ въ математикѣ мы можемъ воображать величину меньше всякой данной. Остановивъ такое уменьшеніе вещества тамъ, гдѣ оно изъ наблюдаемаго становится лишь представляемымъ, мы можемъ полученныя въ результатѣ воображаемая частицы принять за

условныя единицы, служащія къ измѣренію большихъ вещественныхъ массъ, ихъ свойствъ и дѣйствій, по подобію того, какъ при измѣреніи длины мы условно выбираемъ и устанавливаемъ величину, равняющуюся аршину, вершку или линіи, и мысленно *содержимъ* эту величину въ другихъ величинахъ, т. е. сравниваемъ ее съ другими измѣряемыми ею величинами. Стремясь къ познанію и изученію матеріи съ количественной стороны, нашъ умъ необходимо долженъ различать ея количественныя величины, ибо только чрезъ различеніе одной величины отъ другой и возможно такое познаніе. Для точности же различенія должно различаемыя количества измѣрять сравненіемъ съ постоянною единицей того-же рода. Но такъ какъ опытъ не даетъ никакихъ неизмѣнныхъ матеріальныхъ величинъ, то нашъ разумъ и беретъ за единицу не опытную, а по своей малости лишь представляемую величину матеріи, т. е. атомъ, и измѣряетъ массы тѣлъ этой величиной какъ своего рода аршиномъ. Какъ изъ аршинъ слагаются сажени и версты, такъ и изъ атомовъ—динамиды, молекулы и частицы. И какъ отъ мысленнаго отдѣленія верстъ можно получить сажени и аршины, такъ отъ дѣленія молекулъ и частицъ можно получить атомы. Ясно, что при помощи этихъ представляемыхъ условныхъ величинъ мы можемъ производить такія-же точныя вычисленія относительно матеріальныхъ явленій, какъ и при помощи единицъ мѣры и вѣса въ ариметикѣ, или треугольниковъ въ геометріи. Такимъ образомъ атомы, не будучи представленіемъ опытнымъ, а совидаемымъ фантазіей, все-таки оказываются въ согласіи съ опытомъ. Но еслибы мы стали утверждать, что тѣла въ самомъ дѣлѣ раздѣлены на атомы, то это равнялось-бы утверженію, что цѣльный кусокъ матеріи въ 10 аршинъ раздѣленъ на 10 кусковъ по аршину, или что міръ состоитъ изъ вершковъ или аршинъ, лежащихъ въ немъ одинъ за другимъ, подобно какимъ-нибудь кирпичамъ. Какъ въ послѣднемъ случаѣ мы вершки превратили-бы изъ условныхъ представляемыхъ количествъ въ мнѣшескія существа, такъ и въ первомъ мы подобнымъ-же образомъ гипостазировали-бы свое субъективное представленіе объ атомѣ. Именно въ смыслѣ методологическаго представленія

условной единицы понимаютъ атомъ въ настоящее время весьма многіе ученые. „Атомическое ученіе“, говоритъ профессоръ Менделѣевъ, „химіею должно быть принимаемо только какъ *пріемъ*, подобный тому пріему, который употребляетъ математикъ, когда сплошную кривую разбиваетъ на множество прямыхъ линій, и только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ можно допустить справедливость атомной гипотезы“ ¹⁾. „Физическій атомъ, т. е. въ сравненіи съ обыкновеннымъ тѣломъ чрезвычайно малая масса матеріи“, говоритъ Дю-Буа-Реймонъ, „составляетъ логическую, и смотря по обстоятельствамъ, полезную *выдумку математической физики*“ ²⁾. Представленіе атомовъ, въ такомъ смыслѣ понимаемое, Тэтъ называетъ *математической фикціей*, крайне удобной въ нѣкоторыхъ случаяхъ для физико-математическихъ изслѣдованій ³⁾. Даже Бюхнеръ, повидимому, держится тѣхъ-же воззрѣній. „Слово атомъ“, говоритъ онъ, „есть только выраженіе неизбежнаго для насъ *представленія*, которое мы сами налагаемъ на вещество“ ⁴⁾. Менделѣевъ даже прямо доказываетъ, что допущеніе „дѣйствительныхъ“ атомовъ въ природѣ было-бы несогласимо съ такъ-называемыми неопредѣленными химическими соединеніями или смѣсями и растворами ⁵⁾. Мы уже указывали, что въ настоящее время, дѣйствительно, атомъ перестаетъ играть въ наукѣ ту роль, какую онъ до сихъ поръ игралъ. Физическія науки находятъ возможность обходиться безъ этой фикціи. „Математическая физика“, по словамъ Гельмгольца, „приняла другой характеръ въ рукахъ Гаусса, Ф. Е. Неймана и ихъ учениковъ между нѣмцами, такъ-же какъ и у тѣхъ математиковъ, которые въ Англіи примкнули къ Фарэдэю, у Стокса, В. Томсона, К. Л. Максвелла. Они поняли, что и математическая физика есть чисто опытная наука, что ей нужно слѣдовать

1) Основы химіи, 2-е изд. т. I, стр. 363.

2) Рѣчь о предѣлахъ естествознанія.

3) Лекціи о новѣйшихъ успѣхахъ физическихъ знаній, перев. подъ редакц. Съченова, стр. 261.

4) Сила и матерія, стр. 19. Смысла въ моей книгѣ: Обзоръ философскихъ ученій. Москва, 1880. II стр. 130.

5) Основы химіи, I стр. 359.

тѣмъ-же принципамъ, какъ экспериментальной физикѣ. Непосредственно въ *опытъ* мы находимъ предъ собой только протяженные разнообразнаго вида и состава *тѣла*; только на такихъ тѣлахъ мы и можемъ дѣлать свои наблюденія и опыты. Дѣйствія ихъ составлены изъ дѣйствиій, которыя всѣми ихъ частями вносятся въ сумму цѣлаго, и если мы, слѣдовательно, хотимъ изучать одинъ за другимъ самыя простыя и общія законы дѣйствія найденныхъ въ природѣ массъ и веществъ и въ особенности хотимъ освободить эти законы отъ случайностей формы, величины и положенія совокупно дѣйствующихъ тѣлъ, то мы должны восходить до законовъ дѣйствія малѣйшихъ частей объема или, какъ ихъ называютъ математики, элементовъ объема. Но эти элементы *не отдѣльны и различны, какъ атомы, а непрерывны и однородны*“¹⁾. „Представляютъ себѣ“, говоритъ Ланге, „тяжесть всего тѣла, разложенную на тяжести множества гипотетическихъ пунктовъ, и сумма этихъ тяжестей есть масса“²⁾. Итакъ, воображаемые атомы и составляемые изъ нихъ динамиды, молекулы, частицы, не суть что-то существующее помимо воображенія. Это вспомогательныя методологическія построенія науки, которыми она пользуется при своихъ вычисленіяхъ, символически обозначая ими количества и наименьшіе объемы, подобно тому какъ буквами латинской азбуки символически обозначаютъ количества въ алгебрѣ, или элементы въ химіи. Значеніе этихъ символовъ, слѣдовательно, не реальное, а идеальное: это суть воображаемыя вспомогательныя построенія, подобныя математическимъ построеніямъ того-же рода. Вѣдь кто разбиваетъ кривую на точки, тотъ не долженъ забывать, что онъ дѣло имѣетъ все-таки съ непрерывною линіей, а не съ точками. Кто взмѣряетъ силу паровой машины числомъ лошадиныхъ силъ, тотъ ни на минуту не долженъ забывать, что тутъ нѣтъ никакихъ лошадей. Поэтому полагать, что всѣ эти атомы и молекулы существуютъ въ дѣйствительности, значило-бы тоже, что лошадиныя силы машины

¹⁾ Рѣчь въ память Густава Магнуса, у Ланге, Ист. мат. II, стр. 191.

²⁾ Ibid II, стр. 198.

считать дѣйствительными лошадьми, т. е. значило-бы впадать въ самую грубую миеологію.

82. Но если такъ, то и мозгъ нашъ не можетъ состоять въ дѣйствительности изъ этихъ символическихъ построеній. Мозгъ есть воспринимаемое тѣло, а построенія эти суть воображаемые образы. Конечно и это различіе есть различіе только субъективное, ибо оно сводится къ различію между воспріятіемъ и построеніемъ воображенія; но оно доказываетъ не однородность того и другаго, а только то, что и мозгъ, и атомы суть представленія и внѣ представленія не существуютъ. Это естественно, если, по ученію фізіологіи, и самое пространство есть лишь производеніе сознанія: если мозгъ есть субъективный образъ въ субъективномъ пространствѣ, то и атомы, и молекулы, и динамиды тоже, ибо они пространственны. Вообще матерія, какъ нѣчто наполняющее пространство, въ случаѣ субъективности пространства, ничѣмъ объективнымъ, независимымъ отъ нашего представленія быть не можетъ. Поэтому весьма странно читать слѣдующія выше приведенныя слова Мейнерта: „по выраженію Шопэнгауэра“, говоритъ Мейнертъ, „до Канта наша голова находилась въ пространствѣ, со времени Канта—пространство заключилось въ нашей головѣ. Мозгъ, раздражаемый силами, исходящими отъ атомовъ (сами атомы не могутъ считаться принадлежащими къ міру явленій), создаетъ не только вещи, но и пространство, въ которомъ располагаются эти вещи, а къ числу вещей принадлежитъ также и наше тѣло“ ¹⁾. Профессоръ забываетъ, что и мозгъ тоже принадлежитъ къ тѣлу и что атомы или силы, изъ нихъ исходящія, дѣйствуютъ въ пространствѣ. Создавая пространство, матеріальныя вещи и тѣло, мозгъ, слѣдовательно, создаетъ самъ себя, но это противорѣчіе, ибо какъ создающій онъ долженъ существовать раньше пространства, тѣла и мозга въ тѣлѣ, имъ создаваемыхъ, а какъ создаваемый, онъ долженъ существовать послѣ тѣла и пространства. Но тѣло съ мозгомъ, производимое мозгомъ,—нелѣпость; равно нелѣпость и мозгъ существующій раньше пространства и тѣла, имъ создаваемыхъ,

¹⁾ Механ. душев. дѣятельности, стр. 10.

слѣдовательно, мозгъ не пространственный и не тѣлесный, слѣдовательно, физиологій не доступный, о функціяхъ котораго она говорить не имѣетъ никакого права. Итакъ, какъ самъ мозгъ есть образъ сознанія, такъ и матерія есть образъ сознанія, создаваемый въ видѣ вспомогательнаго построенія для удобства представленія и познанія познаваемыхъ пространственныхъ вещей. Такою матеріею нельзя объяснять свойствъ мозга. Такъ физиологія органовъ чувствъ въ корнѣ подрѣзываетъ матеріализмъ. Отъ матеріи обратимся теперь къ силѣ.

М. Остроумовъ.

(Продолженіе будетъ).

СУДЬБЫ ИДЕИ О БОГѢ

ВЪ

ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

(Продолженіе *).

6. *Атомисты*. Одновременно съ Эмпедокломъ и Анаксагоромъ жилъ основатель атомистической философской школы *Левкиппъ*, а нѣсколько позже—главный представитель той-же школы—*Демокритъ*, ученикъ Левкиппа. Ученія обоихъ этихъ представителей названной школы такъ тѣсно связаны между собою, что излагать ихъ можно только въ неразрывномъ взаимоотношеніи, какъ міровоззрѣніе атомистовъ вообще, тѣмъ болѣе, что личность Левкиппа, за личностію провозвѣстника его ученія—Демокрита, какъ-бы ступшевается настолько, что уже Эпикуръ сомнѣвался въ самомъ существованіи Левкиппа.

Основоположеніе философскаго міросозерцанія атомистовъ, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что они признавали первоначаломъ всего безчисленные, разнообразныя по формѣ и различныя качественно, недѣлимые вещества или атомы, которые, подъ условіемъ вѣчнаго движенія, никѣмъ не произведеннаго, послужили основаніемъ къ образованію всего существующаго, всѣхъ міровъ, въ числѣ которыхъ находится и обитаемый нами, всѣхъ вещей и существъ неорганическихъ и органическихъ. Въ этомъ видно со-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1888 г. № 17.

прикосновеніе ихъ ученія съ ученіемъ Анаксагора объ оміомеріяхъ ¹⁾. Даже душа, которую атомисты считали благороднѣйшею составною частію человѣка, по ученію ихъ состоитъ изъ тонкихъ гладкихъ и круглыхъ атомовъ, именно такихъ, какіе составляютъ собою огонь, который разлитъ по всему тѣлу и, благодаря вдыханію, не выходитъ совсѣмъ изъ человѣка, пока послѣдній живетъ, но пополняется изъ воздуха. Такимъ образомъ материалистическое направленіе философіи атомистовъ уже и отсюда видно. Но замѣчательное обстоятельство! Не смотря на этотъ матеріализмъ, который сенсуалисты, начиная съ Бакона Веруламскаго, принимаютъ для своихъ ученій въ основаніе и на которомъ зиждется теперешній матеріализмъ, атомисты не доходили до такой степени отрицанія всего священнаго, какая замѣчается въ наше время и у современныхъ намъ матеріалистовъ. То, что было священно для всякаго грека, священно было и для атомистовъ. Прежде всего, посмотрите, сколь высокъ личный нравственный характеръ напр. Демокрита. Онъ велъ почти аскетическую жизнь, отказался отъ радостей семейной жизни и т. д. ²⁾. Затѣмъ, посмотрите, какъ высоки нравственныя правила хотя бы того-же Демокрита. Вы не найдете въ нихъ и слѣда не только теперешняго матеріализма, но и самаго атомизма. Особенно важны въ настоящемъ случаѣ слѣдующія религіозно-нравственныя правила и положенія: „Душа есть жилище Божества“;—„Боги издревле подавали и теперь подаютъ людямъ все только доброе, а отнюдь не злое, вредное и бесполезное. Въ это послѣднее люди сами впадаютъ по слѣпотѣ ума и невѣдѣнію“;—„Люди просятъ у боговъ, въ молитвахъ своихъ къ нимъ, здоровья, а того и не знаютъ, что сами владѣютъ средствами къ тому, чтобы быть здоровыми: живя не воздержно, они сами становятся предателями своего здоровья въ пользу похотей“;— „Только тѣ одни боголюбезны, для которыхъ отвратительно

¹⁾ Ближе объ этомъ соприкосновеніи см. въ статьѣ проф. В. Д. Кудрявцева. „Материалистическій атомизмъ“ въ *Прибав. къ твор. св. Отц.* 1880, XXVI, 672.

²⁾ М. Н. Каткова, упомянут. изслѣдованіе въ *Пропилеяхъ* I, 353—354.

дѣлать несправедливость“ и под. ¹⁾ И это не пустяя только слова, каковыми считают ихъ вѣкоторые ²⁾, обращающіе вниманіе лишь на теоретическую сторону ученія атомистовъ, а выработанныя долгимъ размышленіемъ и жизненною дѣятельностію глубокія изреченія истины. Возвышенность и строгость этихъ и подобныхъ правилъ могла-бы быть урокомъ для матеріалистовъ нашего вѣка. Правда, то, что мы видимъ въ подобныхъ вышеприведеннымъ правиламъ, атомистами куплено, быть можетъ, цѣною непослѣдовательности основнымъ положеніямъ ихъ философіи; но за то въ нихъ ясно видится нежеланіе атомистовъ осквернять то, что священно для человѣка. Матеріализмъ атомистовъ отнюдь не зависѣлъ отъ преднамѣреннаго усилія ихъ овеществить все духовное, какъ то дѣлается нынѣшними матеріалистами; онъ стоялъ въ связи съ основоположеніями ихъ теоретической философіи. Самые атомы понадобились Левкиппу, Демокриту и ихъ послѣдователямъ лишь для того, чтобы представить болѣе удовлетворительный, по ихъ мнѣнію, способъ объясненія природы, которая въ ихъ время занимала умы всѣхъ сколько-нибудь мыслящихъ людей,— чтобы представить такое-же объясненіе и всего являющагося въ природѣ, подлежащаго наблюденію человѣческому.— Но еще болѣе значенія имѣютъ для насъ въ настоящемъ случаѣ объясненія атомистовъ, касающіяся религіи. Какъ въ религіозно-нравственной, такъ и въ религіозной собственно области Демокриту отнюдь не хотѣлось прямо разрушать народныхъ представленій о Божествѣ, столь священныхъ для народа. Однако и въ этой области онъ попытался сдѣлать объясненіе, хотя сколько-нибудь подходящее къ основнымъ положеніямъ его теоріи. Онъ не отвергалъ возможности проявленія силы боговъ въ дѣйствіяхъ чрезвычайныхъ, возможности обобщенія извѣстныхъ понятій въ богахъ и олицетворенія ихъ въ послѣднихъ. Онъ полагалъ, что демоны, населявшіе по народнымъ вѣрованіямъ, воздуш-

¹⁾ Эти правила можно читать въ ряду „Изреченій древнѣйшихъ греческихъ мыслителей“, помѣщенныхъ въ жур. *Впра и Разумъ* за 1885 г. №№ 13, 15 и 16.

²⁾ Напр. *Zeller*, I, 835.

ное пространство, суть дѣйствительно живыя существа, по виду похожія на людей, но далеко превосходящія ихъ величиною, силою и долговѣчностію, какъ существа нетлѣныя, а равно и нравственными свойствами, и производящія то благодѣтельное, то вредное вліяніе на людей. Образы (εἰδῶλα, δεικῆλα), выдѣляемые этими существами изъ себя и являющіеся людямъ въ сонномъ или въ бодрственномъ состояніи, и были сочтены людьми, по его мнѣнію, за Божество (οἱ παλαιοὶ ὑπενόησαν εἶναι θεόν ¹⁾), ибо кромѣ ихъ не существуетъ никакого Бога, который-бы имѣлъ нетлѣнное естество (μηδενὸς ἄλλον παρὰ ταῦτα ὄντος θεοῦ τοῦ ἀφ' ὧν φάρτων φύσιν ἔχοντος) ²⁾. Подобное-же объясненіе даетъ онъ также пророчествамъ, нѣкоторымъ священнымъ предметамъ и под. ³⁾. Въ этомъ смыслѣ не безъ основанія называлъ онъ Божественнымъ и душевное и разумное въ человѣкѣ, какъ проявленіе вышеупомянутаго огня. Въ томъ-же смыслѣ и свѣтила небесныя называлъ онъ богами или божествами, такъ какъ они суть главное вмѣстилище этого Божественнаго огня ⁴⁾. Такимъ образомъ все показываетъ, какъ мало Демокритъ хотѣлъ разрушать вѣковыя вѣрованія своего народа. Но уже и изъ сказаннаго доселѣ видно, что шагъ къ такому разрушенію имъ былъ сдѣланъ въ самомъ объясненіи этихъ вѣрованій. Кромѣ вышеприведеннаго объясненія того, какимъ образомъ у людей составилось представленіе о Божествѣ, котораго въ согласной представленію дѣйствительности, по Демокриту, нѣтъ, сюда относятся еще слѣдующіе отрывки ученія того-же философа, которое клонится также къ объясненію того, какъ составились различныя черты того-же представленія. „Видя въ воздушныхъ пространствахъ,—читаемъ въ этихъ отрывкахъ,—такія явленія, какъ громы и молніи, гроза и падающія звѣзды, а также затменія солнца и луны, древніе люди приходили въ страхъ, думая, что виновниками этихъ явленій служатъ боги“ ⁵⁾. Или еще: „простирая руки въ то пространство, которое всѣ мы, греки, теперь называемъ воздухомъ, люди

¹⁾ Ritter-Preller, p. 49. Mullach. p. 358. ²⁾ Ibid. ³⁾ Zeller, I, 838 f. ⁴⁾ Ibid. p. 135 f. Conf. Tertull. ad nat. II, 2. ⁵⁾ Ritter-Preller, p. 49.

говорятъ, что весь онъ есть Зевсъ; что онъ все вѣдаетъ, все даруетъ и отъемлетъ и что онъ есть царь всего¹⁾. По связи съ тѣмъ Гомеровы представленія о богахъ Димокритъ, по свидѣтельству древнихъ, толковалъ аллегорически²⁾; именно Зевсъ, по его мнѣнію, означаетъ воздухъ, Аѳина Паллада— мудрость и т. д.³⁾. Но то безспорно, что о самомъ Гомерѣ онъ былъ высокаго мнѣнія⁴⁾. Да и объясненія божествъ, имъ предложенныя, какъ можно видѣть уже и изъ сейчасъ приведенныхъ, не противорѣчили основнымъ религіознымъ представленіямъ грековъ, какъ намъ извѣстно, почему, быть можетъ, Димокритъ и не былъ такъ преслѣдуемъ какъ Анаксагоръ.

Сводя итоги отношенія атомистовъ къ философскому раскрытію идеи Божества, мы прежде всего не можемъ не отмѣтить движенія впередъ, сдѣланнаго ихъ школою⁵⁾. Природа съ ея явленіями, какъ мы замѣчали выше, во времена атомистовъ занимала умы всѣхъ мыслящихъ людей. Анаксагоръ, слишкомъ занятый отысканіемъ первопричины міроваго движенія, порядка и устройства, оставилъ открытымъ вопросъ о ближайшемъ объясненіи процесса міровой жизни. Но уже Эмпедоклъ указалъ на нѣкоторую множественность стихій міробытія. Анаксагоръ привелъ понятіе оміомерій для той-же цѣли. Атомисты-же установили цѣлую теорію первичныхъ недѣлимыхъ веществъ или атомовъ для объясненія бытія и явленій всей природы, не исключая и духовной. Въ этомъ они оказали большую услугу философіи природы, которою занимались всѣ философы архаическаго періода. Въ отношеніи къ явленіямъ духовной жизни атомисты, особливо Димокритъ, своимъ различеніемъ и опредѣленіемъ понятій, уже по замѣчанію Аристотеля⁶⁾, были предвѣстниками и

1) *Ibid.* p. 49—50. *Mullach.* p. 370.

2) *Ritter-Preller*, p. 50.

3) *Zeller*, I, 835 f.

4) *Mullach.* p. 370. Сравни. *М. Н. Каткова* въ *Пропил.* III, 160.

5) О ближайшихъ послѣдователяхъ Левкиппа и Димокрита, какъ не пѣвшихъ особеннаго значенія для раскрытія понятія о Богѣ, мы не будемъ говорить.

6) *Metaph.* XIII, 4

предшественниками Сократа. Самыя аллегорическія объясненія божествъ народной религіи не остаются безъ значенія для дальнѣйшаго движенія религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи. Но за всѣмъ тѣмъ уже изъ представленнаго очерка атомистическаго ученія нельзя не видѣть и пониженія того уровня чистоты и возвышенности понятія о Богѣ, котораго можно было ожидать отъ философіи и до котораго она было даже дошла въ лицѣ предшествовавшихъ атомистамъ философовъ. Какъ Гезіодъ нѣкогда, своею попыткою произвести Зевса отъ Геи, т. е. земли, будто-бы ни отъ кого не происшедшей, низвелъ Божество съ неба на землю ¹⁾, такъ и атомисты отнесли къ Божеству въ своихъ объясненіяхъ существа, свойствъ и явленій Его. Они прежде всего низвели боговъ на степень демоновъ, высшихъ чело-вѣка, но низшихъ истиннаго Божества существъ. А затѣмъ почти фантастическимъ представили существованіе и самыхъ этихъ демоновъ, почти дошедши до того, о чемъ еще въ древности сказано: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Псал. 13, 1). Такого рода отношеніе атомистовъ къ Божеству и Божественному не должно было остаться безъ вредныхъ послѣдствій для дальнѣйшихъ ступеней въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи, какъ то мы и увидимъ въ свое время. И какъ при разсмотрѣннй отношенія Гезіода къ идеѣ Божества, въ заключеніе, мы не могли не выразить желанія, чтобы слѣдовавшіе за нимъ мыслители исправляли его погрѣшности, устранили оставленныя имъ неустраненными противорѣчія, уяснили вновь вызванныя имъ недоразумѣнія и чтобы вообще были основательнѣе его въ разрѣшеніи интересующаго насъ вопроса ²⁾, такъ подобное желаніе поневолѣ приходится выражать и теперь.

У. Юрсунскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ См. наше изслѣдованіе въ журн. *Вѣра и Разумъ* 1884. II, 219.

²⁾ Тамъ-же, стр. 220.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Сентября 1888 года.

Содержаніе: Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Отъ Комитета для сбора пожертвованій бѣднымъ церквамъ и приходамъ Харьковской епархіи.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки—Объявленія.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Въ Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества съ 1 іюня по 1 сентября поступило: отъ церквей 3-го округа Старобѣльскаго уѣзда 60 р., церквей 4 округа того-же уѣзда—147 р. 75 к.,—церквей 3-го округа Зміевского уѣзда—73 р. 30 к., церквей того-же уѣзда 2-го округа—60 р. 15 к. и членскихъ взносов крестьянина Ивана Однорядкина — 3 р. и купца Григорія Хоруженко—3 р. Отъ церквей 1-го округа Волчанскаго уѣзда—57 р. 60 к.,—церквей того-же уѣзда 2-го округа—64 р. 3 к.,—церквей 1-го округа Валковскаго уѣзда—59 р. 57 к., въ томъ числѣ отъ псаломщика Александра Грабовскаго—10 к., старосты Трофима Маличенка—20 к., Анны Дьяковой—20 к., протоіерея Бакановскаго—50 к., Пантелеймона Зинченка—30 к., Семена Чижика—15 к., Федора Вокало—15 к., Ивана Босяка—15 к., Ирины Алексѣенковой—15 к., Татьяны Бондаревой—10 к., Стефана Гаращенко—10 к., Іоакима Богатыря 5 к. и Фирса Бійника—5 к. Отъ церквей 1-го округа Купянскаго уѣзда—66 р., церквей 2-го округа того-же уѣзда—80 р. 62 к.,—церквей 2-го округа Старобѣльскаго уѣзда—65 р. 88 к.,—церквей 4-го округа Изюмскаго уѣзда—27 р.,—церквей 1-го округа Ахтырскаго уѣзда—113 р. 10 к., церквей 2-го округа того-же уѣзда—83 р., въ томъ числѣ отъ

священника Николая Яковлева—3 р., подполковницы Маріи Бѣлогрудовой—3 р., мѣщанина Гавріила Тимофѣева—4 р., крестьянина Ивана Бѣлевцова 1 р., солдата Антона Старкова—20 коп., Гавріила Соловьева—1 р., Артема Бѣловцева—1 р., Ивана Рагулина—1 р., Косьмы Масалитина—1 р., Евфима Зеленина—1 р., Петра Заклина—1 р., Василия Соловьева—1 р., унтеръ-офицера Якова Бѣлявцева—50 к., Косьмы Грובהа—50 к., Семена Маринина—50 к., Герасима Миронова—50 к., Григорія Бѣловцова—40 к., Марка Маринина—1 р., Василия Рогулина—50 к., Петра Войтенка—20 к., Николая Рогулина—50 к., Тимофѣя Круговаго—20 к., Михаила Миронова—20 к., Карпа Зеленина—25 к., Сергѣя Зеленина—1 р., Андрея Зеленина—50 к., Ивана Сколозубова—50 к., Емельяна Миронова—1 р., Пантелеймона Христюшина—25 к., Василия Гилесолазова—25 к., Михаила Рогулина—25 к., Григорія Воронова—50 к., Ѳедора Тарасова—20 к., унтеръ-офицера Стефана Христюшина—50 к., Василия Мальцева—50 коп., Трофима Рогулина—50 к., Димитрія Перекрестова—1 р., Данила Попова—1 р., Пантелеймона Маринина—1 р., священника Владиміра Красовскаго—40 к., Таисіи Красовской—6 к., псаломщика Данила Капустянскаго—25 к. и прихожанъ сел. Каменецкаго—1 р. 45 к. Отъ церквей 3-го округа Ахтырскаго уѣзда—33 руб. 24 к., церквей 1-го округа Лебединскаго уѣзда—42 р. 25 коп., херсонскаго купца Ивана Макарова—3 р., настоятеля святогорской пустыни Изюмскаго уѣзда—7. руб., отъ церквей 2-го округа Зміевскаго уѣзда 19 р. 25 к., въ томъ числѣ отъ Павла Криволапова—3 р., Мокія Кочетова—3 р., Евфрема Кульжина—3 р., Агапія Надѣина 20 к., Ивана Безлѣпкина—20 к., Павла Мелихова—20 к., Павла Трубчанинова—20 к., Ивана Безлѣпкина—1 р., Захара Андреева—15 к., Андрея Бородина—20 к., Антона Якимова—50 к., Андрея Шомина—20 к., Григорія Якимова—20 к., Федора Кобилева—1 р., Василия Сотникова—1 р., Гавріила Сотникова—1 р., Петра Уткина—20 к., прихожанъ сел. Верхняго Бишкина—3 р., и селевія Асѣвки—1 р., отъ священника слободы Наугольновки Михаила Ѳенева—3 р., собрано причтомъ сел. Мѣловой—10 р., отъ церквей города Харькова: Всѣхсвятской—20 р. 24 к., Димитріевской—53 р., Благовѣщенской—20 р. 20 к., Христорождественской—15 р. 10 к., Воскресенской—51 р. 30 к., Преображенской—15 р., Александро-Невской 20 р., Архангело-Михайловской—36 р., Свято-Духовской—38 р. 87 к., Вознесенской—41 р. 10 к., Петро-Павловской—5 р. 50 к., Рождество-Богородичной—12 р. 20 к.,

Кресто-Воздвиженской—17 руб. 20 к., Пантелеймоновской—20 р. Николаевской—36 р. 40 к., Троицкой—50 р., Сел. Основы Иоанно-Предтеченской—1 р. 25 к., сел. Ивановки Иоанно-Богословской ц.—20 р. 30 к., сел. Алексѣевки Рождество-Богородичной—4 р. 45 к., и сел. Малой Даниловки Константино-Еленовской—1 р. 20 к., отъ 3-го округа Изюмскаго уѣзда—67 р. 91 к., Надворнаго Совѣтника Георгія Дарюина—3 р., благочиннаго 1-го Округа Изюмскаго уѣзда—3 р.,—церквей того-же округа—86 р. 54 к.,—церквей 3-го округа Харьковскаго уѣзда—25 р. 50. Отъ священниковъ: Іоанна Чудновскаго—3 р., Василя Толмачева—3р., Автонома Крыжановскаго—3 р., Василя Щекина—3 р., Григорія Ходскаго—3 р., Петра Дейниковскаго—3 р., Владиміра Раевского—3 р., Максима Рубинскаго—3 р., Матвѣя Васильковскаго—3 р., Петра Торанскаго—3 р., Николая Жукова—3 р., Григорія Павлова—3 р., Іоанна Филевскаго 3 р., Льва Базилевича—3 р., Виктора Троянова—3 р., Іліи Созонтьева—3 р., Василя Васильковскаго—3 р., Петра Макухина—3 р., Василя Насѣдвина—3 р., Василя Збукарева—3 р., Василя Виноградскаго—3 р., Николая Сергѣева—3 р., Тимофѣя Ѳедорова—3 р., Василя Ковалевскаго—3 р., Николая Ильинскаго—3 р., Василя Филевскаго—3 р., и Георгія Рубинскаго—3 р. отъ церквей 3-го округа Волчанскаго уѣзда—30 р. 94 к., отъ священника слободы Борвенково Георгіевской церкви Іоанна Полицкаго—10 рубл. Изъ Харьковскаго Городскаго Купеческаго банка по 14 мѣ билетамъ вѣчныхъ вкладовъ годичные проценты—87 р. 68 к., и отъ церквей 1-го Харьковскаго уѣзда—47 руб. 23 коп.—Итого 2006 р. 94 к.

Отъ Комитета для сбора пожертвованій бѣднымъ церквамъ и приходамъ Харьковской Епархіи.

Въ половинѣ октября текущаго года оканчивается пятый (последній) годъ добровольнымъ денежнымъ взносамъ на возстановленіе приписныхъ церквей въ самостоятельныя. О чемъ Комитетъ сей, объявляя, покорнѣйше проситъ всѣхъ жертвователей представить свои взносы за сей пятый послѣдній годъ, а кто еще не представилъ и за четвертый, то вмѣстѣ и за оный.

ЕПАРХИАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Священникъ Троицкой церкви слободы Малой-Комышевахи, Изюмскаго уѣзда, *Александръ Касьяновъ* назначенъ благочиннымъ 1-го округа, Изюмскаго уѣзда, на мѣсто уволеннаго отъ сей должности священника *Стефана Роменскаго*.

— Священникъ Софійской церкви слободы Стратилатовки, Изюмскаго уѣзда, *Николай Ястремскій* назначенъ помощникомъ благочиннаго 1-го округа, Изюмскаго уѣзда, вмѣсто священника *Александра Касьянова* назначеннаго благочиннымъ.

— Священникъ Благовѣщенской церкви села Богуславскаго, Изюмскаго уѣзда, *Кирилъ Аксененковъ* вслѣдствіе прошенія по слабости здоровья уволенъ заштатъ.

— Псаломщикъ Успенской церкви слободы Савинець, Изюмскаго уѣзда, окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, *Сергій Перцовъ* опредѣленъ на священническое мѣсто къ Благовѣщенской церкви села Богуславскаго, Изюмскаго-же уѣзда.

— Священникъ *Михаилъ Клеичовъ* утвержденъ законоучителемъ Гавриловскаго народнаго училища Харьковскаго уѣзда.

— Уволенъ заштатъ сверхштатный священникъ Верхо-Харьковскаго Николаевскаго монастыря *Іоаннъ Высочинскій* съ предоставленіемъ ему служенія при монастырѣ.

— Священникъ *Василій Любчинскій* утвержденъ законоучителемъ вновь открывшагося Мерефянскаго женскаго училища Харьковскаго уѣзда.

— Священникъ Рождество-Богородичной церкви села Лозоваго, Богодуховскаго уѣзда, *Іоаннъ Рудинскій* утвержденъ въ должности законоучителя Забродянскаго сельскаго училища, того-же уѣзда.

— Священникъ Андреевской церкви сл. Млиновъ, Ахтырскаго уѣзда, *Михаилъ Капустянскій* волею Божіею умеръ.

— Псаломщикъ Архангело-Михаиловской церкви сл. Малиновой, Зміевскаго уѣзда, *Ігригорій Льсовиковъ* уволенъ заштатъ, а на его мѣсто опредѣленъ учитель Тетлѣжскаго народнаго училища *Андрей Льсовиковъ*.

— Псаломщикъ Петро-Павловской церкви села Отрады, Зміевскаго уѣзда, *Василій Васильковскій* волею Божіею умеръ, а на мѣсто его опредѣленъ безмѣстный псаломщикъ *Павель Мигулинъ*.

— Псаломщикъ Васильевской церкви с. Ястребеннаго, Сумскаго уѣзда, *Макарій Поповъ* посвященъ въ стихарь.

— Учитель Полково-Никитовскаго начальнаго народнаго училища, Богодуховскаго уѣзда, сынъ священника *Владиміръ Подольскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Георгіевской церкви слоб. Воробьевки, Сумскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ—
Петро-Павловской слоб. Вертѣвки, Харьковскаго уѣзда, крестьянинъ *Иванъ
Островскій*; Успенской села Дементѣвки, Харьковскаго уѣзда, крестьянинъ
Алексій Хрипливскій, на первое трехлѣтіе; Кресто-Воздвиженской села
Черкаско-Лозовой, того-же уѣзда, крестьянинъ *Иванъ Ткаченко*, на пятое
трехлѣтіе; Покровской слободы Коломійчихи, Купянскаго уѣзда, крестьянина
Григорій Гуленко; Тихоновской села Ворщеваго, Харьковскаго уѣзда, крестья-
нина *Дмитрій Наумовъ*; Покровской села Веселаго, того-же уѣзда, крестья-
нина *Григорій Кожуринъ*; Покровской церкви села Липецъ, того-же уѣзда,
Петръ Михтанъ и Христо-Рождественской села Липецъ, того-же уѣзда,
крестьянина *Савва Бараникъ*; Троицкой слободы Волохова-Яра, Зміевска-
го уѣзда, купецъ *Филиппъ Кравцовъ*; Воскресенской гор. Сумъ купецъ
Павелъ Григорьевъ Черняевъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Открытіе новаго зданія Сумскаго духовнаго училища и освященіе
въ немъ храма.—Мѣры противъ фальсификаціи лампаднаго масла и воско-
выхъ свѣчъ.—Новое благотворительное общество.—Отъѣздъ Абиссинской мис-
сіи.—Трудности распространенія православія среди сибирскихъ инородцевъ.—
Почтенныя стремленія нѣкоторыхъ старообрядцевъ.—Пренія мѣрянъ съ расколо-
учителями.—Назначеніе въ Кронштадтъ православнаго священника—эстонца.

ОТКРЫТІЕ НОВАГО ЗДАНІЯ

Сумскаго духовнаго училища и освященіе въ немъ храма.

По представленію преосвященнаго Амвросія Архіепископа харь-
ковскаго и благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Синода
въ 1886 году рѣшено было перевести Ахтырское духовное училище
изъ Ахтырки въ городъ Сумы. Граждане города Сумъ отнеслись съ
замѣчательнымъ сочувствіемъ къ построенію училищнаго зданія въ
ихъ городѣ. Они не только подарили училищу прекрасное мѣсто,
возвышенное, весьма удобное въ городѣ въ гигиеническомъ отноше-
ніе и дорогое по близости къ станціи желѣзной дороги—но и по-
жертвовали изъ городской думы на устройство новаго для него дома
6,000 р., не говоря уже о частныхъ пожертвованіяхъ нѣкоторыхъ
именитыхъ сумскихъ гражданъ. Дѣло шло весьма успѣшно. Къ об-
щей радости мѣстнаго духовенства, новое училищное зданіе, zalo-
женное въ 1886 году, было совершенно окончено и отдѣлано къ
маю мѣсяцу 1888 года. Трехъ-этажное зданіе это отстроено пре-
красно; оно вполне соотвѣтствуетъ своему назначенію. Въ насто-
ящемъ видѣ своемъ, благодаря обширному окружающему его дво-
ровому мѣсту, нарядной съ лицевой стороны желѣзной рѣшеткѣ на

каменномъ постаментѣ, благодаря также значительнымъ своимъ размѣрамъ (33¹/₂ саж. длины, 13¹/₂ саж. ширины и 7¹/₂ саж. вышины) и красивой архитектурѣ, оно не только вполне удовлетворяетъ педагогическимъ требованіямъ, но несомнѣнно служитъ и украшеніемъ города, вообще не бѣднаго прекрасными зданіями, которыя могли бы съ честью украсить собою любой губернской городъ.

Красотѣ внѣшняго училищнаго вида вполне соответствуетъ удобство и разумное расположеніе внутреннихъ помѣщеній его; всѣ они просторны, свѣтлы и вполне удовлетворяютъ своему назначенію.

Съ 10 августа 1888 года въ новомъ зданіи уже начался пріемъ новооступающихъ воспитанниковъ и сѣздъ воспитанниковъ, бывшихъ прежде въ училищѣ въ Ахтыркѣ. 25 августа, послѣ молебна и окропленія святою водою всѣхъ жилыхъ училищныхъ помѣщеній, начались и самыя учебныя занятія. Оставалось увѣнчать все это дѣло освященіемъ храма въ новоустроенномъ зданіи. Самое-же освященіе предположено было совершить 8 сентября, въ праздникъ Рождества Богородицы. Высокопреосвященнѣйшій Амвросій пожелалъ, чтобы училище это по прежнему оставалось подъ покровомъ Пресвятой Богородицы, и чтобы самый храмъ его освященъ былъ въ честь чудотворной Ахтырской иконы Божіей Матери. Для этой цѣли онъ еще при самомъ началѣ всего этого дѣла подарилъ училищному храму новую прекрасную и дорогую икону Ахтырской Божіей Матери въ серебрянной позлащенной ризѣ съ эмалевыми украшеніями, и этимъ ясно выразилъ свое желаніе, чтобы учащіе и учащіяся по прежнему оставались подъ благодатнымъ освѣщеніемъ Ахтырской святыни. Соотвѣтствуя общему желанію всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ, такъ счастливо законченномъ, архипастырь нашъ самъ изъявилъ готовность освятить новоустроенный училищный храмъ и совершить въ немъ первую литургію съ преосвященнымъ Петромъ епископомъ сумскимъ, викаріемъ харьковскимъ. Объ этомъ торжествѣ мы и хотимъ сказать нѣсколько подробнѣе, такъ какъ оно составляетъ прекрасную, свѣтлую страницу въ скромныхъ лѣтописяхъ харьковскихъ духовно-учебныхъ заведеній, а можетъ быть, въ лѣтописяхъ и всего духовенства харьковской епархіи.

Училищная церковь совершенно достаточна для училища. Она помѣщена въ лучшей части зданія, въ верхнемъ этажѣ, свѣтлая, въ два свѣта т. е. съ двойнымъ рядомъ оконъ, украшена по сторонамъ карнизами тонкой лѣпной работы, и вообще изящная. Ея иконостасъ, даръ Ряснянскаго монастыря, не лишенъ художественности какъ по живописи иконъ, такъ и по рѣзбѣ. Церковь

обладаетъ уже и другими какъ цѣнными, такъ и изящными предметами. Такова, на примѣръ, дарохранительница съ ковчегомъ, серебрянная, позлащенная, изящной работы, пожертвованная ключаремъ харьковскаго кафедральнаго собора протоіереемъ С. А. Илларионовымъ; таковы-же весьма цѣнные церковные сосуды, пожертвованные членомъ строительнаго комитета и церковнымъ старостою училищной церкви, А. Ф. Котенко. На пополненіе утвари и ризницы пожертвовали по тысячѣ рублей д. с. с. Иванъ Герасимовичъ Харитоненко и коммерціи совѣтникъ Димитрій Ивановичъ Сухановъ. Чтобы ни въ чемъ не оказалось недостатка, даже семь новыхъ колоколовъ вѣсомъ въ 61 пудъ пожертвованы харьковскимъ купцомъ Ивановымъ. Словомъ училищная церковь и благоустроена и благоукрашена.

По полудни 7 сентября, наканунѣ праздника, уже все было готово къ освященію: ждали только пріѣзда изъ Харькова обоихъ преосвященныхъ; но въ этотъ день пріѣздъ ихъ не состоялся; случайныя обстоятельства задержали ихъ, и они могли прибыть въ г. Сумы лишь рано утромъ въ самый день праздника. Но вотъ въ 7 часовъ того-же вечера въ первый разъ съ училищной колокольни раздался благовѣстъ, призывавшій желающихъ вознести свои молитвы Богу въ новомъ храмѣ. Этыхъ желающихъ оказалось такъ много, что они не только наполнили собою небольшую училищную церковь, но и стояли въ прилегающемъ къ церкви довольно обширномъ корридорѣ и даже въ передней части училищнаго двора, на этотъ разъ освѣщеннаго горѣвшими илосками. Честь совершенія первой всенощной, въ новоустроенной церкви, не смотря на присутствіе старѣйшихъ протоіереевъ, предоставлена была, въ сослуженіи съ другими духовными лицами, предсѣдателю строительнаго училищнаго комитета, о. протоіерею І. Максимовичу, такъ много потрудившемуся на пользу этого училища. Этимъ положено было начало училищному торжеству. На другой день утромъ, еще задолго до благовѣста, народъ толпился уже у подъѣзда и въ передней части училищнаго двора, желая встрѣтить пріѣхавшихъ изъ Харькова Преосвященныхъ. Ровно въ 9 часовъ утра прибылъ въ училище Преосвященный Петръ, епископъ сумскій; а за нимъ, черезъ вѣсколько минутъ, и Высокопреосвященнѣйшій Амвросій. У подъѣзда преосвященные были встрѣчены всею училищною корпораціею, чинами мѣстной полиціи и другими лицами и пройдя по парадной лѣстницѣ, красиво декорированной зеленью и цвѣтами, вошли въ церковь, гдѣ ихъ ожидалъ со святымъ крестомъ ключарь харьков-

скаго кафедральнаго собора, протоіерей Илларионовъ, во главѣ значительнаго числа духовенства. Церковь была уже переполнена молящимися, такъ что немногіе запоздавшіе съ большимъ трудомъ могли находить себѣ мѣсто въ ней. Здѣсь присутствовали почетнѣйшія лица города Сумъ, какъ-то: извѣстный южно-русскій дѣятель и хозяинъ И. Г. Харитоненко, предсѣдатель и члены окружнаго суда, предводитель дворянства, бывшій предсѣдатель суда г. Золотницкій, начальствующіе въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ и многіе другіе какъ духовныя, такъ и свѣтскія лица. Но особенно храмъ наполняли собою дѣти. Не говоря объ ученикахъ училища, разставленныхъ въ церкви рядами, здѣсь присутствовали воспитанники гимназіи, реального училища, уѣзднаго и церковно-приходскихъ училищъ, а также воспитанницы женской гимназіи и женскаго пріюта Натальи Максимовны Харитоненко, такъ великодушно вызвавшей къ бытію этотъ пріютъ и обезпечившей его существованіе собственными средствами. Такимъ образомъ настоящій церковный праздникъ самъ собою превращался въ праздникъ для дѣтей. Мы не станемъ долго останавливаться на исполненіи здѣсь обряда освященія, который совершонъ былъ самимъ устройтелемъ храма Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Харьковскимъ Амвросіемъ. Прекрасный обрядъ этотъ нашей святой Церкви, безъ сомнѣнія, извѣстенъ каждому православному христіанину. Но мы должны замѣтить, что въ настоящій разъ совершеніе этого обряда имѣло двойную прелесть. Архипастыръ освящалъ тотъ храмъ, который, можно сказать, былъ созданъ его собственными руками, — который былъ воплощеніемъ его думъ, его заботъ и трудовъ, — и на который онъ теперь испрашивалъ у Бога благодатное осѣненіе. По окончаніи освященія, немедленно началась литургія, которую совершили уже оба Преосвященные совместно, въ сослуженіи шести протоіереевъ и священниковъ, съ обычною торжественностью и при стройномъ пѣніи мѣстнаго соборнаго хора. Предъ окончаніемъ литургіи Высокопреосвященнѣйшій Амвросій преподалъ всѣмъ молившимся и преимущественно дѣтямъ свое архипастырское наставленіе. Онъ, большею частію избирающій темами своихъ проповѣдей глубокіе богословско-философскіе предметы, на этотъ разъ говорилъ о предметѣ, доступномъ и дѣтскому пониманію и говорилъ языкомъ понятнымъ и для несовершеннолѣтнихъ слушателей. Онъ сказалъ слово о высокомъ воспитательномъ значеніи христіанскаго храма сравнительно съ обыкновеннымъ изученіемъ наукъ вообще и, такъ называемаго, Закона Божія въ частности. Замѣчательное по своей простотѣ, общедо-

ступности и назидательности слово это помѣщено въ церковномъ отдѣлѣ настоящей книжки нашего журнала. Но вотъ литургія окончена, и такимъ образомъ Высокопреосвященный сдѣлалъ для Сумскаго духовнаго училища все, что только могъ сдѣлать.

Какъ-же отнеслось къ этому прекрасному дѣлу училище? Съ несомнѣнною и искреннею признательностью и съ глубокою благодарностью. Выраженіемъ этихъ чувствъ было поднесеніе архипастырю отъ училищной корпораціи образа соименнаго ему святителя св. Амвросія Медиоланскаго, и благодарственная отъ училища рѣчь, сказанная здѣсь-же, т. е. въ храмѣ, смотрителемъ училища М. М. Преображенскимъ. Едва только преосвященный разоблачился и въ архіерейской мантии вышелъ на солею, смотритель училища въ сопровожденіи своего помощника и учителей поднесъ ему св. икону. Икона эта художественной живописи, въ цѣнной серебрянной позолоченной ризѣ чеканной работы съ эмалевымъ украшеніемъ въ вѣнцѣ, сдѣлана по нарочитому заказу извѣстнымъ московскимъ фабрикантомъ Хлѣбниковымъ. Она поднесена была Высокопреосвященному въ кіотѣ изъ полисандроваго дерева, въ формѣ открытаго складня, съ слѣдующею чеканною надписью на нижней сторонѣ: „Основателю Сумскаго духовнаго училища, Высокопреосвященнѣйшему Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, отъ воспитателей и воспитанниковъ. Сентября 8 дня, 1888 года“. Предъ поднесеніемъ иконы, М. М. Преображенскій обратился къ Высокопреосвященному Амвросію съ слѣдующею рѣчью:

*„Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнѣйшій владыко
Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!*

За два года предъ симъ по ходатайству Вашего Высокопреосвященства и по благословенію Св. Правительствующаго Синода, положено здѣсь основаніе новому разсаднику духовнаго просвѣщенія, Сумскому духовному училищу.

Призванное Вами къ новой жизни и Вашими архипастырскими заботами и отеческимъ попеченіемъ возвращенное и завершенное въ полнотѣ образцоваго благоустройства, новое училище пріемлетъ нынѣ отъ святительскихъ рукъ Вашихъ, въ новомъ храмѣ своего святилища вѣры и духовной науки, и даръ благодатнаго освященія и обновленія. Пріемлетъ вмѣстѣ съ симъ въ драгоцѣнное отъ Васъ наслѣдіе настоящихъ и будущихъ поколѣній и щедрый, незабвенный даръ Вашей истинно-отеческой любви, положенной Вами на благо духовнаго просвѣщенія дѣтей ввѣреннаго Вамъ духовенства.

Ваше Высокопреосвященство! Кто изъ предстоящихъ здѣсь не знаетъ, какъ высокъ даръ, какъ велики жертвы, внесенныя Вами въ эту новую сокровищницу духовнаго образованія будущихъ служителей Христовой Церкви и роднаго отечества?! Но для насъ воспитателей и воспитанниковъ значеніе этого дара усугубляется еще тѣмъ, что не по случайному, думаемъ, совпаденію, но по особому устройенію Промысла, онъ приносится Вами на алтарь духовнаго просвѣщенія роднаго отечества въ знаменательную годовщину девятисотлѣтія крещенія Россіи равноапостольнымъ княземъ Владимиромъ и въ пору особенной нужды въ осуществленіи священныхъ завѣтовъ перваго просвѣтителя русскаго народа.

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Какъ ближайшіе наслѣдники щедраго, отеческаго дара, принесеннаго Вами въ такую знаменательную пору на пользу духовнаго просвѣщенія юношества, и какъ всегдашніе свидѣтели—очевидцы Вашей святительской ревности о благѣ просвѣщенія ввѣренной Вамъ паствы вообще и духовнаго юношества въ особенности, предстоящіе предъ Вами воспитатели и воспитанники, всѣ мы, какъ одинъ человекъ, спѣшимъ выразить предъ Вами, благостный нашъ архипастыръ и отецъ, чувства своей безпредѣльной, сыновней благодарности и глубочайшей признательности къ Вамъ за Ваше отеческое о насъ попеченіе.

Въ настоящемъ торжествѣ, отнынѣ неизгладимомъ въ лѣтописяхъ роднаго отечества, всѣ мы учащіе и учащіяся видимъ день своего возрожденія и обновленія, день переходнаго состоянія отъ тяжелыхъ условій своего историческаго прошлаго къ свѣтлому настоящему и грядущему его будущему. Заря этого свѣтлаго дня училища показала намъ только сегодня. Она видится нами въ дарахъ щедрой Вашей отеческой любви: въ грандіозности воздвигнутаго Вами училищнаго зданія, составляющаго красоту города, въ обширности и просторѣ ученическихъ помѣщеній, въ обилии свѣта, воздуха и теплоты и въ рѣдкихъ гигиеническихъ удобствахъ новаго зданія съ окружающею его мѣстностію, наконецъ, и что всего важнѣе, въ образцовомъ, гармоническомъ сочетаніи и единствѣ всѣхъ главныхъ условій и средствъ просвѣщенія, служащихъ святому дѣлу воспитанія дѣтей. Слава Господу, Верховному Зиждителю и Совершителю всяческихъ! Честь и благодареніе съ честью потрудившемуся строительному комитету, архитекторамъ, храмостроителямъ и домостроителямъ, и всѣмъ благотворителямъ и благодарителямъ, принесшимъ свои жертвы къ подножію новаго алтаря Господня!

Что-же мы, воспитатели и питомцы, воздадимъ Вамъ, владыко святой, о всѣхъ, яже воздасте намъ?

Вступая нынѣ, съ благословенія Вашего, подъ кровъ новаго вертограда Христова, мы просимъ Васъ, владыко, вознести отъ насъ свои святительскія молитвы къ Небесному Вертоградарю, да призритъ Онъ съ высоты престола Своего на юный питомникъ сей, насажденный во славу Его святаго Имени и Пречистой его Матери, и да явитъ Онъ насъ, воспитателей и питомцевъ, искусныхъ и достойныхъ дѣлателей въ немъ отъ утра и даже до вечера....

Не умолчимъ здѣсь, владыко, и объ особенной радости нашей, вызываемой настоящимъ торжествомъ. Радость эта не только сугуба и совершенна, но и исполнена нынѣ тѣмъ, что въ новомъ насажденіи мы видимъ не только красоту и полноту его благоустройства, но и особенное его величіе въ новомъ прославленіи завѣтной для насъ святыни, въ новомъ величественномъ храмѣ Ахтырской иконы Богоматери, всегдашней нашей Сопутницы, Покровительницы и Хранительницы, и въ годы пережитыхъ нами тяжелыхъ испытаній и въ пору кратковременныхъ радостей училища.... Да будетъ благословенно и прославлено имя Ея и въ семъ вертоградѣ духовномъ и въ новомъ его храмѣ, обновленномъ во славу Ея пресвятаго имени, и да ублажать Ее вси роды отнынѣ и до вѣка! Да возрастаетъ и процвѣтаетъ подъ Ея покровомъ и юный питомникъ сей Создателю нашему во славу, родителямъ на утѣшеніе, Церкви и отечеству на пользу!

Не таимъ, наконецъ, здѣсь и Вашихъ щедрыхъ благодѣяній, владыко, которыя неразрывными узами соединяють навсегда имя Ваше съ именемъ основаннаго Вами учрежденія... Память объ этихъ благодѣяніяхъ передастся нами изъ рода въ родъ, въ наслѣдіе нашимъ преемникамъ, будущимъ дѣлателямъ новаго сего разсадника просвѣщенія. Въ молитвенное-же и благодарное о Васъ воспоминаніе и въ залогъ нашей незабвенной о Васъ памяти, просимъ Васъ, владыко, принять отъ насъ, воспитателей и питомцевъ, икону святаго Амвросія, имя котораго Вы носите на славу и украшеніе Святой Церкви Россійской*.

Въ отвѣтъ на это привѣтствіе владыка сказалъ: „Мнѣ понятна ваша настоящая радость. Учащимъ и учащимся легче и пріятнѣе трудиться въ зданіи свѣтломъ и просторномъ. Давно и вы и я желали имѣть его, но не приписывайте многого мнѣ. Милость Божія, покровительство и помощь Святѣйшаго Синода, участіе здѣшнихъ добрыхъ гражданъ и другихъ благотворителей, — вотъ силы, которыми создано это

новое помѣщеніе училища. И я благодарю Бога и удивляюсь, какъ все это совершилось, и радуюсь не менѣе васъ самихъ. Но тѣмъ не менѣе для меня утѣшительны выражаемыя вами чувства и драгоценнѣе приносимый вами священный даръ, соединенный съ вашею молитвою о мнѣ къ Богу и моему покровителю Св. Амвросію. Я принимаю его, какъ принимаетъ даръ отъ дѣтей престарѣлый отецъ ни въ чемъ не нуждающийся, кромѣ молитвы и любви ихъ и желающій видѣть ихъ счастливыми. Благодарю васъ". Затѣмъ владыка низко поклонился подносившимъ икону, приложился къ ней и передалъ ее иподіакону. Этимъ закончилось собственно церковное торжество.

По выходѣ изъ церкви, Высокопреосвященный Амвросій, въ сопровожденіи почетнѣйшихъ гостей и сослужившаго съ нимъ духовенства, отправился въ квартиру г. смотрителя, гдѣ уже приготовленъ былъ для всѣхъ чай. Смотритель встрѣтилъ высокаго гостя съ хлѣбомъ и солью, поднесенными имъ на простомъ, но изящномъ блюдѣ въ русскомъ стилѣ, съ серебряною вызолоченною солонкой, на которой вычеканены были слова: „основателю Сумскаго духовнаго училища, Высокопреосвященнѣйшему Амвросію отъ Правленія училища“. Въ смотрительской квартирѣ было собрано уже много гостей; то были большею частію священники—депутаты всего Сумскаго училищнаго округа, лишь наканунѣ праздника окончившіе свои занятія въ окружномъ училищномъ сѣздѣ и теперь собравшіеся сюда привѣтствовать своего архипастыря. Здѣсь же находились и многія другія духовныя и свѣтскія лица, пріѣхавшія изъ Харькова и уѣздовъ, по приглашенію на праздникъ. Архипастырь принялъ хлѣбъ-соль, а затѣмъ и чай. Въ это-же время училищная корпорація служащихъ поднесла преосвященному Петру, въ церковномъ обругѣ котораго училище теперь помѣщается, икону Ахтырской Божіей Матери, въ память перваго посѣщенія имъ своей паствы и этого училища. Но вотъ приблизился самый важный моментъ всего этого торжества. Едва только Высокопреосвященный окончилъ чай и нѣсколько отдохнулъ послѣ продолжительнаго служенія, собранное здѣсь духовенство испросило у него позволеніе выразить предъ нимъ одушевлявшія его чувства глубокой признательности и благодарности за всѣ понесенные имъ труды и заботы по этому дѣлу; оно пожелало выразить эти чувства чтеніемъ и поднесеніемъ своему Архипастырю адресовъ и учрежденіемъ стипендіи его имени. Безъ сомнѣнія, не только для собраннаго здѣсь духовенства, но и для присутствовавшихъ здѣсь мірянъ чтеніе этихъ адресовъ представляло живѣйшій интересъ.

Поучительно было слышать ясный голосъ объ этомъ дѣлѣ тѣхъ лицъ, которыя заинтересованы были въ немъ ближайшимъ образомъ, которыя слѣдили за нимъ отъ начала до конца и которыя могли составить и дѣйствительно составили совершенно правильный взглядъ на него. Мы имѣемъ возможность познакомить нашихъ читателей съ этимъ голосомъ посредствомъ напечатанія адресовъ, которые приводимъ съ буквальною точностію.

Первый адресъ произнесенъ былъ о. протоіереемъ Василиемъ Никольскимъ отъ духовенства 1-го Сумскаго округа. Принявши отъ архипастыря благословеніе и почтивши его глубокимъ поклономъ, о. Никольскій сказалъ:

*„Ваше Высокопреосвященство,
Милостивѣйшій Архипастырѣ нашъ!*

Еще за долго до назначенія Святѣйшимъ Синодомъ и утвержденія Высочайшею властію молва людская нарекла Васъ епископомъ Харьковскимъ. Не Божіе-ли произволеніе сказалось въ гласѣ народномъ? Въ краткій шестилѣтній періодъ управленія Харьковскою паствою ввѣренное Вашему Высокопреосвященству духовенство имѣло счастье многократно быть свидѣтелями проявленій высокихъ достоинствъ Вашихъ: Вашего высокаго просвѣщенія духовнаго, глубокаго пониманія нуждъ и потребностей Харьковской паствы и мудрыхъ мѣропріятій вашихъ, клонящихся ко благу Церкви и ея служителей. Вы обогатили богословскую литературу, вызвавъ къ жизни новый богословско-философскій журналъ, преслѣдующій высокую цѣль—просвѣтлѣнія разума спасительною вѣрою; своимъ глубокоубѣжденнымъ, могучимъ словомъ Вы заставляли читать и поучаться изъ Вашихъ проповѣдей даже людей, прежде вовсе незнакомыхъ съ проповѣдническою литературою. Вами отворены двери закрытыхъ храмовъ Божіихъ въ приходахъ, Вами возстановленныхъ. Вашими заботами епархіальный свѣчной заводъ приведенъ въ такое состояніе, которое позволяетъ ему избытокъ матеріальныхъ средствъ удѣлять на нужды епархіальныхъ учреждений. Вамъ-же обязано своимъ настоящимъ процвѣтаніемъ въ учебно-правственномъ и экономическомъ отношеніяхъ женское епархіальное училище. Глубокою преданностію и уваженіемъ къ особѣ Вашего Высокопреосвященства вызваны пожертвованія на устройство зданій начальной образцовой школы при Харьковской духовной семинаріи и Купянскаго духовнаго училища. Благодаря Вашей-же неусыпной заботливости возрастаетъ число церковно-приходскихъ школъ, отвѣчающихъ пасущей потребности простаго на-

рода, который жаждетъ воспитанія въ церковно-православномъ духѣ. Господь видимо благословляетъ всѣ Ваши начинанія, и Харьковская епархія, объемля взоромъ весь славный путь Вашей плодотворной архипастырской дѣятельности, съ глубочайшею благодарностію принимала и принимаетъ Ваши отеческія попеченія, имѣющія цѣлью блага вашей паствы.

Сегодня-же, въ этотъ радостный день освященія зданія Сумскаго духовнаго училища и храма училищнаго, духовенству Сумскаго уѣзда 1-го благочинія выпалъ счастливый жребій — выразить предъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ, наполняющія наши сердца, чувства, по поводу перевода духовнаго училища изъ Ахтырки въ Сумы. Намъ всѣмъ извѣстно, съ какою истинно отеческою заботливостію Вы приступили къ устройству училищнаго зданія въ Ахтыркѣ, съ какою предусмотрительностію и мудростію изыскивали средства при всей скудости источниковъ. Грустное событіе, всѣмъ хорошо памятное, помѣшало Вамъ привести къ концу начатое. Но Вы мудро, твердою и опытною рукою направяете дѣло къ благопріятному исходу, предположивъ перенести училище изъ Ахтырки въ Сумы.

Представители духовенства училищнаго округа даже отдаленнаго Богодуховскаго уѣзда, представители нашего города съ глубокимъ сочувствіемъ отнеслись къ Вашему предположенію. Правда, Вашему Высокопреосвященству пришлось поборотъ много препятствій и трудностей, принять на себя много заботъ, тѣмъ болѣе, что Вы не коснулись ни скудныхъ средствъ духовенства, ни суммъ церковныхъ. И вотъ въ короткое время воздвигается прекрасное зданіе, вполне удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ учебно-воспитательнаго заведенія, со всѣми новѣйшими усовершенствованіями строительной техники, снабженное всѣми удобствами общежитія и, — что особенно дорого, — украшенное благолѣпнымъ храмомъ Божиимъ.

Какою высокою радостію должно преисполняться отеческое сердце Вашего Высокопреосвященства при видѣ столь прекрасныхъ плодовъ Вашихъ неусыпныхъ заботъ и попеченій, вашей самоотверженной дѣятельности!... Какою сладостною надеждою преисполняемся и мы за судьбы дѣтей нашихъ, ибо Ваше благосклонное попечительство и сочувствіе Сумскихъ гражданъ ко вновь возникшему духовно-учебному заведенію являются для него залогомъ лучшей будущности и даютъ намъ твердое основаніе надѣяться, что это учебное заведеніе найдетъ всегда не только матеріальную, но

и нравственную поддержку. Одушевляемое этими надеждами духовенство Сумскаго уѣзда 1-го округа священнымъ долгомъ своимъ почитаетъ выразить Вашему Высокопреосвященству свою искреннюю сыновнюю благодарность за Ваши неусыпныя попеченія о благѣ дѣтей нашихъ.

Да продлитъ-же Милосердый Господь драгоцѣнную жизнь Вашего Высокопреосвященства на многая и многая лѣта и да укрѣпитъ силы ваши для продолженія Вашей высокополезной и благотворной дѣятельности во славу имени Божія, на пользу Церкви, Царя и Отечества“ *)!...

Высокопреосвященнѣйшій выслушалъ говорившаго стоя, затѣмъ снова преподаль ему благословеніе и молча принялъ отъ него адресъ. Тоже онъ дѣлалъ въ отношеніи и ко всѣмъ другимъ читавшимъ свои адреса. Такимъ-же образомъ, послѣ о. Никольскаго, прочитанъ былъ о. Георгіемъ Хижняковымъ слѣдующій адресъ отъ духовенства перваго Ахтырскаго округа:

„Постройка новаго зданія для помѣщенія Сумскаго, бывшаго Ахтырскаго, духовнаго училища, издавна составляла настоятельную потребность для окружнаго духовенства сего училища, такъ какъ училищное зданіе въ г. Ахтыркѣ, по своему устройству, въ гигиеническомъ и другихъ отношеніяхъ не соотвѣтствовало своему назначенію и не вмѣщало, съ каждымъ годомъ возрастающаго количества поступающихъ въ училище воспитанниковъ; отъ чего происходила та ненормальность въ жизни учениковъ, что они имѣли спальни въ наемныхъ квартирахъ, переходя въ которыя, послѣ вечернихъ за-

*) Подлинный адресъ подписали: благочинный протоіерей Василій Никольскій, пр. Феоктистъ Лашенковъ, пр. Іоаннъ Максимовичъ, пр. Георгій Рижевскій, священники: Андрей Ставровскій, Димитрій Никулищевъ, Петръ Чудновскій, Іоаннъ Аксененковъ, Николай Фесенковъ, Платонъ Сорочинскій, Филаретъ Григоровичъ, Николай Борисоглѣбскій, Іаковъ Ященковъ, Евфимій Ястремскій, Константинъ Новопольскій, Александръ Рубинскій, Василій Соколовскій, Павелъ Раевскій, Тимофей Одинцевъ, Димитрій Василевскій, Георгій Исиченковъ, Александръ Лавденковъ, Стефанъ Столяревскій, Василій Петровскій, Павелъ Хижняковъ, Н. Черниговскій, Самуилъ Калюжный, Іоаннъ Бѣлогорскій, Тимоць Оedorовъ и Митрофанъ Стефановскій. Діаконы: Сергій Наумовъ, Арсеній Михайловскій, Алексѣй Бутковъ, Василій Несторовъ, Діонисій Платоновъ, Димитрій Башинскій, Павелъ Григорьевъ, Гавріилъ Полницкій и Евгений Ракшевскій. Псаломщики: Петръ Григорьевъ, Хрисанфъ Авксентьевъ, Захарій Горайнъ, Димитрій Строевскій, Николай Туканевъ, Иванъ Ястремскій, Николай Збукаревъ, Порфирій Подлудкій, Стефанъ Поповъ, Михаилъ Колосовскій, Тарасій Збукиревъ, Михаилъ Корняльевъ, Петръ Пономаревъ, Василій Рождественскій и Иванъ Краснокутскій.

нятій, осенью и зимою, страдали отъ холоднаго дождя и стужи, не рѣдко и, при заболѣваніи, въ большинствѣ случаевъ, отправляемы были въ городскую лѣчебницу версты за двѣ отъ училища. Все это усматривая, училищные сѣзды окружнаго духовенства, каждый разъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, задавались вопросомъ о постройкѣ новаго училищнаго зданія, но по скудости на этотъ предметъ средствъ и въ виду того, что занимаемый училищемъ дворъ не составляетъ училищной собственности, вопросъ объ этомъ свели, наконецъ, лишь къ предпріятію сдѣлать пристройку къ училищному зданію; но—и тутъ произошла неудача: пристройка обрушилась. И Богъ вѣсть, когда-бы, послѣ сего духовенство, при указанныхъ обстоятельствахъ, могло успокоить себя на счетъ не только постройки новаго училищнаго зданія, но и на счетъ, даже, пристройки къ училищному зданію.

Но то, къ чему названное духовенство стремилось въ продолженіи многихъ лѣтъ; но чего не въ состояніи было достигнуть, представилось его глазамъ,—такъ сказать, вдругъ: вотъ предъ его глазами красуется обширное, величественное зданіе Сумскаго духовнаго училища и, по своему плану, пригодное не только для духовнаго уѣзднаго училища, но и семинаріи; мало сего, означенное училищное зданіе, находясь въ г. Сумахъ, соединенномъ съ губернскимъ городомъ—Харьковомъ желѣзною дорогою, составляетъ для духовенства и для самаго училища важнѣйшій интересъ и въ томъ отношеніи, что представляетъ архипастырямъ Харьковской епархіи удобство для высшаго надзора за училищемъ.

*Ваше Высокопреосвященство,
любвеобильный нашъ Архипастырь и Отецъ!*

Мы убѣждены, что самому духовенству, названнаго училищнаго округа, на тѣ средства, какими оно располагало, никогда-бы не построить столь удобнаго и роскошнаго зданія, каковое теперь уже готово и которое, по стоимости своей, простирается цѣнностью—до 150 тысячъ рублей; тогда какъ духовенствомъ, въ продолженіе болѣе десяти лѣтъ, собрано было всего 19 тысячъ рублей,—убѣждены, что пользоваться, для воспитанія своихъ дѣтей, духовенству столь удобнымъ училищнымъ зданіемъ предоставили возможность Вы, любвеобильный нашъ Архипастырь и Отецъ, своимъ мудрымъ попеченіемъ о благѣ духовенства ввѣренной Вамъ Харьковской епархіи. А потому сознавая и цѣняя то благо, то благодѣяніе Вашего Высокопреосвященства, которое Вы оказали Сумскаго училищнаго округа духовенству, а слѣдовательно и намъ, такъ какъ нашъ

благочиннической округѣ входитъ въ составъ означеннаго училищнаго округа, мы вмѣняемъ себѣ въ вождедѣнный долъ, въ день торжества, по случаю освященія училищнаго храма и зданія, повергнуть предъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ чувства глубокой нашей благодарности и любви къ Вамъ за оказанное намъ, съ Вашей стороны, благодѣяніе и, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ сей достопамятный день, въ своихъ приходскихъ храмахъ вознести Господу Богу, Благодѣтелю нашему, усердныя молитвы о здравіи и благоденствіи Вашего Высокопреосвященства на многія лѣта“ *).

Затѣмъ прочитанъ былъ о. Алексѣемъ Чугаевымъ слѣдующій адресъ отъ духовенства 2-го Сумскаго округа:

„Въ ряду многосложныхъ трудовъ и заботъ о благѣ Харьковской епархіи, Ваше Высокопреосвященство обратили милостивое вниманіе и на благоустройство нашего окружнаго духовнаго училища, которое до настоящаго 188⁸/₉ учебнаго года находилось въ городѣ Ахтыркѣ. Дорого было для насъ Ахтырское училище какъ

*) Адресъ подписали: благочинный 1-го округа Ахтырскаго уѣзда, Покровскаго собора, города Ахтырки священникъ Георгій Хижняковъ, настоятель Ахтырскаго Покровскаго собора прот. Игнатій Клементьевъ, Ахтыр. Покровскаго собора свящ. Адрианъ Мухинъ, Ахтыр. Преображенской церкви священ. Іаковъ Подольскій, Ахтыр. Николаевской церкви священ. Василій Хижняковъ, Ахтыр. Николаевской церкви свящ. Іаковъ Пуковский, Ахтыр. Успенской церкви свящ. Іоаннъ Исиченковъ, Ахтыр. Георгіевской церкви свящ. Θεодоръ Доброславскій, слободы Котельвы Троицкой церкви свящ. Николай Артемьевъ, слободы Котельвы Преображенской церкви свящ. Александръ Пантелѣевъ, слободы Котельвы Николаевской церкви свящ. Мелетій Чернявскій, слободы Котельвы Вознесенской церкви свящ. Григорій Рудинскій, слободы Котельвы Покровской церкви свящ. Георгій Давидовъ, слободы Котельвы Всѣхсвятской церкви свящ. Георгій Гревизирскій, слободы Котельвы Вознесенской церкви діаконь Димитрій Касьяновъ, слободы Котельвы Вознесенской церкви псаломщикъ Маркъ Бутскій, той-же слободы Преображенской церкви діаконь Александръ Балазовскій, той-же слободы Николаевской церкви діаконь Іоаннъ Рубинскій, той-же слободы Николаевской церкви псаломщикъ Алексій Фаворовъ, той-же слободы Троицкой церкви псаломщикъ Николай Прядкинъ, слободы Котельвы Покровской церкви псаломщикъ Александръ Нестеренковъ, слободы Котельвы Троицкой церкви діаконь Іоаннъ Власовскій, села Деревокъ Казанской церкви свящ. Василій Сушковъ, села Деревокъ Казанской церкви діаконь Георгій Рубинскій, города Ахтырки Петро-Павловской церкви священ. Василій Кіановскій, той-же церкви діаконь Николай Поповъ, города Ахтырки псаломщикъ Іосифъ Гайдуковъ, Архангело-Михайловской церкви священ. Никита Панкратьевъ, города Ахтырки Успенской церкви священ. Кириллъ Чебановъ, той-же церкви діаконь Іоаннъ Роменскій, той-же церкви діаконь Василій Томашевскій, слободы Бакировки священ. Николай Акимовъ и псалом. Павелъ Григоровичъ.

потому, что въ немъ получали первоначальное воспитаніе не только дѣти наши, но многіе изъ насъ самихъ и даже отцевъ нашихъ, такъ, въ особенности, потому, что воспитанники онаго училища, не только въ воскресные и праздничные дни, но и ежедневно имѣли возможность молиться предъ чудотворнымъ образомъ Ахтырской Божіей Матери, заступничество и всеильная помощь Которой были всегда благотворно-полезны для нихъ, сколь въ умственномъ развитіи, столь и въ религіозно-нравственномъ усовершеніи. Всѣ мы живо помнимъ и сознаемъ какъ видимо росло и крѣпло духовно-нравственное развитіе наше и дѣтей нашихъ подъ покровомъ Царицы Небесной и проявлялось съ особенною силою въ тѣхъ, которые съ благоговѣнно-усердною молитвою возможно чаще прибѣгали за помощью къ любвеобильной Божіей Матери.

При такихъ незаурядъ благопріятныхъ условіяхъ существованія нашего окружнаго духовнаго училища были и неудобства жизни. Многимъ изъ насъ въ бывшее старое время приходилось выносить и холодъ и тѣсноту; да и въ ближайшее время дѣтямъ нашимъ также, во дни ученія въ Ахтырскомъ училищѣ, приходилось выносить много неудобствъ собственно въ жизненномъ отношеніи. Корпусъ, въ которомъ помѣщалось училище, былъ старъ, тѣсенъ и мало годенъ своему назначенію, и хотя архипастырскими заботами предшественниковъ Вашего Высокопреосвященства въ немъ были произведены улучшенія черезъ перестройку и въ нѣкоторой мѣрѣ увеличеніе онаго, тѣмъ не менѣе улучшенія эти были слишкомъ недостаточны и не могли устранить всѣхъ бывшихъ въ немъ неудобствъ. А между тѣмъ неудобства, съ которыми кое-какъ можно было прежде мириться, за послѣдніе годы,—съ увеличеніемъ числа учащихся чрезъ пріемъ въ училище помимо дѣтей духовнаго званія и лицъ свѣтскаго сословія и съ открытіемъ въ корпусѣ общезжитія,—сдѣлались для воспитанниковъ уже положительно тяжелыми. Непригодность стараго корпуса и тяжелое положеніе учащихся были усмотрѣны Вашимъ Высокопреосвященствомъ при первомъ-же посѣщеніи Ахтырскаго духовнаго училища. Богу одному вѣдомо сколько еще времени пришлось-бы дѣтямъ нашимъ, при скудости средствъ окружнаго духовенства, волею—неволею мириться съ тѣснотою помѣщенія и другими неудобствами въ старомъ училищномъ корпусѣ; но вы Ваше Высокопреосвященство, милостивѣйшій архипастырь нашъ, явили, Богу содѣйствовавшу, въ семъ дѣлѣ особую ревностную попечительность. Расположивъ отеческими заботами щедродательныхъ благотворителей къ пожертво-

ваніямъ на устройство новаго училищнаго корпуса, Ваше Высокопреосвященство не умедлили и самою постройкой онаго, но уже не въ городѣ Ахтыркѣ, гдѣ, по мѣстнымъ условіямъ, постройка была признана неудобною, а въ городѣ Сумахъ, куда, по ходатайству Вашего Высокопреосвященства, Святѣйшимъ Синодомъ разрѣшено перевести наше окружное духовное училище.

Богу содѣйствовавшу, Царицѣ Небеснѣй призившей устройство новаго училищнаго корпуса въ городѣ Сумахъ окончено сравнительно въ короткое время, именно въ теченіи двухъ лѣтъ. При томъ-же это грандіозное зданіе устроено на весьма удобномъ мѣстѣ, со всѣми новѣйшими, по гигиенѣ, приспособленіями, а что особенно утѣшительно, то это то, что въ томъ-же зданіи устроены благолѣпный храмъ во имя Ахтырской Божіей Матери, въ которомъ дѣти наши, не будучи отягчаемы никакими жизненными неудобствами, непринужденно стануть возсылать свои молитвы къ Господу Богу. Вѣрою разумѣваемъ, что Царица Небесъ, съ любовію призившая на дѣтей нашихъ въ Ахтырскомъ училищѣ, съ тою-же, присущею Ей, материнскою любовію будетъ благопоспѣшествовать имъ въ ученіи и жизни и въ Сумскомъ училищѣ, ибо слава ея неразностно сіяетъ въ городѣ Сумахъ и окрестностяхъ онаго, только лишь въ образѣ *Корсунской* Божіей Матери. Остаётся намъ лишь благодарить Господа Бога, даровавшаго, въ годину многихъ нуждъ, столь добраго, незабвеннаго и благопечительнаго о насъ архипастыря и отца, а затѣмъ выразить и свою сыновнюю признательность Вашему Высокопреосвященству за отеческую заботливость о благѣ нашемъ и дѣтей нашихъ.

Пріймите-же Ваше Высокопреосвященство наше поздравленіе съ окончаніемъ этого нелегкаго труда, нашу искреннюю благодарность за понесенныя, ради насъ и дѣтей нашихъ, заботы и хлопоты въ семъ дѣлѣ, и благословите наши задушевныя пожеланія, чтобы эта юная духовная школа, насажденная на новой естественной почвѣ, крѣпла умственно, усовершалась духовно-нравственно, возрастала численно: во славу Божію, на пользу Церкви, въ честь Вашему Высокопреосвященству и на утѣшеніе намъ,—отцамъ и матерямъ юныхъ питомцевъ сей школы. Сентября 1-го дня 1888 г.*)“.

*) Адресъ подписали: благочинный Сумскаго 2-го округа, Бѣлопольской Рождество-Богородичной церкви свящ. Алексѣй Чугаевъ, села Павловокъ Архангело-Михайловской церкви пр. Захарій Добрецькій, Бѣлопольской Преображенской церкви свящ. Митрофанъ Ракшевскій, священники: Павелъ Любарскій,

Отъ духовенства 2-го Ахтырскаго округа прочитанъ былъ слѣдующій адресъ о. Василиемъ Оедоровымъ:

„Духовенство 2-го округа, Ахтырскаго уѣзда, осмѣливается повергнуть къ стопамъ Вашего Высокопреосвященства свою глубокую и искреннюю признательность за Ваши отеческія попеченія о его дѣтяхъ. Теперь оно имѣетъ возможность воспитывать своихъ дѣтей не въ ветхихъ зданіяхъ бывшаго Ахтырскаго духовнаго училища, не приспособленныхъ къ училищу ни въ учебномъ, ни въ гигиеническомъ отношеніяхъ, а въ новомъ зданіи Сумскаго духовнаго училища, столь благоустроенномъ во всѣхъ отношеніяхъ. Это зданіе выстроено подѣ неусыннымъ наблюденіемъ Вашего Высокопреосвященства и не столько на суммы церковей мѣстнаго училищнаго округа, сколько на средства, добытыя трудами, заботами и ходатайствами Вашего Высокопреосвященства, — это плодъ Вашей благотворной архиастырской дѣятельности. Такое сердечное отношеніе Вашего Высокопреосвященства къ настоящему училищу пусть будетъ руководствующимъ примѣромъ для духовенства мѣстнаго училищнаго округа и для ближайшихъ начальниковъ и для наставниковъ училища. Тогда только будетъ достигнута цѣль училища — правильнаго умственное развитіе и нравственное воспитаніе дѣтей — учениковъ.

Всемогуцій Богъ да продлитъ теченіе вашей жизни до послѣднихъ предѣловъ земнаго бытія человѣческаго, для блага духовныхъ чадъ Вашего Высокопреосвященства“ *).

Оеодоръ Торанскій, Александръ Сергіевскій, Максимъ Поповъ, Василій Хижняковъ, Косьма Поздняковъ, Іоаннъ Туранскій, Александръ Стефановскій, Іоаннъ Ковалевскій, Василій Покровскій, Митрофанъ Балановскій, Митрофанъ Красинъ, Павелъ Клементьевъ, Іоаннъ Ведринскій, Павелъ Луценковъ, Іоаннъ Виноградскій, Максимъ Подлауцкій, Александръ Луценковъ, Димитрій Эпнатскій, Александръ Бѣляевъ и Михаилъ Добрепкій. Діаконы: Григорій Соколовъ, Ілья Виноградскій, Симеонъ Стефановъ, Іоаннъ Ковалевскій, Василій Пономаревъ и Андрей Должанскій. Исправляющій должность псаломщика Николай Мухня, псаломщики: Петръ Логвиновъ, Никифоръ Трипольскій, Алексѣй Оаворовъ, Аванасій Любарскій, Іосифъ Поздняковъ, Стефанъ Сотниковъ, Константинъ Вербицкій, Макарій Поповъ, Максимъ Браиловскій, Стефанъ Чулковъ, Павелъ Ведринскій, Василій Крушедольскій и Іоаннъ Бородаевскій.

*) Адресъ подписали Ахтырскаго уѣзда 2-го округа: благочинный, священникъ Василій Оедоровъ, священники: Петръ Стеллецкій, Василій Яновскій, Павелъ Санжаревскій, Леонтій Кохановскій, Георгій Стаховскій, Іоаннъ Николаевскій, Николай Кремповскій, Іоаннъ Мартиновичъ, Павелъ Щербина, Николай Яковлевъ, Василій Полявцевъ, Георгій Бородаевъ, Владиміръ Красовскій, Григорій Проскурниковъ, Захарій Туранскій и Іоаннъ Губскій. Діаконы: Гри-

О Михаилъ Лободовскій отъ духовенства 3-го Лебединскаго округа прочелъ слѣдующій адресъ:

„Да будетъ позволено и мнѣ, отъ лица духовенства 3-го Лебединскаго округа, выразить предъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ, нашу сыновнюю, исполненную высочайшей признательности благодарность особѣ Вашего Высокопреосвященства, за Ваше отеческое попеченіе о благѣ Харьковской епархіи. Излишне было-бы перечислять всѣ труды и заботы Ваши на пользу нашу и дѣтей нашихъ; но нельзя умолчать о Вашемъ отеческомъ благопопеченіи по устройству нашего окружнаго духовнаго училища. Это великолѣпное, со всѣми необходимыми приспособленіями, зданіе, съ благолѣпнымъ храмомъ, стоящее многихъ десятковъ тысячъ, устроено по мысли Вашего Высокопреосвященства и на средства, о которыхъ извѣстно только Вамъ, архипастырь, и Богу. Зданіе это исключительно устроено для дѣтей духовенства нашего училищнаго округа, безъ всякаго обремененія церквей и духовенства, неизбѣжными въ подобныхъ случаяхъ взносами, тѣмъ съ большими и надо полагать тягчайшими заботами Вашего Высокопреосвященства. До земли кланяемся Вашему Высокопреосвященству, мы, духовенство 3-го Лебединскаго округа, за дарованное благо дѣтямъ нашимъ. Да будетъ-же благая воля Господня на подкрѣпленіе силъ Вашего Высокопреосвященства, милостивѣйшаго нашего отца, и напредь многія и многія лѣта быть благодѣтелемъ нашимъ, а наши молитвы о здравіи и благоденствіи Вашего Высокопреосвященства да приметъ Господь Богъ въ пренебесный Свой жертвенникъ и милостиво исполнить“ *).

Наконецъ отъ духовенства всего Сумскаго училищнаго округа предсѣдатель только что окончившагося училищнаго съѣзда о. Павелъ Клементьевъ обратился къ архипастырю съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„Въ сей благознаменитый и радостный день освященія храма и училищнаго зданія мы, собравшіеся здѣсь представители духовен-

горій Любинскій, Игнатій Должанскій, Михаилъ Артюховскій, Василій Левитскій, Аристархъ Степурскій и Василій Ходской. Псаломщики: Филиппъ Приходинъ, Петръ Каравановъ, Димитрій Горбуновъ, Иванъ Ястремскій, Митрофанъ Македонскій, Алексѣй Ладенковъ, Григорій Должанскій, Василій Федоровъ, Андрей Сукачевъ, Афанасій Фальченко и Косма Краснокутскій.

*) Подъ адресомъ значится подпись: Вашего Высокопреосвященства, милостиваго архипастыря и отца, почтительнѣйшій и нижайшій послушникъ, благочинный 3-го Лебединскаго округа, священникъ Михаилъ Лободовскій. 1898 года, сентября 6 дня.

ства Сумскаго училищнаго округа, движимые чувствомъ сыновней любви и глубокаго уваженія къ особѣ Вашего Высокопреосвященства, считаемъ священнымъ долгомъ выразить вамъ, милостивѣйшій архипастырь и отецъ, отъ лица всего духовенства Сумскаго училищнаго округа, искреннюю благодарность за Ваши неусыпные труды и заботы по устройству св. храма и сего прекраснаго зданія, въ которомъ дѣти духовенства будутъ пользоваться всѣми удобствами общежитія. Это—Ваше доброе дѣло, и память о немъ желаемъ передать потомству нашему, и для этого смиреннѣйше просимъ Вашего архипастырскаго благословенія и разрѣшенія на учрежденіе въ училищѣ, на средства сего духовенства Сумскаго училищнаго округа, полной стипендіи въ пользу бѣднѣйшаго и лучшаго по поведенію и успѣхамъ воспитанника этого училища, изъ духовнаго званія, съ присвоеніемъ этой стипендіи имени „Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія“. Съ благодарнымъ чувствомъ соединяемъ и молитвенное благожеланіе, да укрѣпитъ Господь Богъ силы Ваши для блага ввѣренной Вамъ епархіи и да подастъ Вамъ здравіе и благоденствіе на многія и многія лѣта“ *).

Чтеніе адресовъ произвело живое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ; были минуты, когда оно вызывало сильное и глубокое одушевленіе. Здѣсь слышалось благодатное вѣяніе Духа Божія, котораго явленія суть: правда, миръ и радость. Общее одушевленіе невольно коснулось и души Высокопреосвященнаго и рѣчь его полилась живымъ потокомъ. Быть можетъ, онъ никогда еще не говорилъ съ такимъ одушевленіемъ; такъ какъ никогда еще духовное общеніе его съ подчиненными ему пастырями не находило болѣе благоприятнаго повода для своего выраженія, по крайней мѣрѣ, въ харьковской епархіи. Онъ говорилъ, какъ только можетъ говорить мудрый архипастырь съ подчиненными ему пастырями, или убѣжденный и опытный наставникъ съ близкими его сердцу учениками, или наконецъ—любящій отецъ съ любимыми дѣтьми. Къ нашему искреннему сожалѣнію мы не можемъ воспроизвести потока этой живой рѣчи въ точныхъ выраженіяхъ; по приблизительно рѣчь его была слѣдующаго содержанія:

*) Подлинное подписали: председатель съѣзда священникъ Павелъ Клементьевъ. Члены съѣзда, протоіерей: Павелъ Малишевскій и Василій Доброславскій. Священники: Василій Хижняковъ, Алексѣй Милостановъ, Николай Яковлевъ, Михаилъ Литкевичъ, Федоръ Заводовскій, Петръ Яновскій и Димитрій Никулицевъ. Члены правленія отъ духовенства, священники: Василій Федоровъ и Іоаннъ Сѣкирскій. 1888 года, сентябрь 8 дня.

„Благодарю васъ, братіе, за высказанныя мнѣ вами добрыя чувства признательности и за ваши благожеланія.

Положеніе человѣка публично восхваляемаго въ нравственномъ отношеніи весьма трудно: легко могутъ подкрасться къ его сердцу помыслы горделивости и самоуслажденія. Но я въ настоящемъ случаѣ вспоминаю примѣръ великаго подвижника нашей Церкви, блаженныя памяти Иннокентія митрополита Московскаго. Принимая въ подобныхъ случаяхъ выраженія благодарности и уваженія со стороны духовенства, онъ, судя по выраженію его лица, углублялся въ себя, очевидно обращая благодареніе, приносимое ему, къ Богу подателю всѣхъ благъ, и отгребаясь отъ искусительныхъ помысловъ. Между тѣмъ онъ говорилъ потомъ о тѣхъ, которые благодарили его: „надобно дать и имъ исполнить свою обязанность“.

Я всегда выражалъ убѣжденіе, что епископъ и духовенство должны жить одною жизнію, въ прямомъ и искреннемъ духовномъ союзѣ, другъ-другу содѣйствуя, и другъ-друга подкрѣпляя. Епископъ безъ содѣйствія духовенства,—какъ безъ рукъ. Епископъ *правитъ* и направляетъ *слово истины* примѣнительно къ нуждамъ Церкви и обстоятельствамъ времени: духовенство проводитъ и приближаетъ истину къ сердцу каждаго члена Церкви для епископа невидимаго и недоступнаго. Епископъ предпринимаетъ мѣры для блага и огражденія вѣрующихъ: духовенство приводитъ ихъ въ исполненіе во всѣхъ частяхъ его паствы. Епископъ воодушевляется любовію и ревностію къ спасенію душъ христіанскихъ: духовенство по скольку больше имѣетъ сердецъ, по стольку больше сравнительно съ его одинокимъ сердцемъ распространяетъ это вѣяніе христіанской любви въ средѣ народной. Приписывая многое мнѣ, вы благодушно забываете, чѣмъ я обязанъ вамъ. Успѣшнымъ сборомъ средствъ на возстановленіе приписныхъ церквей нашей епархіи я обязанъ вамъ. Церковно-приходскія школы съ великимъ трудомъ и жертвами открываете вы. Изданіе нашего мѣстнаго журнала, о которомъ вы упомянули, поддерживается вами. Храмы строятся и обновляются православными христіанами подъ вашимъ вліяніемъ и руководствомъ. И на это зданіе, которымъ мы нынѣ утѣшаемся, много принесено отъ васъ тайныхъ и явныхъ жертвъ, а строителями много положено и личнаго труда. Возблагодаримъ вмѣстѣ и единодушно Господа Бога благодѣющаго намъ.

Но и законному утѣшенію достигнутымъ успѣхомъ христіанское благоразуміе полагаетъ мѣру. Св. апостоль Павель не совѣ-

туетъ часто оглядываться назадъ на сдѣланное нами, а смотрѣть впередъ съ мыслию о томъ, что еще предстоитъ намъ сдѣлать: *задняя забывая, въ предняя простирайся*. Ваши дѣти въ Купянскомъ училищѣ не имѣютъ еще общежитія и разсѣяны по крестьянскимъ хатамъ безъ надлежащаго надзора; вы двѣ трети вашихъ дочерей, привозимыхъ въ женское епархіальное училище, возвращаете назадъ за недостаткомъ тамъ помѣщенія. Устройствомъ новыхъ зданій въ томъ и другомъ училищѣ намъ надобно озаботиться. У насъ нѣтъ ни одной богадѣльни для призрѣнія вашихъ вдовъ и сиротъ; по епархіи церковно-приходскихъ школъ еще мало; еще меньше внѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ; церковное пѣніе въ упадкѣ; надлежащихъ мѣръ противъ распространенія сектанства еще не принято. Такъ, если вдуматься въ наши обязанности,—то дѣлу конца нѣтъ.

Благодаря Господа за Его милости вамъ дарованныя, съ упованіемъ на Его помощь, пойдѣмъ впередъ, находя въ достигаемыхъ успѣхахъ поощреніе и возбужденіе ревности къ новымъ трудамъ. Народъ здѣсь къ вѣрѣ православной усердный, страна благословенная; здѣсь весело трудиться“.

Глубоко было впечатлѣніе отъ этой рѣчи. Едва только смолкъ архипастырь, какъ среди духовенства невольно раздалось пѣніе хвалебнаго гимна Пресвятой Богородицѣ, небесной Заступницѣ и Покровительницѣ этого дома и его храма, а затѣмъ благодарственной пѣсни „Тебе Бога хвалимъ“, составленной соименнымъ архипастыремъ святителемъ, св. Амвросіемъ Медиоланскимъ. Пѣніе этихъ священныхъ пѣсней исполнено было простымъ церковнымъ напѣвомъ, но проникнутое живымъ и искреннимъ чувствомъ оно, какъ намъ показалось, отличалось несравненно большею выразительностью и прелестью, чѣмъ самый художественный концертъ.

Между тѣмъ всѣ предшествовавшія обстоятельства, а въ особенности чтеніе адресовъ и пѣніе священныхъ пѣсней заняли довольно продолжительное время. Почувствовалась потребность въ подкрѣпленіи тѣлесныхъ силъ; и вотъ Высокопреосвященный милостиво пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ здѣсь гостей въ сосѣднюю и параллельную съ нею залу, гдѣ притовлена была закуска и сервированъ обѣденный столъ. За обѣденнымъ столомъ, Высокопреосвященный занялъ мѣсто посрединѣ, у подножія портрета Государя Императора, имѣя по обѣимъ сторонамъ преосвященнаго Петра, своего викарія, и почетнѣйшаго сумскаго гражданина И. Г. Харитоненко, а противъ себя—предсѣдателя строительнаго училищ-

наго комитета о. протоіеря І. Максимовича, ближайшаго помощника и непосредственнаго исполнителя его воли по устройству Сумскаго училища. Весело и радостно прошелъ училищный обѣдъ; по обыкновенію онъ сопровождался провозглашеніемъ благожелательныхъ тостовъ и выраженіемъ одушевлявшихъ всѣхъ чувствъ. Первый тостъ провозглашенъ былъ архипастыремъ за здравіе Государя Императора, Государыни Императрицы и Наслѣдника Цесаревича. Тостъ встрѣченъ былъ громогласнымъ „ура“ и пѣніемъ народнаго гимна, торжественные звуки котораго на этотъ разъ раздавались въ обѣихъ параллельныхъ залахъ, отъ ста человекъ гостей, при участіи мѣстнаго соборнаго хора пѣвчихъ. Второй тостъ провозглашенъ былъ владыкою за здравіе Святѣйшаго Синода и г. Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева, какъ главнаго начальника духовно-учебныхъ заведеній; этотъ тостъ сопровождался пѣніемъ многолѣтія. Слѣдовавшій за тѣмъ тостъ былъ провозглашенъ за здоровье Архипастыря, далѣе—за строительный комитетъ, за училище, училищное начальство, гражданъ г. Сумъ, отнесшихся къ дѣлу Высокопреосвященнаго съ такимъ искреннимъ сочувствіемъ, наконецъ за всѣхъ потрудившихся въ этомъ дѣлѣ и т. п. Вообще обѣдъ отличался большимъ оживленіемъ; тосты, радостное выраженіе чувствъ, веселый говоръ гостей, смѣнявшіеся слушаніемъ церковныхъ гимновъ и концертовъ, исполняемыхъ пѣвчими,—дѣлали изъ него достойное заключеніе настоящаго церковно-училищнаго торжества. Обѣдъ продлился до 5 часовъ вечера. Но вотъ оба преосвященные, предположившіе вечеромъ слушать всенощную въ прекрасномъ мѣстномъ соборѣ, художественно реставрируемомъ старостою этого собора, г. Сухановымъ, отбыли изъ училища при общемъ выраженіи благодарности и обычнаго у насъ церковнаго пожеланія архипастырямъ многолѣтія; остававшіеся же гости еще долго-долго вели между собою оживленную бесѣду о событіяхъ дня. Да, событія этого дня приснопамятны и должны быть съ благодарностью занесены не только въ скромные лѣтописи Сумскаго духовнаго училища, но быть можетъ, и въ лѣтописи духовно-учебной жизни общей всѣмъ намъ отечественной Церкви.

— Святѣйшій Синодъ принимаетъ мѣры противъ усиливающейся съ каждымъ днемъ фальсификаціи лампаднаго масла и восковыхъ свѣчъ. Недавно Министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало распоряженіе о томъ, чтобы владѣльцы заводовъ гарнаго масла

выпускали послѣднія не иначе какъ въ бочкахъ имѣющихъ клеймо завода и снабженныхъ надписями: „искусственное масло“. Наблюденіе за исполненіемъ этого распоряженія, а также за тѣмъ, чтобы торговцы не продавали гарное масло подъ видомъ деревяннаго, возложено на полицію.

До послѣдняго времени церковные старосты, являясь на епархіальные свѣчные заводы за покупкой свѣчей, обыкновенно привозили для обмѣна на свѣчи огарки. Послѣдніе принимали на заводахъ по высокой цѣнѣ, равной стоимости чистаго пчелинаго воска; между тѣмъ въ большинствѣ случаевъ огарки оказываются отъ свѣчей купленныхъ не на епархіальныхъ заводахъ, а у купцовъ торгующихъ поддѣльными церезиновыми свѣчами. Чрезъ это обстоятельство происходило на заводѣ большое скопленіе недоброкачественнаго огарнаго воска, что въ свою очередь значительно понижало достоинство свѣчей выработываемыхъ на епархіальныхъ свѣчныхъ заводахъ и было крайне убыточно для послѣднихъ. Въ настоящее время Святѣйшій Синодъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы по прежней высокой цѣнѣ оплачивались только огарки свѣчей выдѣлываемыхъ на епархіальныхъ заводахъ, а полученные отъ свѣчей, приобрѣтенныхъ у частныхъ торговцевъ, оплачивать по пониженной цѣнѣ.

— 16 сего сентября состоялось въ Императорскомъ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ открытіе Высочайше утвержденного Благотворительнаго Общества для питомцевъ онаго и первое общее собраніе членовъ подъ предсѣдательствомъ почетнаго опекуна, управляющаго Воспитательнымъ Домомъ, гофмейстера Б. А. Нейдгарта.

Открытіе Благотворительнаго Общества для питомцевъ крайне сочувственно было встрѣчено всѣми лицами принявшими участіе въ этомъ общемъ собраніи.

Нужды слишкомъ 40 тысячъ питомцевъ Московскаго Воспитательнаго Дома, разбросанныхъ въ семи губерніяхъ и не имѣющихъ ни отцовъ, ни матерей, а лишь попеченіе со стороны одного Воспитательнаго Дома, чрезвычайно разнообразны. Какъ въ раннемъ возрастѣ дѣтей, такъ и въ особенности въ послѣдующіе годы ихъ развитія, до самаго совершеннолѣтія, нужды эти иногда крайне неотложныя и вопіющія во многихъ случаяхъ даже трудно заранѣе предвидимыя, при постоянно увеличивающемся количествѣ питомцевъ, настоятельно взываютъ къ помощи частной, общественной благотворительности, сверхъ заботъ и попеченій вѣдомства Императрицы МАРИИ объ этихъ несчастно рожденныхъ дѣтяхъ.

Уставъ даруетъ Благотворительному Обществу Всемиловѣйшее покровительство Ихъ Величествъ и включаетъ Общество въ число учреждений Императрицы МАРИИ.

Начатое безъ какихъ-либо матеріальныхъ средствъ, это Общество, питая въ основаніи своемъ лишь надежду на Божіе благословеніе, которое на первыхъ порахъ проявилось въ посильныхъ пожертвованіяхъ, смѣетъ разсчитывать, что и публика отнесется къ этому Христолюбивому и полезному дѣлу сочувственно.

На основаніи Высочайше утвержденнаго устава Общества, почетными членами онаго считаются лица пожертвовавшія не менѣе 3.000 рублей, причемъ выдается имъ на это званіе дипломъ за Высочайшею собственноручною подписью Государыни Императрицы, Августѣйшей Покровительницы Общества. Дѣйствительными членами считаются лица вносящія по 100 рублей въ годъ на благотворительную дѣятельность онаго, а членами жертвователями постановлено признавать лицъ, которыя окажутъ Обществу и меньшую матеріальную помощь или иное содѣйствіе.

Желающіе принять участіе въ этомъ христіанскомъ и челолюбивомъ дѣлѣ приглашаются обращаться или къ предсѣдателю Общества гофмейстеру Нейдгарту на Арбатѣ, въ собственный домъ, или къ живущимъ въ зданіи Воспитательнаго Дома: директору Германову, начальнику округовъ Нишевову, секретарю Красускому и казначею Общества Быкову. („Моск. Вѣд.“).

— 19 сентября, новооткрытая Абиссинская миссія, съ отцомъ архимандритомъ Паисіемъ во главѣ отбыла изъ Москвы на мѣсто своего служенія. На вокзалѣ Московско-Курской желѣзной дороги за полчаса до отхода поѣзда собрались всѣ сочувствующіе дѣлу этой миссіи. Съ отцомъ архимандритомъ въ этотъ дальній путь отправилось четырнадцать челолюбъ. Изъ нихъ нѣкоторые отправились въ качествѣ простыхъ послужниковъ при отцѣ архимандритѣ, другіе въ качествѣ пѣвчихъ при миссіи. За день до отъѣзда миссіи въ Абиссинію былъ отправленъ иконостасъ для предпологаемой православной церкви въ станицѣ „Москнѣ“, пожертвованный протоіереемъ церкви Воскресенія на Остоженкѣ Смирновымъ-Платоновымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ много было отправлено туда иконъ пожертвованныхъ частными лицами. Престольное Евангеліе пожертвованное гражданиномъ города Астрахани г. Артемьевымъ тоже отбыло вмѣстѣ съ отцомъ Паисіемъ.

— Распространеніе православной вѣры среди сибирскихъ инородцевъ встрѣчаетъ большія трудности. Въ отчетѣ о забайкальской

миссиі за 1887 годъ говорится, напримѣръ: въ Цуголѣ, изъ разговоровъ съ бурятами, выяснилось, что они не только разсуждать о вѣрѣ съ православными миссіонерами, но даже слушать ихъ боялись, опасаясь, какъ бы это не сдѣлалось извѣстнымъ цугольскимъ ламамъ. Горе тому, о комъ соглядатаи ламъ доносятъ въ неблагопріятномъ смыслѣ! Судъ и расправа дѣлается у нихъ скоро,—стоитъ имъ лишь шепнуть на ухо бурятскимъ родоначальникамъ, находящимся съ ними если не въ родствѣ, то въ большомъ пріятельствѣ; языческія-же власти, у коихъ все шито—крыто, сумѣютъ обдѣлывать такія дѣлишки, нужныя для ламъ. Что касается инсинуаций, что буряты боятся миссіонеровъ, запуганы ими и проч., то это совершенная клевета, понятная и для мѣстной и высшей администраціи, когда извѣстны уже всѣ происки заинтересованныхъ въ ламскомъ вопросѣ лицъ, близко или далеко стоящихъ отъ нашего миссіонерскаго поприща. Миссіонеры могутъ считаться опасными для ламъ только потому, что хорошо знаютъ всѣ ихъ проделки, и единственные почти люди, которыхъ вичѣмъ подкупить нельзя.

— Двое крестьянъ Муромскаго уѣзда, С. Е. Баландинъ изъ села Борисоглѣбскаго, и И. А. Николаевъ изъ с. Чаадаева, принадлежащіе къ безпоповцамъ, послѣ долгихъ размышленій, на которыя навели ихъ бесѣды приходскихъ священниковъ съ глаголемыми старообрядцами, усумнились въ правотѣ своей общины.

Но (читаемъ въ „Владим. Еи. Вѣд.“) только въ одномъ все еще сомнѣвались они; въ самомъ ли дѣлѣ греко-россійская Церковь употребляетъ древніе обычаи и дѣйствительно-ли содержитъ древнѣйшій, православно изложенный чинъ богослуженія и молитвословій. Благодаря вниманію и содѣйствію владимірскаго архіепископа Θεогноста, они побывали въ Москвѣ во всѣхъ главныхъ мѣстахъ, содержащихъ древніе памятники православія; у преподобнаго Сергія—въ библіотекѣ Троице-Сергіевой лавры, а также во Владимірѣ—въ Успенскомъ соборѣ и въ братствѣ св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Все, виданное и читанное ими во всѣхъ этихъ мѣстахъ, они записывали и провѣряли по разнымъ, истинно-древнимъ, книгамъ и рукописямъ. Сознавая всю важность своей миссиі для мѣстнаго безпоповства, предъ которымъ должны были дать отчетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, а главное—движимые искреннимъ, горячимъ желаніемъ безпристрастно и основательно провѣрить всѣ разности между православіемъ и безпоповствомъ, эти представители мнимаго и ревнители истиннаго старообрядчества от-

носились къ изслѣдуемымъ предметамъ съ крайнею осторожностію, которая едва не переходила въ подозрительность, такъ что при чтеніи сомнительныхъ начертаній прибѣгали къ помощи увеличительнаго стекла и требовали самыхъ подробныхъ и обстоятельныхъ объясненій. Сопутствовавшій имъ священникъ села Борисоглѣбскаго, по возвращеніи домой, занялся разработкою собраннаго матеріала и привелъ его въ порядокъ. Полагаютъ, что этотъ трудъ, печатаемый въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ и заключающій въ себѣ сводъ неоспоримыхъ свидѣтельствъ, почерпнутыхъ изъ древнѣйшихъ подлинныхъ источниковъ, можетъ принести пользу какъ старообрядцамъ, желающимъ знать истину, такъ и тѣмъ пастырямъ, у которыхъ въ приходѣ есть сектанты.

— Многіе православные міряне сильно интересуются вопросами старообрядства и даже вступаютъ въ пренія съ расколоучителями. Къ сожалѣнію, исходъ преній не всегда бываетъ благопріятенъ для неискусившихся въ нихъ и не достаточно начитанныхъ защитниковъ православія. Священникъ о. Булычевъ рассказываетъ въ „Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ объ одномъ такомъ спорѣ: раскольникъ, по словамъ его православнаго противника, утверждалъ, „будто-бы нынѣ окончательно всѣ грѣшники и будто таинства, совершаемая Церковью, нынѣ уже ни къ чему“, такъ какъ нѣтъ истинныхъ пастырей: „изсякла, говоритъ, благодать Божія на землѣ“. „И что-же,—вы вѣрите этимъ бреднямъ?“—спрашивалъ раскольника названный священникъ,—и получилъ такой отвѣтъ: „Да я самъ не знаю, что дѣлать и что говорить; я дѣйствительно чувствую, что это гиль-бредни,—говорю, что это не правда: священники и въ городахъ и въ селахъ есть, и службы Божіи, а равно и таинства совершались и совершаются; но вотъ бѣда,—онъ (расколоучитель) озадачиваетъ меня Божиимъ писаніемъ; обо всемъ этомъ, говоритъ онъ, сказано въ Божиемъ писаніи; книгъ же церковныхъ, Божіихъ, я не знаю“.

— Газеты сообщаютъ, что ходатайство извѣстнаго Кронштадтскаго протоіерея Іоанна Сергіева о назначеніи въ Кронштадтъ православнаго священника, для службы на эстонскомъ языкѣ, вызванное многочисленностію здѣсь православныхъ эстонцевъ, увѣчалось успѣхомъ: въ Кронштадтъ прибылъ православный эстонскій священникъ о. Адамъ Сима, причисленный къ причту здѣшняго Андреевскаго собора.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЯ КНИГИ

ЗАПАДНАЯ СРЕДНЕВѢКОВАЯ МИСТИКА

— и —

ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ КАТОЛИЧЕСТВУ.

»Историческое изслѣдованіе.«

А. Вертеловскаго.

Выпускъ I. Харьковъ. 1888. Цѣна съ пересылкою 1 р. 75 к.

Продается въ Харьковѣ: въ книжномъ магазинѣ Д. Н. Полуехтова (на Московской ул.) и въ магазинѣ „Новаго Времени“ (Екатер. ул.)

СБОРНИКЪ

ПРАВИЛЬ И ПРОГРАММЪ

для церковно-приходскихъ школъ,

съ относящимися къ нимъ опредѣленіями Св. Синода.

Составилъ преподаватель Могилевской духовной семинаріи

Д. ТИХОМИРОВЪ.

Могилевъ на Днѣпрѣ. 1888 года. Цѣна 30 коп. съ пересылкою.

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ (Николаевская, 18) къ издателю книгъ Д. Д. Полубояринову.

Для епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ и братствъ дѣлается уступка на 30% (безъ пересылки).

СВ. ГРИГОРІЙ НИССКІЙ, КАКЪ МОРАЛИСТЪ.

Этико-историческое изслѣдованіе.

Д. Тихомирова.

Могилевъ на Днѣпрѣ. 1886. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями обращаться къ автору—преподавателю Могилевской духовной семинаріи Д. И. Тихомирову, въ Могилевъ губ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Въ~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.